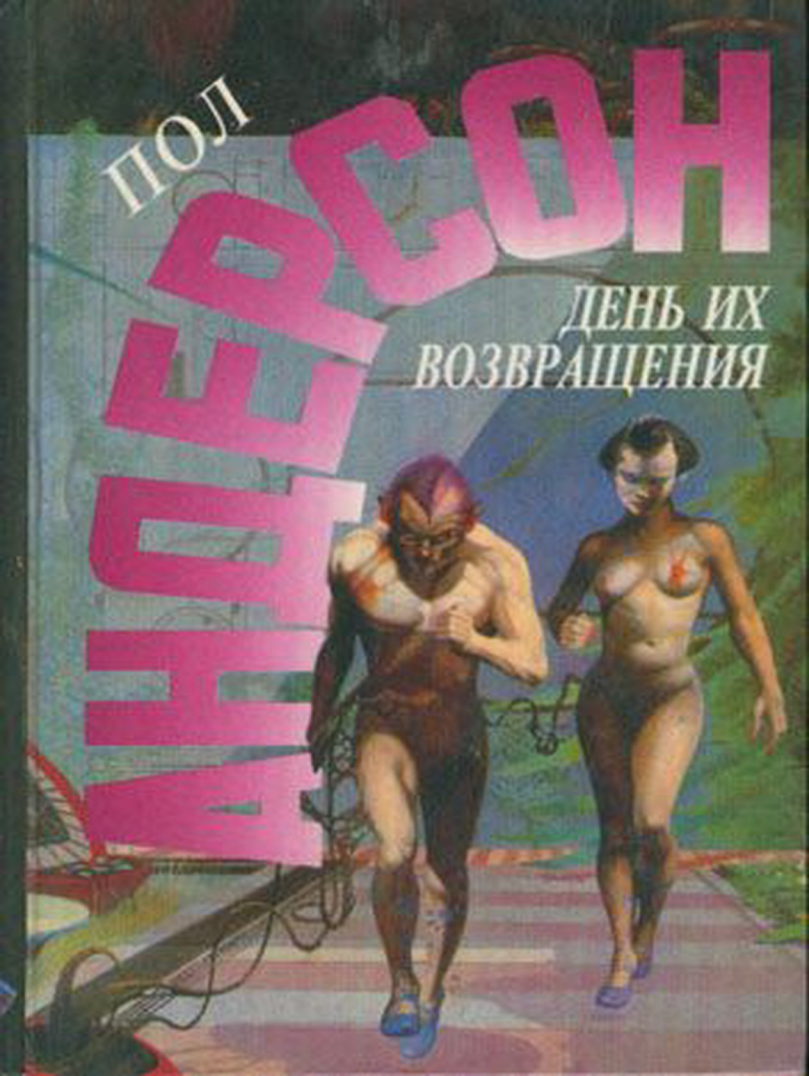
ПОЛ

АНДЕРСОН

ДЕНЬ ИХ ВОЗВРАЩЕНИЯ



День их возвращения
Пол Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон. День их возвращения
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глан 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Аннотация

Разоренный гражданской войной Эней бурлит в ожидании нового взрыва. Комиссар Десаи поклялся установить мир на мятежной планете. Но наследник Архонта скрывается среди недовольных, а в далекой Орке возникает странный мистический культ Древних…Долг комиссара Десаи - любой ценой установить мир. Цель жизни орканца Джаана - любой ценой исполнить повеление Древних. Задание мерсейского агента Айхарайха - любой ценой развязать новую гражданскую войну…

Пол Андерсон
День их возвращения

Посвящается Зиммер Брэдли, моей леди из Дарковера.

И вот, наконец, хоть и тайно,
но мне эту вещь привезли,

И отголоски событий теперь
до меня донеслись.

И, как порождение ночи, из
жутких кошмаров и снов.

Мне в душу проник этот ужас,
и тело мое сотряслось.

Затем предо мною явился бес-
плотный таинственный дух.

Все волосы зашевелились, я весь
содрогнулся, и слух

Мой напрягся и четко услышал
я голос его...

Глава 1

На третий день он поднялся и вышел на свет. Рассвет мерцал над морем, которое когда-то было океаном. К северу скалы поднимались синими из стальной серости горизонта; и сверху вниз их пересекала полоса, которая была водопадом, гул его глухо пробивался через безветренный холод. Небо фиолетовое на западе, пурпурное в зените и было белым на востоке, где поднималось солнце. Но нам все еще светила утренняя звезда, планета Первого избрания.

Я первый из Второго избрания, - знал Яан - и голос тех, кто выбирает. Быть человеком - это быть сиянием.

Ноздри его пили воздух, мышцы его ликовали. Никогда еще у него не было такого ощущения. От горевшего лица до скрипа под ногами, он был реальным.

- О, слава тебе, слава, - сказал тот, что внутри его был Карунфом.

- Оно подавляет это бедное тело, - сказал Яан.

- Я вновь рожден. Ты не чувствуешь себя странником в цепях?

- Шесть миллионов лет пронеслись в эту ночь,

- сказал Карунф. - Я помню шепот волн и крик прибоя там, где сейчас лишь мрачные камни лежат под нами; я помню гордость стен и колонн, которые ныне лежат руинами над входом в могилу, откуда мы пришли; я помню, как облака ходили одетые в радугу. А, прежде всего, я стремлюсь вспомнить - и мне не удалось, потому что плоть, каковой я являюсь, не выносит огня, каковым я был... Я силюсь вспомнить полноту существования.

Яан поднял руки к короне, возлежащей на его челе.

- Для тебя это тяжелый груз, - сказал он.

- Нет, - пропел Карунф. - Я делю открытие, которое он сделал для тебя и твоей расы. Я буду расти с тобой, а ты со мной, а они с нами, пока человечество не только будет достойно быть принятым в Общность, но и пока не принесет туда то, что принадлежит только ему. И, наконец, чувствительность создаст Бога. А сейчас пойдем, давай провозгласим это народу.

Он/они пошли в горы к Арене. Над ними бледно сияла Дидо, утренняя звезда.

Глава 2

Восточнее Винохума местность немного уходила вниз, затем поднималась в Хесперианские горы. Раннее лето прикрыло их наготу листвой. Сине-зеленые, серо-зеленые, то тут, то там насыщенная зелень дуба или кедра, пурпур расмика, разбросанный в деревьях, кустах, в широко раскинувшихся рощах, по ониксу, окрашенному красным и желтым, что было живой мантией земли, огненной травой.

От захода солнца потянуло холодом. Ивар Фридериксон поежился. Казалось даже ложе ружья под его рукой ощущает этот холод. Мох под ним прогнулся, превращаясь на ночь в удобный матрас. Сверху его прикрывал мох, повисший на изогнутом стволе. Получился уютный грот, прикрытый ветвями и листвой, сквозь которые, как шепот на незнакомом языке, пробивались многообразные шорохи. Но это не мешало его взгляду скользить по склону, усыпанному кустами и булыжниками, к долине, полной теней. Дорога, идущая вдоль реки терялась в сумерках, тускло мерцала вода. Сердце его стучало громче,

чем звук течения Вилдфосса,

Никого. Они что, никогда не придут? Глаза его уловили вспышку, он затаил дыхание. Самолет с запада?

Нет. Это колебание листьев привело его к заблуждению. То, что поднялось над хребтом Хорыбек, была лишь Креуза. С губ сорвался смешок, признак того, как напряжены его нервы. Он следил за луной, словно пытаясь найти кампанию, спрятаться от одиночества. Она светила еще ярче, увеличиваясь по мере того, как восходила на восток. Пара чьих-то крыльев поймала лучи спрятанного солнца и засветилась золотом на фоне индиго-синего неба.

"Спокойно! - пытался он укорять себя. - Ты на грани помешательства. А что, если это будет твоей первой битвой? Никаких оправданий. Ты ведь главарь, не так ли?" Хотя родился он в разряженной сухой атмосфере Аэнеаса, он чувствовал, как трудно проходит воздух через нос, язык деревенеет. Он потянулся за флягой. Заполненная водой малого ручья, она отдавала железом.

- Ах... - начал он. И тут появились имперцы.

Они появились неожиданно, как порыв ветра. Частью сознания он понимал, почему так получилось. Сумерки и кустарник скрыли их от

его взгляда до поры до времени. Но почему его спутники не увидели их раньше? Ведь члены его отряда растянулись километра на три по обеим сторонам ущелья. Да, их подготовка оставляет желать лучшего.

Так или иначе, события уже захватили его. Он не знал, что охватило его, страх, гнев или безумие, да у него и не было времени на рассуждения. Он лишь заметил с долей изумления, что не было ни героической радости, ни суровой решительности. Тело его повиновалось рефлексам, а что-то другое завывало: "Как я попал в эту передрягу? Как мне выбраться отсюда?" Он уже был на ногах. Ивар издал охотничий клич паучьего волка и, услышав отклик, рванулся вперед. Накинув на голову капюшон куртки, а на лицо натянув ночную маску, он рванул с земли ружье и выпрыгнул из своего укрытия.

Все чувства были предельно обострены. Он видел каждый изгиб травинки огненного крова, по которому бежал, чувствовал, как он прогибается под ботинками и пружинит. Поймал последнее тепло, излучаемое гигантской скалой, испил прелесть кедра, испробовал крепость дуба, мог бы пересчитать лепестки расмика, распростертые над ним, или измерить скорость, с которой опе-

рение крова вставало, согнутое собирающимся холодом. Но все это было на краю подсознательного, как игра внутренних мышц, нервов, крови, легких, пульса - все его существо было нацелено на врагов.

Это были люди, отряд моряков, пеший за исключением водителя полевого орудия. Оно гудело на гравследе метрах в двух над дорогой. Хотя люди были одеты в шлемы, они не придерживались четкого строя, скорее шли, а не маршировали, не ожидая неприятностей, как при обычном патрулировании. Большинство из них соединили свои наплечные мешки с боеприпасами с обогревательными нитями своих мешковатых зеленых комбинезонов.

Все это Ивару сообщил инфраскоп на его рукаве. Глаза же его говорили о товарищах, которые поднялись из кустов и прыгали вниз по склону, в масках и с оружием, как и он. Уши его ловили молодые голоса, военные команды и бессловесные шумы. Раздались выстрелы, аэнеанцы сразу вдвое уменьшили число своих противников, благодаря внезапности атаки и воле к победе.

Да, у них не было энергетического оружия, но град пуль заменял артиллерийский заряд. Ивар увидел, как водитель начал разворачи-

вать орудие и свалился с него, сбитый чьим-то выстрелом. "А-а, получили!" - он сам стрелял на бегу, низко пригнувшись и бросаясь из стороны в сторону. Цель у них была одна - разбить этот отряд и вывезти то, что от него останется куда-нибудь в пустынную местность. Чтобы он просто бесследно исчез.

Пушка опустилась. "Поздно! - ликовал Ивар, - Это вам уже не поможет". Моряки, бросившиеся под обстрелом на землю, поднимались и оглядывались в поисках своего главного оружия. Впрочем, поднимались не все. Многие остались лежать - раненные, покалеченные, убитые. Кто смог, устремился к укрытию. Сверкали и гремели залпы бластеров, ревели пулеметы. Аэнеанец, находившийся ближе всех к Ивару, задрожал, упал и покатился, остановился и закричал. Кричал и кричал. Кровь его на фоне травы была отчаянно яркой, и до невозможности широко разлитой.

Новый моряк взялся за прицел орудия. Через реку полетела молния, мерцая голубоватой белизной расплавленного металла. Прогремел гром. Там, где прошел смертоносный луч, не было больше ни деревьев, ни кустов, ни воинов. Над пеплом курился дым.

Ивар упал, ослепленный и оглушенный. Он

вцепился в почву, ему казалось, что планета пытается сбросить его в своем бешенном вращении.

Через несколько мгновений наваждение прошло. Голова все еще кружилась, перед глазами мелькали световые вспышки, но он мог слышать, видеть, даже, отчасти, думать.

Он оказался за каким-то кустом, колючки которого разорвали правый рукав куртки и ободрали ему руку; все остальное было цело. Но рядом с ним лежал чей-то труп, с вывалившимися наружу внутренностями. Из-за маски на лице было неясно, кто из его друзей это был. Как это ужасно, как бессмысленно вскрывать внутренности, не показывая лица.

Ивар напрягся, всматриваясь во мглу. Браг все еще не переправил свое полевое орудие на этот берег реки. Вместо него они использовали стрелковое оружие, как более точный инструмент. Против их мастерства и дисциплины партизаны были как стекло, брошенное на броневую плиту.

"Партизаны? Шпана! И я в роли заводилы..." - Ивар боролся с тошнотой, стараясь не заплакать.

Он должен улизнуть. Только идиотское везение оставило его живым и незамеченным. Но моряки брали пленных. Он видел, как они привели

нескольких легко раненых. Еще несколько, оглушенных пушкой, подняли руки вверх.

Никто не может что-либо утаить от гипноскопии.

Вергилий опустился за невидимый горизонт. Наступила ночь.

Аэнеас делал полный оборот за двадцать часов, девятнадцать минут и несколько секунд. Был близок рассвет, когда Ивар Фридериксон добрался до Винохума.

Серый гранит огораживал стеной родовое гнездо Первого человека Илиона. Оно стояло на самом краю древнего мыса, среди утесов и скал, облаков и ярусов, на скале, покрытой скудным кустарником. Материк здесь опускался на три километра ко дну моря Антония. Туда же проваливалась и река, взрываясь у замка, шумом водопадов.

Портал стоял закрытым, как свидетельство того, что войска оккупантов считаются бандитами. Ивар остановился, чтобы нажать на плату сканнера. Звон отозвался эхом пустоты.

Усталость сменялась болью, идущей от позвоночника и с быстротой бегущей по венам крови охватывавшей все члены, всю плоть и кости. Ноги его подгибались, а зубы стучали мелкой дрожью. Казалось, он с ног до головы облит собственным

потом, он чуял его запах и ощущал его вкус на потрескавшихся губах. Он выбрал более длинный и трудный путь, лишь бы не бежать по дорогам.

Ивар прислонился к высокой стальной двери, всасывая воздух сквозь высохший, как у мумии рот. Ветерок обдавал его леденящим холодком. И все-таки, он никогда еще так остро не воспринимал красоту этой земли, как сейчас, когда она была потеряна для него.

Небо высоко парило кристаллической чернотой, усыпанной звездами. В разряженном воздухе они светили ровным светом с бриллиантовым оттенком. Млечный путь был белым потоком, а родственное облако в Улье было нашей галактической сестрой, на расстоянии полутора миллионов световых лет. Креуза уже села, а более медленная Ливиния отходила в свою вторую четверть. Серебристый свет падал на иней.

На восток тянулись поля, луга, лесные участки, массивы, которые были заснувшими загонами и, наконец, гора. Взгляд И вара скользил на запад. Там богатые плодородные земли низины лежали во фруктовых садах, плантациях, в превратившихся в ночные зеркала каналах, блестящем щите соленых топей, которые шли к кольцу мира. Он подумал, что видит движущиеся огни. Может,

его люди уже за границей? Нет, не мог же он различить их светильники на таком расстоянии… фонари на кораблях-привидениях, плывущие по океану, который исчез три миллиона лет тому назад…

Портал распахнулся. Там стоял сержант Астафф. Бросая вызов декрету Империи, на его плотной фигу-

ре сидела илионская форма. Хотя он сбросил капюшон и маску, при таком сказочном освещении голова его была не седой; она была такой же ледяной, как те слова, которые исходили от него.

- Первенец Ивар! Где вы были? Что происходит? Представляете гнетущий страх вашей матушки за вас все эти последние пять дней?

Наследник дома проскользнул мимо него. За воротами во дворе крест-накрест лежали тени от башен, бойниц, главных и второстепенных зданий. Гончая хесперианской породы, длинная и с тяжелыми челюстями, была второй живой фигурой, которую было видно. Папы ее неестественно громко стучали по камням.

Астафф нажал кнопку, закрывая дверь. Некоторое время он помолчал, а затем медленно произнес:

- Лучше дайте-ка мне это ружье, первенец. Я

знаю место, куда эти земляне не сунут свой нос.

- Я тоже, - с глубоким вздохом сказал Ивар.

- Разве вы не сделали много добрых дел, улизнув отсюда, пока вы готовились к… ну, что бы вы там ни делали… а-а?

Астафф протянул руку.

- Беда, в которую я попал, для меня не имеет значения, даже если они меня сцапают с этим. - Ивар взялся за ружье. - Разница только в том, что я отправлю кое-кого на тот свет.

Что всколыхнулось в старике. Он, как и его предки до него, служил Первым людям Илиона всю жизнь. Тем не менее, или как раз по этой самой причине, в голосе его была боль.

- И почему вы не попросили помощи у меня?

- Тогда бы ты отговорил меня от этого, - сказал Ивар. - И был бы прав.

- Что вы пытались сделать?

- Уничтожить местный патруль. Начать собирать оружие. Я не знаю, скольким из нас удалось бежать. Возможно, большинству не удалось.

Астафф рассматривал его.

Ивар Фридериксон был высоким, 185 сантиметров, стройным, широкоплечим аэнеанцем. Истощение приглушило его обычную живость и сделало хриплым его звонкий голос. Курносое,

веснушчатое лицо с квадратным подбородком делало его моложе, чем он был; за прошедшие дни не появилось и намека на отрастающую бороду. Волосы его, коротко подстриженные на затылке и на висках по северному образцу, были светлыми, с часто торчащим хохолком или прядью на лбу. А из-под темных бровей смотрели большие зеленые глаза. Под пиджаком на нем была рубашка с высоким воротником, пояс с сумкой, нож с тяжелым лезвием, плотные брюки, заправленные в ботинки - обычная уличная одежда. По правде говоря, он мало чем отличался от любого другого юноши высшего класса этой планеты.

Но этого малого было достаточно.

- Ну и троглодиты же вы, - наконец сказал сержант, получив в ответ вспышку гнева.

- Мы должны сидеть, кроткие, как овечки, а земляне пусть лепят из нас все, что хотят, давят, и используют нас, как им заблагорассудится?

- Ну, - ответил Астафф, - я бы спланировал свою акцию получше и побольше бы ее отрепетировал.

Он взял Ивара за локоть.

- Вы выглядите не лучшим образом, - сказал он. - Идите ко мне. Вы помните, где я обитаю? Слава Богу, жена ушла навестить семью нашей дочери.

Примите душ, поешьте и спать. Я несу вахту до 05-10. Не могу вызвать замену, так как потребуется объяснение; но никто к вам туда не сунется.

Ивар заморгал:

- Что ты имеешь в виду? Мои комнаты?..

- Да-да! - засопел Астафф. - Идите, идите. Поднимите вашу матушку, маленькую сестренку. И их сюда же приплетите. Конечно. Их будут допрашивать, вы же знаете, как только импи узнают, что вы в этом замешаны. Их будут допрашивать под воздействием наркотиков, могут и под гипнотестом, если хоть что-то натолкнет их на мысль, что им известно, где вы находитесь. Вы этого хотите? Ладно. Идите и скажите им нежное прощай.

Ивар отступил на шаг, поднял умоляюще руки.

- Нет, я… я никогда не думал…

- Ладно.

- Конечно, я… Что ты задумал? - покорно спросил Ивар.

- Убрать тебя отсюда до того, как прибудут Импи. Хорошо, что ваш отец целую вечность пробыл в Нова Рома; у него алиби, да и влияние есть, чтобы защитить семью, если земляне не найдут никаких улик, что вы когда-либо были здесь после битвы. Ну? Вы должны поскорей уехать. Наденьте ливрею слуги, которую я вам

раздобуду, медицинскую маску, как будто вы чихаете от аллергии, оружие спрячете под плащ. Идите так, как будто вас послали по срочному поручению. Дом большой, никто не обратит на вас особого внимания. Я найду кого-нибудь из поселян, кто возьмет вас к себе, Сэм Хедан, Фрэнк Вэнс, любой надежный, который живет не здесь. Вы пойдете туда.

- А потом?

Астафф пожал плечами.

- Кто знает? Когда шумиха уляжется, я шепну вашим словечко, что вы живы и на свободе. Может быть позже вашему отцу удастся выбить вам помилование. Но если земляне поймают вас, когда еще слишком свежи воспоминания об их мертвых - сынок, они захотят преподнести наглядный урок. Я знаю Империю. Путешествовал по ней не единожды с адмиралом Мак-Кормаком.

Едва произнеся это имя, он взял под козырек. Любой имперский агент, увидевший это, арестовал бы его на месте.

Ивар проглотил ком в горле и сказал, заикаясь:

- Я… я не могу отблагодарить…

- Вы следующий Первый человек Илиона, - рявкнул сержант. - Может быть наша последняя надежда на возвращение Старших. А сейчас,

прежде, чем кто-нибудь придет сюда, уносите ноги - и не забудьте прихватить остальные части!

Глава 3

Предыдущее задание Чандербана Десаи было в составе делегации, которая вела переговоры об окончании Джиханнатского кризиса. Само по себе это не обещало быстрого изменения в его карьере. Администраторы его Величества всегда должны торговаться по мелочам, искать компромиссы, знать свое место, устранять конфликты между личностями, организациями, обществами, расами, видами. Необходимость мастерства - быстро схватывать факты, понимать ситуацию, отбрасывать несущественные детали, когда, несмотря ни на что, случайность вмешивалась в чьи-то расчеты - было самым главным требованием на среднем уровне бюрократии, которого он достиг. Обыватель, имеющий дело только со своей культурой, может ничего не делать и ни о чем не думать, кроме течения своих личных дел. Правитель сектора может не вникать в каждую конкретную ситуацию, он ее просто не заметит в огромном потоке дел и проблем, с которыми ему приходится сталкиваться. Поэтому было решено, что для управления большими территориями,

доставляющими большие хлопоты, необходимы комиссионеры, которые знали бы и понимали местных обывателей, но и сознавали государственную необходимость.

Десаи работал в районах, которые были обращены к Бетельгейзе и, через ничейную и плохо исследованную буферную зону к Ройдгунату Мерсеи. Таким образом, он естественным образом попал в специальную дипломатическую группу. Б спокойном стиле он поддерживал главу группы, Лорда-советника Чардона, так успешно, что впоследствии получил повышение по службе, и был назначен Верховным Комиссионером Вергилианской системы, на противоположном конце Империи.

Это случилось, благодаря стечению новых идей и особых обстоятельств. Мятеж в секторе Альфа Кру-цио стал возможен, потому что основная часть военного флота была сосредоточена вокруг Джиханната, где реально ожидалась полномасштабная война. Однако стоило Земле подавить оба восстания, как Мерсея заявила, что она всегда стремилась избежать столкновения и всегда готова к поиску разумного компромисса. Когда вскоре Политическое управление стало искать способных людей, чтобы перестроить сектор Альфа

Круцио, Лорд Чардон так настойчиво рекомендовал Десаи, что того поставили ответственным за Вергилия, чья планета-колония Аэнеас была центром мятежа Мак-Кормака.

В силу всего предыдущего опыта Десаи всегда интересовался позицией мерсейцев, как бы ни были они далеки от него теперь.

В редкие моменты безделья, когда он ожидал в своем офисе в Иова Рома следующего посетителя, он вспоминал свой последний разговор с Улдвиром.

Они занимали схожее положение и имели одинаковые полномочия в делегациях на переговорах и не по своей воле стали приятелями, почти друзьями. Когда были закончены все формальности и проволочки, связанные с подписанием протокола, они, после официальной церемонии, устроили для себя обед на двоих.

Десаи вспомнил их отдельную комнату в ресторане. Живые картины на стенах, на его взгляд были примитивны; но место, которое обслуживало различных софонтов и не могло претендовать на то, что бы понимать искусство всех, а обед был вдохновенной комбинацией из человеческих и мерсейских блюд.

- Выпьем еще, - предложил Улдвир и поднял

глиняный кувшин острого пива своего народа.

- Нет, благодарю, - сказал Десаи. - Я предпочитаю чай. Этот десерт наполнил меня до краев.

- До чего? Не обращайте внимания, я понял мысль, если не идиому. - Хотя каждый из них свободно владел главным языком другого, а их органы речи не очень отличались, поэтому для Десаи легче было говорить на англике, а для Улдвира - на эриау.

- Вы, конечно, съели много пищи?

- Боюсь, это мой особый недостаток, - улыбнулся Десаи. - Кроме того, дополнительная доля алкоголя сделала бы меня совсем пьяным. У меня не такая масса, как у вас, чтобы справиться с ней.

- Ну и что в том, что вы захмелели? Я, например, собираюсь это сделать. Наша работа закончена.

- А затем Улдвир добавил: - В настоящий момент.

Потрясенный, Десаи пристально посмотрел на него через стол.

Улдвир ответил ему вопросительным взглядом. Мерсейское лицо почти как у людей, если не обращать внимания на толстые кости и бесчисленные детали мышц. Но на его зеленой коже с тончайшими чешуйками совсем нет волос, нет ушных раковин, гребень с мелкими зубчиками

шел от макушки вниз по спине до конца крокодильего хвоста, который служил противовесом большому, наклоненному вперед телу. Руки и кисти, опять же, были похожи на человеческие, ноги и ступни со скошенными когтями могли бы принадлежать двуногому динозавру. На нем была надета черная с серебряной окантовкой военная туника и брюки, цветные эмблемы ранга и Вах Халлена, где он родился. На поясе висел бластер.

- Б чем дело? - спросил он.

- А-а… ничего. - Но про себя Десаи задумался. "Он не имел ввиду враждебность - враждебность ко мне, как к человеку… это его замечание. Он, вся его цивилизация, произносит слова не так, как мы. Борьба против Земли является просто фактом. Ройдгунат пойдет на компромисс в диспуте, когда это диктует целесообразность, но никогда не поступится принципом, что, в конце концов, Империя должна быть разрушена. Потому что мы - старые, сытые, желающие сохранения мира, который позволит нам пользоваться удовольствиями - мы стоим на пути их амбиций, их расы. Если равновесие сил не будет нарушено, мы блокируем их, или помешаем им, где только можно, они же стремятся подорвать нас, смять, уничто-

жить. Но это не касается личностей. Я почетный враг Улдвира, поэтому его друг. Составляя ему оппозицию, я придаю значение его жизни".

Улдвир догадывался о его мыслях и произнес с хриплым мерсейским смешком.

- Если вы хотите сегодня притворяться, что проблемы решены правильно, пожалуйста. Я бы хотел, чтобы мы хорошенько напились и спели свои военные марши.

- Я не человек войны, - сказал Десаи. Прикрытые надбровными дугами глаза Улдвира выражали скептицизм, а рот усмехался.

- Бы имеете в виду, что не любите физического насилия. А за столом конференции вы вели действительно эффективную войну.

Он налил себе еще из сосуда. Десаи видел, что он уже немного навеселе.

- Я полагаю, что следующая фаза тоже будет спокойной, - продолжал он.

- Люди без перчаток… не очень-то хорошо. Старкад, Джиханнат… нет, я бы постарался найти для нас что-нибудь более искусное и долгосрочное. Что должно удовлетворить вашу Империю, храич? Бы сделали доброе дело для вашей Морской разведки из совместной комиссии на Талвине. - Десаи, который знал об этом, молчал. - Может

быть, наступает наш черед.

Испытывая отвращение к своей обязанности, Десаи спросил самым обычным тоном:

- Где?

- Кто знает? - Улдвир сделал жест, равнозначный пожиманию плечами. - Не сомневаюсь, да и вы тоже, что в секторе Альфа Круцио, например, у нас масса агентов. Кроме того, что недавно там было восстание, он находится вблизи Владений Иттри, которое поддерживало лучшие отношения с нами, чем с вами... - Рука его рубанула по воздуху. - Нет, я огорчаю вас, не так ли? А как нам это исправить? Извиниться? Послушайте, если вы не хотите больше пива, почему бы не выпить ягодного бренди? Гарантирую, это первоклассный напиток. Вы можете считать, что вы миролюбивый парень, Чандербан, но я знаю самую малость или более о ваших людях, я имею в виду ваших специальных людей. А что это за старая-старая книга, о которой, я слышал, вы упоминали и из которой цитировали? Риксвей?

- Риг-Веда, - сказал ему Десаи.

- Вы говорили, что в ней есть военные мотивы. Вы знаете какие-нибудь достаточно хорошо, чтобы они звучали на англике? Вон там компьютерный терминал. - Он указал в угол. - Вы

можете связаться через него с нашим главным переводным устройством, раз уж мы закончили наши официальные дела. Мне бы хотелось услышать немного о ваших особых традициях, произведениях, загадках - жизнь так коротка, чтобы насладиться ими…

Да, это был памятный вечер.

Десаи беспокойно зашевелился на своем стуле.

Он был невысоким мужчиной с темно-коричневым круглым лицом и с брюшком. И в пятьдесят пять стандартных лет волосы его оставались черными, хоть и поредели на макушке. Полные губы обычно загибались слегка вверх, что в сочетании с водянистыми глазами придавало ему задумчивый вид. Как обычно, сегодня на нем была простая неприлегающая белая рубашка и брюки, на ногах шлепанцы, для удобства на размер больше.

За исключением средств связи и хранящих данные консолей, которые занимали одну стену, офис его, как и он сам, был непретенциозным. Он действительно имел зрелищный голограф, вид горы Ганди на его родной планете Рамануджан. Все другие картины были фотографиями его жены, их семерых детей, семей тех четырех из них, которые были взрослыми и жили на различных

планетах. На полке лежали старинные рукописи и рулоны, некоторые часто использовались как справочники, остальные служили для отдыха: поэзия, история, эссе, большинство авторов были вековой давности. Письменный стол его был менее не опрятен, чем он сам.

"Мне следовало бы повременить с отпуском, и использовать его сейчас, - думал он. - Богу известно, что настоящее требует от меня больше, чем я могу дать.

Или не так? Пусть пощадит меня Бог от безумия когда-либо считать себя незаменимым.

Впрочем, кто-то должен занимать этот пост. И им оказался я.

Должен кто-то другой? Как много в действительности происходит из-за меня, а сколько независимо от меня или сколько и что должно происходить? О, Боже! Я осмелился принять правящий сан, работу по переделке целого мира - когда не знал о нем ничего, кроме названия, и все это просто потому, что это была планета Хуго Мак-Кормака, человека, который хочет быть императором. Прошло два года, и что я узнал сверх того?"

Обычно он мог сидеть спокойно, но Хесперианское происшествие шокировало, не столько само

по себе, сколько его скрытый смысл. Каким бы он ни был. Как он мог планировать воздействие на этих людей, когда эта новость стала известна, если он, иностранец, не имел понятия, к чему такое воздействие может привести?

Он положил сигарету в длинную, искусно изогнутую пепельницу из кости земного кита. (Он полагал, что это ужасный вкус, но ему подарила эту вещь на день рождения дочь, которая вскоре умерла). Табак был дорогим удовольствием, выращенный на Эсперансе, ближайшей от Земли планете, он получал его здесь, пока продолжались поставки.

Табачный дым не успокоил его. Он вскочил и стал беспокойно ходить взад и вперед. Он еще полностью не адаптировался к силе притяжения Аэнеаса (63 процента от нормы) поэтому ему не очень нравилось двигаться. Недостатком было то, что он должен был каждое утро проделывать мерзкие упражнения, если не хотел полностью превратиться в толстяка. Конечно, несправедливо, что аэнеанцы так отлично подготовлены физически, без дополнительных на то усилий. Нет, не совсем несправедливо. На этой скудной планете немногие могли себе позволить большое излишество в виде машин; даже сегодня многие

ходят пешком или едут на животных, а не на машинах; большинство работ производиться вручную, без автоматов и электроники. И еще в раннем периоде - начало колонизации, беды, медленное выползание из хаоса - смерть отсеяла слабых представителей их народа.

Десаи остановился у северной стены, включил режим прозрачности и взглянул на Нова Рома.

Хотя Дому Империи двести земных лет, он неуклюже смотрелся в центре города, основанного семь веков назад. Большинство зданий в этом районе, по крайней мере, половина, были старой постройки, а архитектура мало изменилась за это время. В таком климате, где редко шел дождь и никогда не было снега, где временами дули холодные, а иногда ураганные ветры, поднимающие пыль, песок; где вода для кирпичей и цемента, леса для строевого материала, органика для синтетики были редки и драгоценны, предпочитали камень, которого на Аэнеасе было в изобилии, и использовали его цвет и структуру.

Типичными строениями были дома, в два или три этажа, с плоской крышей, которая служила наполовину садом - вид сверху представлял очаровательную мозаику - вторая половина крыши служила накопителем солнечной энергии. На

узких окнах были ставни, украшенные медными или железными арабесками; тяжелые двери делались в том же стиле. Б большинстве случаев серый тесанный камень имел облицовку из тщательно выбранных и подогнанных гладких плит мрамора, агата, халцедона, яшмы, нефрита и более экзотических материалов, кроме того, часто использовались резные фигуры, бордюры, эмблемы, гротики; эрозия смягчала их всех и сделала старую часть города утонченно гармоничной. Дома побогаче, магазины и офисы окружали закрытые дворы, крытые витрилловыми крышами, которые сохраняли тепло и воду, где среди фонтанов и рыбных прудов стояли статуи и растения.

Улицы были узкие и извилистые, изрешеченные аллеями, постоянно выходящими на небольшие нерациональные площади. Движение транспорта было редким, в основном сновали пешеходы, иногда наземные машины, грузовики и крестьяне на аэнеанс-ких лошадях, идущих легким шагом, или на шестиногих статасах (для них тоже инопланетных, хотя Десаи не мог бы сейчас, вот так сразу, припомнить, откуда они родом). Столичный город - население здесь треть миллиона, самое большое - неизбежно будет дольше, и медленнее оправляться после войны,

чем районные глубинки.

Он поднял глаза и посмотрел вдаль. Находившийся на юге университет не был виден через эту стену. То, что он увидел, был широкий, яркий разлив реки Флоны и древние с высокими арками мосты через нее; за ней Юлинианский канал, его притоки, вдоль них зеленеющие парки, баржи и прогулочные лодки на их поверхности; еще дальше замысловатость каналов намного меньше, но поновее, выпирающие снизу вверх современные здания кричащих цветов, оттенок индустриальной дымки - Веб.

Однако небольшой по земным меркам, этот сектор стал колыбелью его надежд. В кругах промышленников, торговцев и менеджеров, которые выросли за несколько последних поколений, чьи интересы меньше соприкасались с учеными и земельными магнатами, чем с Империей и ее Пактом.

"А могу ли я привлечь их? - думал он. - Я уже делаю это, но насколько они надежны?" Единственная планета, но слишком большая, чтобы разобраться в ней сразу.

Справа и слева он видел островки девственной природы. Ярко-зеленая жизнь лежала по обеим сторонам Флоны, которая величественно текла

вниз с северной полярной вершины. Он видел холмы, поместья, водный транспорт; он знал, что берега служили местом сельскохозяйственных полей и пастбищ. Но этот пояс был шириной лишь в несколько километров.

А далее повсюду высились блекло-желтые скалы, черные базальтовые хребты, далеко-далеко, и почти сливались с пурпурным небом, коричневато-желтые дюны. Тени были очерчены более четко, чем на Земле или Рамануджане, так как солнце дальше, а диск его сжат. Десаи знал, что сейчас, летом, на средней широте, воздух был холодным; по качающимся толстым ветвям дерева рахаба в саду на крыше он заметил, как сильно дует ветер. А наступит заход солнца, и температура опустится ниже точки замерзания. И все-таки, Вергилий был ярче, чем Сол; F7; на него нельзя было смотреть без сильной защиты для глаз, и Десаи изумлялся, как эти светлокожие люди могли когда-то поселиться на землях с такой жесткой радиацией.

Хотя, конечно, планеты, где люди могли жить без дополнительной защиты, встречались не слишком часто; а здесь еще существовала притягательная сила Дидо. Б самом начале это была научная база и ничего более. Нет, это уже было

второе начало, спустя века после неизвестных строителей того, что стояло теперь загадочными руинами…

"Мир, имеющий такую историю… и я должен укротить их?"

Его раздумья прервал автосекретарь: "Айчарайч", - очень характерно выговаривая дифтонги и гортанные "р". Его программа позволяла ему сразу же отвечать на том языке, на котором с ним разговаривали, что очень нравилось посетителям, особенно не землянам.

- Что? - заморгал Десаи. Прибор на его письменном столе высветил извещение о назначенной встрече. - О-о, да, конечно.

Он, наконец, вернулся к реальности. Это тот, прибывший сюда позавчера с делегацией Ллинтавра. Просит разрешения на проведение исследований.

- Пустите его, пожалуйста.

(Высший Комиссионер считал, что для создания дружественной атмосферы даже с компьютером стоит разговаривать вежливо.) Судя по изображению на экране, посетитель относился к мужскому полу. В графе о планете происхождения значилось: Жан-Батист. Бог его знает, что это за мир и где он находится. Ясно только, что название

земного происхождения.

Дверь отошла, и в комнату вошел Айчарайч. У Десаи перехватило дыхание. Он не ожидал, что гость будет таким внушительным.

Или какое еще слово можно подобрать? "Вызывающий тревогу" было бы более точным? Ксенософонты, которые напоминали людей, производили на него такое же впечатление. Айчарайч был в большей степени антропоидом, чем Улдвир.

Его можно было бы даже назвать красивым. Высокий и тонкий в сером костюме, с широкой грудью,

но узкой талией. Фигура, которая должна бы двигаться неуклюже, но вместо этого двигалась плавно. На голых ступнях было по четыре длинных когтя, а на лодыжках шпоры. Кисти были шестипалыми, согнутые, а ногти были больше похожи на когти. Голова высоко поднятая и узкая, на ней стоячие уши, большие ржаво-красные глаза, изогнутый острый нос, маленький рот, заостренный подбородок и резкоугловатые челюсти. Десаи почему-то вспомнились образы византийских святых. Вверху возвышался убор из синих перьев, а крошечные перышки служили бровями. В других местах кожа его была полно-

стью гладкой, золотистого цвета.

После мгновенной заминки Десаи сказал:

- А-а, добро пожаловать, Почтенный. Чем могу быть полезен?

Они поздоровались рукопожатием. Рука Арчарайча была теплее его. Ладонь была жесткой, но не мозолистой. "Авиан, - догадался он. - Потомок аналога нелетающих птиц".

Англик вошедшего был безупречен, музыкальная тональность его низкого голоса, звучала не как неправильное произношение, а как совершенство.

- Благодарю вас, Комиссионер. Вы очень добры ко мне. Я понимаю, насколько вы должны быть заняты.

- Не присядете ли? - стул перед письменным столом не нужно было долго регулировать, подгоняя под себя. Десаи занял свое место. - Вы не против, если я закурю? Не желаете?

Айчарайч покачал головой в ответ на оба вопроса и улыбнулся, и снова Десаи подумал об античных образах, архаичной греческой скульптуре.

- Мне было очень интересно встретиться с вами, - сказал он. - Признаюсь, я впервые встречаю представителя вашего народа.

- Мы редко путешествуем вне пределов своего мира, - ответил Айчарайч. - Наше солнце в секторе Альдебарана.

Десаи кивнул. Он никогда не сталкивался с мирами в том регионе. Неудивительно. Сфера, которой подобно сюзерену повелевала Земля, имела диаметр около 400 световых лет; она насчитывала приблизи-

тельно четыре миллиона звезд, из которых, по меньшей мере, половину земляне посетили не более одного раза; приблизительно 100 000 планет имели формально оформленные отношения с Империей, но для большинства из них это значило не более чем признание подчиненности и скромных налогов или простого обязательства поставлять при необходимости рабочих и ресурсы. Взамен они получали Пакт; и они имели право участвовать в космической торговле, хотя большинству не хватало капитала, промышленной базы или должного уровня культуры для этого… Слишком много… Если одна планета поражает воображение, что тогда говорить о нашем совсем микроскопическом кусочке галактики, далеко у края духовной реки, с которой, как мы воображаем, мы уже начали понемногу знакомиться?

- Вы задумались, Комиссионер, - заметил Ай-

чарайч.

- Бы заметили? - улыбнулся Десаи. - Вы уже знакомы с кем-то из людей?

- Ваша раса вездесуща, - вежливо ответил Айчарайч. - И загадочна. Это мой сердечный позыв для поездки сюда.

- А-а... простите меня, я не успел подробно познакомиться с вашими документами. Я знаю только о том, что вы хотите проехать по Аэнеасу в научных целях.

- Если хотите, считайте меня антропологом. До сих пор мой народ имел скудные контакты, но сейчас мы стремимся расширить их. Моя миссия в течение ряда лет заключается в том, чтобы ездить по Империи, изучая культуру ваших видов, самых многочисленных и широко распространенных в этих границах, чтобы мы могли на более научной основе иметь с вами дело. Я уже отметил удивительное разнообразие жизненных привычек, всего, что касается образа мышления, чувств, восприятия. Ваша универсальность граничит с чудом.

- Благодарю вас, - сказал Десаи, чувствуя себя не совсем удобно. - Я не считаю себя таким уж уникальным. Просто так случилось, что мы были первыми в космосе - в нашем ближай-

шем окружении, в тот момент истории - а наша доминантная цивилиза-

ция этого времени оказалась способной к динамическому расширению. Б результате мы освоили немало миров, зачастую изолированных, что и породило культурное разнообразие… Я бы сказал, фрагментацию.

- Он выпустил через нос струю дыма и взглянул через нее на собеседника.

- Бы уверены, что в одиночку сможете многое о нас узнать?

- Я путешествую не один, - сказал Айчарайч.

- Кроме того, мне в некоторой мере помогает телепатическая способность.

- Неужели? - Десаи поймал себя на том, что переключил свое мышление на хинди. Чего он боится? Чувствительность к чужим мыслям известна давно, у некоторых видов она больше, у других меньше. Люди, находясь среди последних, тем не менее, активно ее изучали и имели немало теорий ее объясняющих. Но сами ею так и не овладели.

- Бы увидите, что этот факт упоминается в справочнике данных, касающихся меня, - сказал Айчарайч. - Штат Секторального губернатора Муратори предпринимает меры предосторожности

против шпионажа. Когда я впервые обратился к ним по поводу своей миссии, то по существующим порядкам меня направили к агенту-телепату, риэллианцу, которая почувствовала, что строение моего мозга имеет сходство с ее мозгом.

Десаи кивнул. Риэллианцы были подходящими экспертами. Конечно, тот эксперт едва ли прочел мысли Айчарайча при таком поверхностном контакте, и едва ли смог оценить масштаб его способностей, все-таки они слишком сильно отличались у разных видов› языков, обществ, индивидуумов.

- С вашего разрешения, не можете ли вы сказать, на сколько вы продвинулись в этой области?

Айчарайч сделал неопределенный жест:

- Меньше, чем мне бы хотелось. Например, вам не следовало бы менять вербальную форму своих внутренних размышлений. Я почувствовал, что вы сделали это, но только потому, что изменились импульсы. Я не мог читать ваши мысли, это невозможно, если вы не знаете человека долго и хорошо, ну и еще я просто могу переводить поверхностные мысли, четко сформулированные. Я не могу проецировать.

- Он улыбнулся. - Можно сказать, что у меня маленький дар сопереживания.

- Не принижайте его. Хотел бы я обладать им в той же степени, в которой вы, кажется, владеете им.

- А про себя добавил: "Я не должен подпадать под его влияние. Он располагает к себе, но мой долг быть осторожным".

Десаи наклонился вперед, положив локти на стол.

- Извините меня, если я что-то делаю не так, Почтенный, - сказал он. - Вы прибыли на планету, на которой два года назад было вооруженное восстание против Его Величества, которое надеялось силой и насилием посадить на трон одного из своих сыновей или, в случае провала, отколоть весь этот сектор от Империи. Мятежный дух здесь еще высок. Я говорю вам об этом, потому что сей факт не может быть скрыт надолго, недавно мы имели нападение на отряд оккупационных сил, с целью завладеть их оружием. Восстание в других местах уже стали известны общественности.

Порядок и законы здесь очень хрупкие, Почтенный. Я надеюсь поступать твердо, но гуманно в области возвращения Вергилианской системы в жизнь Империи. В настоящее время практически любое событие могло бы привести к новому взрыву. Если он будет крупным, последствия

могут быть ужасающими для аэнеанцев, вредными для Империи. Мы недалеко от границы с владениями Иттри и, что еще хуже, лордов войны за независимость, разбойников и настоящих фанатиков, которые имеют космические флотилии. Аэнеас прикрывал этот наш фланг. Мы можем столкнуться с неприятной возможностью потерять его.

Ряд враждебных и криминальных элементов воспользовались нестабильными условиями, и предприняли такую вылазку. Я сомневаюсь, что моя полиция уже избавилась от всех них. Я, конечно, не собираюсь допустить ее повторения. Вот почему корабли и спутники-разведчики запущены на орбиту, и никаким кораблям, за исключением специальных, не разрешена посадка - в этом порту и нигде. А лица с этих кораблей регистрируются и должны оставаться в Нова

Роме пока не получат специального разрешения для поездок.

Он понял, что говорит чересчур жестко, и попросил извинения. Айчарайч помог ему справиться со смущением.

- Пожалуйста, не подумайте, что вы говорите оскорбительно. Комиссионер. Я вполне сочувствую вашему положению. Кроме того, я

чувствую ваше хорошее расположение к себе. Бы боитесь, что я мог бы непреднамеренно вызвать эмоции, которые бы могли воспламенить толпы или революционеров.

- Я должен рассматривать такую возможность, Почтенный. Даже внутри одного вида слишком легко совершить малейшую оплошность. Например, мои собственные предки на Земле, еще до космических полетов, однажды поднялись против иностранных правителей. Конфликт стоил несколько тысяч жизней. Причиной их был новый вид патрона, который задевал религиозные чувства местных войск.

- Лучшим примером могло бы послужить Тайпинское восстание.

- Что?

- Оно произошло в Китае, в том же веке, что и Индийский мятеж. Восстание против династии чужеземцев, хотя это была династия, которая правила значительное время, наступила гражданская война, которая длилась целые поколения и унесла миллионы людей. Вожди были вдохновлены воинственной формой христианства - едва ли это могло прийти на ум Иисусу, или нет?

Десаи уставился на Айчарайча.

- Бы уже изучили нас.

- Немного, о-о, ничтожно мало. Б основном по эстетическим трудам, Аэсчилюса, По, Шекспира, Гете, Тургенева, Михайлова; по музыке Баха или Ричарда Штрауса, по изобразительному искусству Рембрандта или Хирошиги… Я мог бы обсуждать это месяцами, Комиссионер, но у вас нет времени. Я просто надеюсь убедить вас в том, что не вторгнусь в ваш мир, как неуклюжий, неразумный чужак.

- Но почему Аэнеас? - поинтересовался Десаи.

- Именно из-за обстоятельств, в которых он находится, Комиссионер. Как ведут себя люди особо гордого и уверенного в себе типа в условиях поражения? Нам тоже нужны знания этого на Жан-Батисте, если мы не хотим в один прекрасный день доставить вам и себе подобные неприятности. Кроме того, я знаю, что Аэнеас имеет несколько культур, кроме доминирующей. Мне бы многое дало их сравнение и наблюдение за взаимопроникновением культур.

- Ну…

Айчарайч махнул рукой.

- Результаты моей работы не будут обнесены высокими заборами. Часто сторонний наблюдатель воспринимает элементы, которые те, кто живут по ним, никогда не воспринимают. Или

они могли бы доверять ему или, по крайней мере, быть менее сдержанными в его присутствии, чем в присутствии человека, который на их взгляд мог бы быть секретным агентом Империи. Действительно, Комиссионер, такой инопланетянин, как я, мог бы служить в качестве эффективного сборщика сведений для вас.

Десаи вздрогнул. "Кришна! Неужели это проницательное существо подозревает?.. Нет, как он мог?" Мягко, почти извиняясь, Айчарайч сказал:

- Я убедил работников Губернатора. И, наконец, имел беседу с Его Превосходительством. Если вы изучите мои документы, вы узнаете, что я уже получил разрешение проводить здесь свои исследования. Но, конечно, я бы никогда ничего не предпринял, без вашего одобрения.

- Извините меня. - Десаи был в замешательстве, ощутив столь стремительный напор, у него появилось чувство, что его приперли к стене. С чего бы это? Айчарайч был абсолютно вежлив, готов услужить. "Я должен был бы проверить все эти данные заранее. Я должен был бы, но эта проклятая вылазка партизан..." - Вы не против подождать несколько минут, пока я просмотрю?

- Ни в малейшей степени, - ответил гость, - особенно, если вы позволите мне взглянуть на

книги, которые я вон там вижу.

Он улыбнулся шире, чем раньше. Зубы у него были совсем нечеловеческие.

- Да, пожалуйста, - проговорил Десаи и нажал пальцами на панель вызова информации.

Экран замигал. За голографом идентификации последовал перечень ссылок и инструкций. (Подлог исключался. Кроме включения маркированных молекул, сведения помещались на борт корабля официальным курьером, и хранились в сейфе капитана, который персонально вносил их в бланк памяти, находящийся под Домом Империи). Проверка добросовестности Айчарайча была формальным делом, так как его уже проверяли на Ллинтавре, и проверяли скрупулезно.

Он прибыл на столичную планету сектора регулярным пассажирским лайнером, поехал прямо в гостиницу Катаврананиса, в которой находилось оборудование ксенософонтов, зарегистрировался в полиции, как требовалось, и не делал попытки избежать сканеров, которые оккупационные власти расставили по всему городу. Он никуда не ходил, ни с кем не встречался и не совершал ничего подозрительного. В соответствии со всеми существующими правилами он обратился за нужным ему разрешением, и прошел все собесе-

дования и проверки, которые от него требовали.

Там тоже никто не слышал о планете Жан-Батист, но в папке содержалось ее описание, данное Айчарайчем. Информация была скудной, но кто будет хранить полные данные в библиотеках отдаленной провинции о каком-то отсталом мире, который никогда не причинял неприятностей?

Просьба его была обоснована, ничто не указывало на то, что он мог причинить неприятности, но мог принести полезные результаты. Губернатор сектора Муратори проявил интерес, сам встречался с этим существом и дал ему согласие.

Десаи нахмурился. Начальник его был как способный, так и сознательный. Иначе и не могло быть, поскольку вред, нанесенный ненасытным и несознательным предшественником, спровоцировавшим восстание Мак-Кормака, должен быть исправлен. Однако тот, кто занимает высокий пост, зачастую изолирован от повседневных деталей, которые лежат в основе политики. Муратори находился еще слишком мало на этом посту, чтобы оценить его ограничения. Кроме того, он был суровым человеком, который, по

мнению Десаи, слишком вольно интерпретировал ту аксиому, что правительство разрешило использование силы для подавления беспо-

рядков. И именно, из-за директив сверху после беспорядков в университете Комиссионер Вергилия неохотно отдал приказ о разрушении до основания Мемориала и о полном разоружении домов великих землевладельцев - две акции, которые, как он чувствовал, принесли еще больше горя, включая происшествие в Хесперии.

"Да, но почему же тогда я так беспокоюсь, если Муратори начинает проявлять немного больше гибкости, чем до этого?"

- Я закончил, - сказал Десаи. - Не присядете ли вы снова?

Айчарайч возвратился от книжной полки, держа в руках томик Тагора на англике.

- Вы уже пришли к решению, Комиссионер? - спросил он.

- Вы же знаете, - выдавил из себя улыбку Десаи. - Решение было сделано за меня. Я должен разрешить вам проводить исследования и оказывать всю посильную помощь.

- Не думаю, что буду очень вас беспокоить. Комиссионер. Я вырос в разряженной атмосфере и привык к путешествиям без удобств. Мои биохимические процессы достаточно сходны с вашими, поэтому пища не составит проблем. Финансов у меня достаточно, и, конечно, экономике

Аэнеаса не будут лишними мои запасы кредитов Империи.

Айчарайч, чрезвычайно выразительным движением потрепал свой гребень.

- Но, пожалуйста, не подумайте, что я хочу надавить на вас, размахивая губернаторским разрешением, как боевым стягом, - продолжал он. - Вы тот, кто больше всех знает и кто, кроме того, должен отвечать за последствия любой из моих ошибок. Это было бы нежелательным способом для Жан-Батиста входить в более крупное сообщество, не так ли? Я намерен пользоваться вашими советами и вашими приоритетами. Например, перед тем, как совершить свой первый шаг, я был бы благодарен вам, если бы ваши сотрудники смогли составить план моего маршрута и ознакомить с правилами поведения.

Десаи почувствовал, что в нем как будто что-то оттаяло.

- Для меня будет счастьем, Почтенный. Я уверен, мы хорошо сработаемся. Послушайте, вы не против, составить мне компанию и сегодня пообедать со мной пораньше, поскольку позднее у меня назначено несколько встреч…

Это был неплохой день.

Но к вечеру, когда Десаи остался один, все его

заботы и тревоги вернулись к нему.

Ему очень хотелось уйти домой, к жене и детям, которые его почти не видят, но он сидел и курил, как будто не мог ни на минуту оставить Аэнеас без своего внимания. На все свои сомнения он сам себе же и говорил: "Принимая пост, я принес присягу и должен ее выполнить или расписаться в своей несостоятельности".

Теперь еще эта проблема с Иваром Фридериксоном. Болит, как свежая рана. И совершенно непонятно, как ее решать.

Десаи нажал кнопку, и в комнате возникла голограмма встречи, не так давно произошедшей в этой комнате. Комиссионер решил еще раз прослушать свою беседу с Питером Еветтом.

Питер Еветт, богато одетый, спортивного вида, с кудрявой рыжей бородой. Коммерсант и космополит из Веба. Один из тех немногих, кто не разделял целей мятежа, а видел будущее своего мира в сотрудничестве с Империей.

- ... Рад предоставить вашему вниманию свои соображения, - говорил он, - и всю информацию, какой располагаю. Впрочем, если вам вдруг наскучит, вы можете без стеснения прервать меня.

- Это вряд ли, - возразил Десаи, - Я на Аэнеасе всего второй год, в то время как ваши предки

прибыли сюда семьсот лет назад. Поэтому ваше понимание ситуации мне крайне интересно.

- Да, давно уже люди забрались в эти края. Вам не кажется, что чересчур активное расселение людей в космосе обернулось изолированностью и уязвимостью новых миров. Впрочем, ладно… Вы же хотели поговорить со мной об Иваре Фридериксоне, нет?

- И обо всем с ним связанным, - Десаи вставил в мундштук очередную сигарету.

Еветт, в свою очередь, закурил манильскую сигару.

- Я не уверен в том, что много могу дать вам. Вы же знаете, что я принадлежу к тому классу, на который землевладельцы смотрят в лучшем случае, с подозрением, а в худшем -- с презрением или ненавистью. Я никогда не был близким другом какой-нибудь из знатных семей.

- Вы член Парламента. И довольно влиятельный член. А Эдвард Фридериксон является Первым человеком Илиона. Вы должны довольно часто иметь с ним дела, включая и общественные; основная часть политической работы происходит не на формальных конференциях или в дебатах. Мне известно, что вы хорошо знаете Хуго Мак-Кормака - зятя Эдварда, дядю И вара.

Еветт, хмуро посмотрев на красный кончик своей сигары, начал медленно говорить:

- Все это даже более запутано, чем вы это представляете. Комиссионер. Если позволите, я напомню вам все факты в исторической, так сказать перспективе.

- Пожалуйста.

- Насколько я понимаю, в истории, в проблеме Аэнеаса имеется три ключевых момента. Первый: он начинался, как научная колония, в первую очередь с целью изучения коренных жителей Дидо, поскольку на Дидо, как известно, не очень подходящие условия для постоянной жизни людей, а в особенности, их детей. Собственно, поэтому на Аэнеасе и был основан Университет. Причем, он с самого начала стал чем-то закрытым и от остального Аэнеаса обособленным. А в силу легенд и слухов, связанных с дидоанцами, даже мистическим. Поэтому, даже самый последний аэнеанец относится к Университету с некоторым страхом и уважением. И гордиться им. Поскольку Университет стал известен во всей Империи, сюда стремились студенты со всех ее концов и даже с Земли. Что, в свою очередь, принесло ему определенное могущество и финансовую мощь.

Второй момент. Чтобы поддержать людей,

обеспечить деятельность одного научно-исследовательского заведения на такой скудной планете, как эта, нужны огромные земельные площади, эффективно управляемые. Следовательно, подъем землевладельцев: сквайры, мелкие землевладельцы, арендаторы. Когда Лига распалась и пришли беды, Аэнеас был отрезан. Он вынужден был жестоко сражаться, иногда прямо на своей земле, чтобы выжить. Основная тяжесть всего этого легла на землевладельцев. Они стали квазифеодальным классом. Даже Университет попал под их влияние и ввел военную подготовку, как неотъемлемую часть учебного плана. Вспомните, как сопротивлялся Аэнеас - даже с кровью - аннексии Империей, в самом начале. Нежелательные плоды этого обучения мы имеем до сих пор.

Третий момент. Заброшенные войной и судьбой на Аэнеас иммигранты тоже нуждались в своем месте под здешним солнцем. Но они были здесь чужими, в том числе и этнически, и колонисты, используя их труд, не собирались принимать их в свой круг. Потому многие из них нашли свои ниши, по-своему приспособились к этой планете, обособившись от уже сложившейся цивилизации. И, следовательно, отсюда

тинеранцы, речной народ, орканцы, горцы и т.д. Но, не смотря на их кажущуюся обособленность, их культурное и социальное влияние на наше общество больше, чем хотели бы городские или сельские жители.

Еветт остановился, налил себе чашку чаю, который приказал принести Десаи. По его виду можно было сказать, что он предпочел бы виски.

- Ваш рассказ действительно интересен для меня тем, как интеллигентный аэнеанец анализирует историю своего мира, - сказал Десаи. - Но какое непосредственное отношение он имеет к нашей проблеме?

- Очень существенное, Комиссионер. Во-первых, он объясняет, почему такие люди, как я... точнее, нас несколько групп, существенно обособлены от основного городского населения. Деловые люди, ведущие дела с Империей, их служащие, а тем более служащие имперских представительств, мы - по сути - люди второго сорта. О да, у нас есть представители в парламенте, но это незначительное меньшинство.

Большинство принадлежит старым гильдиям и Университету, либо корпорациям, тяготеющим к ним. Представители субкультур, пожалуй, могли бы объединиться с нами, но их нет в парламенте;

ценз собственности избирательного права, вы же знаете. А... до этой оккупации Первый человек Илиона автоматически был Спикером всех трех палат. Фактически Президентом планеты, вторым человеком был и остается Ректор Университета, третий избирается делегатами горожан. Так как вы не распустили парламент, что, на мой взгляд, достаточно мудро, а просто провозгласили себя верховной властью - эта самая конфигурация продолжает существовать.

Что я? Я ничто, просто делегат горожан, притом от одной их части. Я не вхожу в круг советников Фридериксонов и их друзей.

- Все равно, вы можете информировать меня, поправлять меня, если я ошибаюсь, - возразил Десаи. - А теперь позвольте мне сделать некоторое резюме. Посмотрим, все ли я правильно понял.

Первый человек Илиона является первым, среди равных, потому что Илион является самым важным регионом, а Хесперия его богатейшая область. Правильно?

- Так было, - сказал Еветт. - Производство и население переместились. Однако аэнеанцы придерживаются традиций.

- Какой ужасный злой рок в наследовании этого титула - для всех! - сказал Десаи. И он вспомнил

свои мысли по этому поводу.

Хуго Мак-Кормак был офицером, который поднялся до адмирала флота, когда его старший брат умер, не имея наследников, и, таким образом, сделал его Первым человеком. Это бы не имело значения, если бы не Его Величество (никто не смеет размышлять об этом вслух), который назначил Губернатором сектора Альфа Круцио это животное Снелунда. А излишества Снелунда, в конечном итоге, так тяжело задели Мак-Кормака, что он поднял знамя восстания, и планета за планетой провозгласили его Императором.

Ну, ладно, Снелунд мертв, Мак-Кормак бежал, а мы пытаемся разобрать руины, которые они оставипи. Но семена, которые они посеяли, все еще дают странные всходы.

Жена Мак-Кормака - сестра Эдварда Фридериксона, за неимением более близких родственников, таким образом, стала преемницей Первоверховенства в Илионе. Сам Эдвард является мягким человеком профессорского склада. И все бы ничего... если бы не чертовы традиции. Его собственная жена является кузиной Мак-Кормака. (Будь прокляты все эти родственные браки этих высоких семейств! Это может и хорошо для главного рода, на тысячу лет, но что делать нам,

которые должны разобраться с этим сейчас?) Сами Фридериксоны являются признанными лидерами университета. Да, к тому же, единственное поселение людей на Дидо названо в честь их главного предка.

Все на этой упрямой планете относятся скептически к Эдварду Фридериксону; но не к тому, что он символизирует. Скоро все узнают, что совершил Ивар Фридериксон…

Потенциально, он их ссыльный принц, их освободитель, их Помазанный. Шива, сжалься надо мной.

- Как я понял, - сказал образ Еветта, - мальчик поднял ватагу сорванцов, родители которых ничего об этом не знали. В конце концов, ему только одиннадцать с половиной лет -, уф, это по земным меркам что-то около двадцати лет, правильно? Замысел их был уйти в пустынные районы и стать партизанами, пока… что? Земля отступится? Вмешается Иттри и возьмет Аэнеас под свое крыло, как Авалон? Все это представляется мне патетически романтичным.

- Иногда романтики становятся действующими реалистами, - сказал Десаи. - Последствия всегда устрашающи.

- Ну, в данном случае попытка не удалась. Его

сообщники, которых поймали, под гипнопробой назвали своего предводителя. Не утруждайте себя, отрицая это: конечно, ваши следователи испробовали гипнопробу. Ивар исчез, но может быть, его возможно выследить? О чем бы вы хотели со мной посоветоваться?

- Во-первых, о том, как отнесутся аэнеанцы к этому инциденту? - неохотно сказал Десаи.

- Разумеется положительно. Вы конечно, не позволите ему убежать. Л действительно немного знаю его. Он имеет возможность стать своего рода пророком, для многих людей, которые ожидают именно этого.

- У меня тоже такое чувство. Но как мы можем напасть на его след? Как организовать арест? Какого рода должен быть суд и наказание? Как относительно гласности? Мы можем создать образ мученика. Мы не можем позволить восстания, влекущего смерть подданных Империи - и аэнеанцев, запомните, аэнеанцев - мы не можем позволить ему безнаказанно быть на свободе. Я не знаю, что делать, - почти простонал Десаи. - Помогите мне, Еветт. Вы же не хотите чтобы вашу планету рвали на части?..

Он нажал на повтор записи. Он ничего не получил из нее. Он ничего не получит и из остального,

и единственным выводом является то, что нужно выследить Ивара Фридериксона и как можно быстрее.

Следует ли мне посоветоваться о том, что с ним делать после поимки с Ллинтавром или непосредственно с Землей? Я имею на это право.

Но что они посоветуют? Что они там знают?

Опустилась ночь. Комната была полностью темной, за исключением работающих экранов и передвигающегося пучка лунного света, который спешил пробиться сквозь все еще действующую прозрачность стены. Десаи поднялся, прошел туда и посмотрел. Под лунами, звездами Млечного пути, тремя сестрами-планетами Нова Рома сиял гранитным порфиром. Дома были светом и тенью, улицы - пестрой темнотой, а река и каналы - ртутью. Далеко в пустыне, словно привидение, двигалась песчаная буря. Ветер завывал, в своих утепленных покоях Десаи вздрогнул при мысли о том, как может пронизывать такой холод.

Глаза его искали сияния над головой. Слишком много солнц, слишком много.

Он пошлет сообщение домой со следующим кораблем-курьером. (Домой! Он посетил Землю только один раз, когда украл несколько часов от работы, чтобы пройтись среди реликвий: они

оказались на

удивление разочарующими. Многообразные чувства не включали переполненные аэробусы, вызывающего вида гидов, туристские магазины или ноющие от усталости ноги). Такие корабли летали почти на сверх скорости: пара недель между этой планетой и Солаи. (Но это составляло 200 световых лет; радиус, который захватывал четыре миллиона солнц). Он мог включить просьбу на полицейский рейс.

Но за полмесяца могут возникнуть беспорядки или, что еще хуже, можно столкнуться с терроризмом. А в этом случае его петиция должна проходить определенные процедуры, обсуждаться, аннотироваться, добавляться, передаваться из одного комитета в другой, пройти сквозь слои исполнительных структур, чтобы добиться решения; а обратное послание заняло бы еще несколько дней, пока оно поступит и, вероятно, когда оно прибудет, надо будет решать уже новые проблемы. Нет, все эти директивы с оказией из Ллинтавра ему не помогут.

Ему, Чандербану Десаи предстояло действовать одному.

Конечно, от него потребуют докладывать все важное: что, конечно, включает и дело Фри-

дериксона. Если судить объективно, на Земле самый полный банк данных обо всех светилах и планетах в исследованной части вселенной. Там, зачастую, можно найти даже отрывочную, разрозненную информацию.

"В таком случае… почему бы не послать запрос об этом Айчарайче?

Ну да, почему?

Не знаю. Он кажется вполне благонадежным, и попросил у меня томик Тагора… Нет, я попрошу полную информацию с Земли. Хотя мне придется изобретать приемлемую причину для этого, после того, как Муратори одобрил его просьбу. Предполагается, что у нас бюрократов не должно быть предчувствия. Особенно не должно быть, когда, фактически, мне нравится Айчарайч так же, как любой не землянин, которого я когда-либо встречал. Намного больше, чем многие мои соплеменники.

Это-то и страшно".

Глава 4

Право собственности Хедана простиралось далеко на восток от Винохума, хотя и достаточно близко к краю Илиона, так что западные ветры приносили влагу с каналов, болот и соленых озер морского дна Антония - настоящий дождь шел два или три раза в год. Хотя Вилдфосс не проходил через владения, он помогал сохранять воду, которая снабжала несколько колодцев. Таким образом, кроме имеющегося на большой территории ранчо, семьи занимались сельским хозяйством.

Поколение за поколением, штат их стал больше напоминать родственников, чем наемников. Родственников, которые смотрели на них как на вождей, но высказывали свое мнение, и часто случалось, что их ребенок женился на дочери этого дома или их дочь выходила замуж за сына из этого дома. Короче, они состояли в родстве со своими работодателями совсем так же, как Хеданцы и другие хесперианские средние землевладельцы состояли в родственных отношениях с Винохумом.

Земельный участок был значительный. Дюжина коттеджей примыкала к дому пастора. Позади, амбары, загоны и цеха окружали мощеный двор с трех сторон. Исключая размеры, на первый взгляд здания казались совсем одинаковыми, побеленные стены, кладка была сглажена эрозией. Но затем следует приглядеться к каменной или стенной мозаике, которая украшала их. Деревья ставили заслон ветрам к поселку: местные дельфии и рахабы, земные дуб и акация, ллинаторские расмеи, иттрианский хэммербранч. На клумбах росли только экзотические виды, упорно культивируемые, дополняющие скалы и гравий. Настоящие цветы никогда не эволюционировали на Аэнеасе, хотя несколько видов листьев или стволов имели яркие цвета.

Здесь обычно было шумно: сновали надзиратели, управляющие домами, кузнецы, масоны, механики, рабочие приходили с полей или ранчо, дети, собаки, лошади, статасы, мошенники, сельскохозяйственные машины, наземные и воздушные машины, говор, крик, смех, гнев, слезы, песни, топот ног и запах животных или дыма. Ивар изо всех сил хотел слиться с ними. Его укрытие на чердаке стало тюрьмой.

Сквозь щель в ставнях он разглядывал дневную

суету. Первая его ночь совпала с празднованием дня рождения старейшего жителя. Не только главный дом был весь освещен, но прожекторы осветили двор для прыжков и танцев Илиона под музыку сонаров, а флаконы передавались по кругу. На следующую ночь был лунный свет, и он видел пару молодых влюбленных. Поняв, кто они, Ивар не стал следить за ними; его всегда учили, что уединение - это одно из прав, которое ни один порядочный человек не должен нарушать. Поэтому он залез в свой спальный мешок, упиваясь воспоминаниями о Татьяне Тейн и... - о некоторых других.

На третью ночь его потревожил звук осторожно открываемого замка. Сэм Хедам принес ему пищу и воду, когда все в доме заснули. Ивар сел. Подстилка защищала его от пола, но стоило вылезти из мешка, холод проникал сквозь одежду. Он почти не замечал его. Тело аэнеанца приучено к тому, как унять рефлекторную дрожь. Однако его угнетала темнота и запах пыли.

- Ш-ш-ш, - последовал шепот. - Готовься к походу. Быстро.

- Что?

- Быстро, я сказал. Я все объясню, когда мы будем уже в пути.

Ивар вскочил на ноги, сбросил ночную одежду и облачился в ту, что была на нем, когда он прибыл сюда. Одежда была измазана копотью и заляпана кровью, но иссушающий воздух высосал запах. Сменную одежду он затолкнул в свернутый мешок, который забросил на спину, вместе с ружьем. Хедан дал ему пакет с бутербродами, чтобы он положил его в сумку на поясе, полную флягу, и приказал спускаться вниз.

Хотя пришедший за ним человек был угрюм и нетерпелив, Ивара охватило возбуждение. Неизвестно почему, но его затворничеству пришел конец.

На улице было безветренно и тихо. Так тихо, что казалось, можно услышать, как планета трескается от холода. Обе луны уже поднялись и освещали камень и песок, превращая вершины деревьев в сосульки над пещерами, и зажигая искры на инее. Более крупная, но далекая Ливиния высилась за восточными горами, показывая лишь половину своего такого знакомого лица. Креуза, казалась больше, потому что была почти полной и сияла ярче. От горизонта до горизонта замерзшим каскадом лежал Млечный путь. Из родственных планет вдали сверкал желтизной Анчайсно. Среди неисчислимых звезд Аврора

и Бета Крупно светили не хуже лун, что давало резкие и причудливые тени.

Пара статасов стояла на привязи, их длинные шеи и силуэты голов с длинными носами выделялись на фоне дома. "Часть пути придется идти пешком, - подумал Ивар, - чтобы сэкономить силы животным для длинного сухого отрезка пути. Но тогда почему не машина?" Он сел верхом. Несмотря на холод, перед тем, как надеть капюшон и ночную маску, он учуял запах зверя, в чем-то сходный со свежескошенным сеном.

Сэм Хедан вывел его на внутреннюю дорогу, вскоре после этого на тропу, которая под углом уходила на юг через пересеченную местность, где редко произрастали жесткие кустарники и меч-трава. Из-под трехпалых копыт вырывались клубы пыли. Шесть ног придавали движению убаюкивающий ритм. Уже очень скоро хозяйство исчезло из виду, люди ехали сами по себе под небесами. Очень далеко завыл катавал.

Ивар кашлянул.

- Кхе-кхм! Куда мы направляемся, господин Хедан?

Из дыхательной щели поднимался пар.

- В более укромное место для вас, которое раньше других пришло на ум, Первенец. Хотя оно

может оказаться и не таким уж хорошим.

Защемил страх.

- Что случилось?

- Да сегодня прошел слух, - сказал Хедан. - Повсюду в Хесперии Импи рыщут в поисках вас. Предложена награда; а все, кто, по их мнению, может хоть что-то знать о вас, сразу же подвергаются нарко-допросу. С той скоростью, с которой они работают, они уже к полудню будут в моем доме. - Он помолчал. - Вот почему я запер вас, чтобы никто, кроме меня, не мог знать, что вы там. Но это не защитит от биодетекторов. Я придумал себе дело, позволяющее уехать из дома на несколько дней, скажем для пополнения конюшни, и ускользнул после наступления темноты, чтобы забрать тебя. - Еще раз помолчал. - Они всюду пустили аэрокары. И машину с мотором легко смогут засечь и догнать. Вот по этой причине мы используем статасов и никаких обогревающих приборов на одежде.

Ивар отвернулся в сторону, как будто для того, чтобы посмотреть, как падает метеор. Мимо пролетела ула. Гордость в нем боролась со страхом.

- Видно они сильно хотят заполучить меня, а?

- Конечно, ведь ты Первенец Илиона. Честь пробудилась. Ивар закусил губу.

- Я… я ведь не серьезная угроза. Я неумело руководил. Несомненно, я был идиотом, чтобы начать такое.

- Я очень мало знаю, чтобы судить, - задумчиво ответил Хедан. - Фео Астафф спросил меня, не мог бы я укрыть тебя от землян, потому что ты с друзьями устроил бой с моряками. С того времени у нас с тобой не было случая поговорить. Я просто мог тайком ночью приносить тебе пищу, не осмеливаясь задерживаться. И в передаче говорилось, что была совершена неудачная атака на патруль. Твое имя никогда не упоминалось, хотя, судя по той охоте, которую они организовали за тобой, им бы следовало это сделать.

Маска скрывала его черты, но не глаза, которые были обращены на попутчика.

- Хочешь рассказать мне сейчас? - спросил он.

- Н-ну, я…

- Только без секретов, запомни. Я вполне уверен, что замел следы и не буду среди подозреваемых подвергаться допросам. Хотя, на что мы вообще можем полагаться?

Ивар сдался.

- У меня нет ничего важного, чтобы скрывать, за исключением глупости. Да, я бы хотел рассказать вам, йомен.

Рассказ продвигался вперед с запинками, так как Хедан все время что-то уточнял, чтобы добавить к тому, что он уже знал о своем попутчике.

Эдвард Фридериксон уже долго занимался зоологическими исследованиями на Дидо, когда женился на Лизбет Борглунд. Она, как и он, тоже была из университетского клана: они встретились, когда он вернулся, чтобы прочитать серию лекций. Она последовала за ним на соседнюю планету. Но даже в Порт Фридериксоне жара и влажность тяжелого воздуха были для нее слишком сильны.

Она выздоровела, когда они вернулись на Аэнеас, и родила своему мужу Ивара и Герду. Они жили в скромном доме за городом Нова Рома; оба преподавали, а он находил нужные, хотя и незрелищные предметы для оригинального изучения. Сын часто сопровождал его во время полевых походов. Амбиции мальчика вскоре сосредоточились на планетологии. К этому его привлекли строгое спокойствие пустыни, степи, гор и дна высохшего океана, а также надежда исследовать те звезды, которые освещали их ночи.

Так как Хуго Мак-Кормак был его дядей со стороны второго брака, дети часто проводили каникулы в Бинохуме. Когда адмирал Флота был

рядом, для них это было, как посещение героя из прошлого, и притом любезного героя, скажем Брайана Мак-Кормака, который изгнал неземных пришельцев, и чья статуя стояла здесь с тех пор на высоком постаменте возле главного колледжа университета.

Аэнеас обошел Вергилия восемь раз со дня рождения Ивара, когда Аарон Снелунд стал Губернатором сектора Альфа Круцио. Он сделал еще два оборота - три с половиной земных года - до вторжения. Сначала развитые миры не чувствовали ничего плохого, кроме повысившихся налогов, на что они получили правдоподобное объяснение (Увеличение Империи, возросшие расходы правительства). Затем до них дошли слухи о том, что происходит в обществах менее способных к сопротивлениям и жалобам. Затем они поняли, что и их петиции откладывались в сторону. Затем начались аресты и конфискации за "измену". Затем была даже установлена секретная полиция, в то время как наемники и официальные власти свободно совершали насилия над личностью. Тогда стало очевидно, что Снелунд - не простой коррумпированный администратор, снимающий пенки для себя, а любимец Императора, закладывающий полити-

ческие основы для серьезных перемен.

Все это пришло не сразу, и люди не могли поверить. Для большинства из них жизнь протекала почти, как прежде. Да, времена были немного трудные, ну да их можно и переждать, а тем временем их ждали работа, дом, общества, которые нужно поддерживать; интересы, которые надо соблюдать; удовольствия, которых нужно искать; любовь, которой надо заниматься; поручения, по которым надо бежать; друзья, которых надо пригласить; недруги, которых надо наказать; планы, с которыми надо считаться; дела, дела, дела, как песок в песочных часах. Ивар поступил в университет, так как он давал образование членам по наследству, записанным с младенческого возраста, там он начал специализироваться в своих исследованиях и у него появились инопланетные товарищи. Интеллектуальные волнения взяли верх над негодованием.

Затем Катрин Мак-Кормак, сестру отца, взяли во дворец Снелунда; а муж ее был арестован, его освободили, и это привело к мятежу.

Ивар зажигался, как большинство юношей Аэнеаса. Его военное обучение, до тех пор эпизодическое, стало почти завершенным, но он никогда не покидал планету, и его учения за-

кончились, когда в небесах появился военный корабль Империи.

Восстание закончилось. Хуго Мак-Кормак с семьей увел остатки своего флота в глубины подальше от известного космоса. Так как Джиханнатский кризис был решен, военный флот был способен охранять всю Империю, бунты не должны повторяться, если бунтовщики не хотят новых жертв.

Сектор Альфа Круцио в целом, Аэнеас в частности, должны быть оккупированы и перестроены.

Хаос, отчаяние, нехватки, которые в нескольких областях приближались к голоду, возросли повсюду в последней стадии конфликта. Университет был закрыт. Ивар и Герда стали жить с родителями в поверженном в бедность великолепии Винохума с тех пор, как Эдвард Фридериксон стал Первым человеком Илиона. Мальчик проводил большую часть времени совершенствуя свою машину для пустыни. И он добился признания у землевладельцев. Он будет их следующим вождем.

Спустя некоторое время условия улучшились. Университет вновь открылся - под тщательным наблюдением - и он вернулся в Нова Рома. Вскоре он был вовлечен в подпольную деятельность.

Сначала это не шло дальше тайных разговоров. Однако он чувствовал, что не должен ставить в неловкое положение семью и себя, оставаясь в пригородном доме, и переехал в дешевую комнату в самом неблагоустроенном районе Веба. Это также привело к излишним неудобствам. Аэнеас никогда не имел значительной криминальной прослойки, а лишь незначительную, вызванную войной и ее последователями. Неожиданно он встретил людей, которые не считали законы священными.

(Когда Мак-Кормак восстал, он делал это во имя нарушенных прав и свобод. Когда прибыл Комиссионер Десаи, он обещал восстановить попранные права.)

Следуя примитивному правилу, вскоре жалобы стали требованиями. Любимым местом для речей, массовых собраний и демонстраций было у памятника Брайану Мак-Кормаку. Власти сделали уступки по многим вопросам, разумные сами по себе - например, возобновление почтовых услуг в Империю и из остальных ее частей. Это привело к дальнейшим требованиям - например, отмена правительственной цензуры почты, и создание комитета граждан, чтобы обеспечить это - которые были отвергнуты. Разразились бунты.

Некоторые здания были сожжены, некоторые люди нашли смерть.

Пришли декреты: никаких собраний. Памятник снести. Землевладельцы, которые со времени Волнений служили в качестве полицейских и военных кадров, должны были распустить все соединения и сдать все оружие, начиная с наследственного оружия среднепоместных землевладельцев, производившего пушечные выстрелы в небо, кончая детскими пистолетами, которые дарились в День Освободителя.

- Мы, наш отряд, решили что нужно действовать раньше, чем будет слишком поздно, - рассказывал Ивар. - Мы занимались контрабандой оружия, где можно, вплоть до дня нападения, и использовали его для захвата более тяжелого оружия. Я знаю окраины страны, лучше многих, я ведь Первенец. Поэтому они выбрали меня командовать нашей первой операцией, которая должна была быть в этом районе. Я приехал к маме и сестре в Винохум, притворяясь, что мне нужен перерыв в занятиях. У других были придуманы другие истории прикрытия, например, совершить чартерный рейс аэробуса, чтобы отдохнуть в загородном лагере в каньоне Авериуса на несколько дней. Мы встретились в Хельмет

Бутте и устроили засаду там, где, как я знал, проходит маршрут регулярного патруля Импи.

- Что бы вы сделали потом, в случае успешной операции? - спросил Хедан.

- О-о, мы это тоже запланировали. Я знаю пару оазисов в Айрокленд, которые бы поддерживали нас, а деревья, пещеры и расщелины могли бы спрятать нас от воздушных поисков. Уж не так много оккупационных войск, чтобы охватить весь этот мир.

- Вы бы проводили жизнь, отщепенцев? Я думаю, что вскоре вы могли бы стать бандитами.

- Нет, нет. Мы бы провели еще несколько рейдов, набрали больше рекрутов и поддержку жителей, собрали бы силы, с которыми враг должен был считаться. Тем временем, мы надеялись на сочувствие в остальных частях Империи, которое бы оказало давление в нашу поддержку, или может быть страха того, что Иттри могут выслать свои силы.

- Может быть, - согласился Хедан. Немного погодя он сказал:

- Ходят слухи. Огромное существо с золотисто-бронзовыми крыльями, появилось в наших краях. Иттрианский агент? Они не обязательно хотят того же, что и мы, Первенец.

Плечи Ивара опустились.

- Теперь это не имеет значения. В любом случае у нас провал. Мне не удалось.

Хедан вытянул руку, чтобы похлопать его по плечу.

- Не надо так это воспринимать. Во-первых, военные руководители вынуждены терять людей и терпеть временные поражения. Во-вторых, в действительности, вы никогда не были одиноки. Вам лишь выпала верхняя карта в колоде, которую тасовал Бог. - Тон его оживился. - Первенец, ты не имеешь права чувствовать себя виноватым. Бы вместе с товарищами допустили ошибку. Но это уже сделано. А ты действительно нужен Аэнеасу в его будущем.

- Я? - воскликнул Ивар. Собственная его значимость разрушалась по мере того, как он говорил, пока он не признал, что никогда не видел себя в роли Мак-Кормака. - Да, что я вообще могу?

Хедан поднял руку в ватной рукавице, чтобы успокоить его.

- Эй! Следуй за мной.

Они свернули статасов с тропы и не возвращались на нее в течение десяти километров. То что они обходили, было стадом, принадлежащим Хедану: скот родом с Земли, генетически изме-

ненный и адаптировавшийся на протяжении веков - как и большинство ввезенных организмов - пока они не стали самостоятельным видом. Вокруг их массы мерцали сторожевые огни. Хедан не сомневался, что его люди

верны ему; но то, что они не видели, они не могли рассказать даже под гипнозом.

По пути наездники проехали отрезок стены. Черная, как стекло, без швов, она возвышалась над залитым лунным светом кустарником и песком. Ближе к вершине того, что осталось, на высоте метров в пять, отверстия составляли запутанный узор, первоначальное назначение которого было трудно разгадать. Сейчас сквозь них проглядывали звезды.

Хедан подъехал, изобразил крест и пробормотал что-то прежде, чем продолжить путь.

Когда-то в прошлом Ивар видел эти руины, и обрядовые движения, отдаваемые в дань уважения. Но он никак не думал увидеть йомена - получившего хорошее воспитание, имеющего хороший опыт путешествий, закоренелого хозяина и советника - проделывающего такое.

Выдержав паузу холодного молчания, как бы оправдываясь, Хедан сказал:

- Вот символы далекого прошлого.

- Ну… да, - ответил Авар.

- Кто-то был здесь до нас, миллионы лет тому назад. И были то не исчезнувшие туземцы, а пришельцы со звезд. Откуда они пришли? Почему они ушли? Помнишь, следы были найдены и на других планетах. Глупо было бы полагать, что они вымерли? Масса людей интересовались, не ушли ли они отсюда туда - на другие миры. - Хедан махнул в сторону звезд.

Лишь небольшая часть этой сверкающей массы входила в империю. Да и видны-то были только не самые дальние гиганты, свет которых мог бы затмить свет Вергилия или Сола. И сейчас, когда Ивар смотрел на них, где-то там, в глубинах вселенной рождались новые солнца и миры. И так будет всегда…

Маска Хедана снова повернулась к Ивару. Его тихий голос внушал суеверный страх:

- Вот почему ты нам нужен. Первенец. Ты можешь быть безрассудным мальчишкой, но позади тебя стоят четыреста лет пребывания человека на Аэнеасе. Нам нужен будет каждый корень, который у нас есть, когда возвратятся Старшие.

Вздрогнув, Ивар спросил:

- Разве вы верите в это? Я не раз слышал об этом, но вы?

- Ну, не знаю, - слова Хедана в темноте приобретали какое-то особое значение. - Не знаю. До войны я никогда об этом не думал. Я ходил в церковь, вот и все.

Но с тех пор… Разве могут так много людей полностью ошибаться? А их много, скажу я тебе. Там, в городе, в Университете, вы понятия не имеете, как широко распространяется надежда на то, что скоро вернутся Старшие, неся слово Бога. Это не безумие, Ивар. Хотя все признают, что это лишь надежда, доказательств нет. И ведь мог адмирал Мак-Кормак проложить их путь? К тому же, в пустыне ходят слухи о новом пророке…

Не знаю, я действительно думаю - и говорю тебе, что я не одинок в этом вся печаль здесь, и все звезды там не могут существовать просто так, без цели. Если Бог готовит свое следующее откровение, почему бы не через избранную расу, более мудрую и хорошую, чем мы можем сейчас представить? А если это правда, разве не должен прийти первым пророк, который подготовит нас, чтобы мы спаслись?

Он задрожал, как будто мороз разрывал его не обогреваемое одеяние:

- Ты наш, Первенец, - сказал он. - Мы должны сохранить тебя на свободе. И четыреста лет тоже

не могут пропасть просто так!

И вдруг, как само собой разумеющееся, он продолжал:

- Мне сообщили, что возле Арройо проходят тинеранцы. Я считаю, ты можешь спрятаться среди них.

Глава 5

Каждый кочевой поезд или караван, путешествовал по огромной, но строго ограниченной территории. Бинохум принадлежал к территории Брадербанд. Ивару однажды случилось увидеть их лагерь, посмотреть представления и забавы, которые они устраивали для местных жителей. А после их ухода изумленные и возмущенные обвинения в адрес тинеранцев, как мелких воришек и ловких мошенников, сплетни о совращениях и шепот, о колдовстве. Он попытался найти о них что-нибудь в литературе, но не нашел ничего, кроме расхожих легенд и анекдотов, редких описаний, приукрашенных романтическим ореолом. И ни одного серьезного исследования. Университетские интеллектуалы, до сих пор занятые изучением культуры дидоанцев, практически не обращали внимания на субкультуры своего мира.

Ивар понял одно - эти Поезда здорово отличаются по своим законам и традициям от оседлых аэнеанцев. Хедан вел его через границу, за которой не было никаких охранников и не су-

ществовало никаких регистрации в Нова Рома, обозначенную исключительно вехами. А затем они были в стране Вэйбрейк, и Ивар уже был менее уверен в своем будущем, чем был уверен в этом дома. Йомен снял комнату в единственной гостинице, которой мог похвастаться Арройо.

- Я, на всякий случай, останусь здесь, пока ты не уйдешь, - сказал он. - Но, в общем, начиная отсюда, ты можешь рассчитывать только на себя.

И прибавил грубовато:

- Хотел бы я, чтобы было по-другому. Пусть всегда с тобой будет удача, парень.

Ивар прошел через деревню в лагерь. Люди там паковали вещи, готовясь к отъезду; Примерно пятьдесят ярко раскрашенных вагонов, и кричащие одеяния на владельцах, делали их шум и топот чем-то вроде грозы, украсившей радугой грязноватый желто-коричневый ландшафт. Арройо стоял на восточном склоне гор. Местная желтая пыльная земля, изредка поросшая чахлым кустарником, могла прокормить лишь небольшое количество домашних животных. А еще через несколько километров вниз склон переходил в голую и сухую пустыню Айрокленд.

Постепенно снующие в этом хаосе мужчины, женщины и дети обратили на него внимание.

Разглядывание сопровождалось комментариями на своем языке, как он догадывался, достаточно оскорбительными. Он чувствовал себя неуклюже и совсем одиноко среди них - этого народа из людей среднего роста и тонких, как хлыст, с красно-коричневой кожей и иссиня-черными волосами. Казалось, даже их средства передвижения встречали его отчужденно. Разбитые старые грузовики городского происхождения, но фантастические украшенные. Развевались ленты, висели амулеты, звенели под ветром колокольчики. Однако больше было фургонов, которые тянули от четырех до восьми статасов. Это были жилые помещения: с их изогнутых крыш виднелись трубы печей, а на окнах висели занавески. Под краской, знаменами и другими украшениями их панели были изобретательно изогнуты; хитро смотрели образы демонов, светились шестиугольные знаки, выделывали кульбиты животные - реальные и вымышленные - мужские и женские фигуры танцевали, охотились, работали, играли, изобретали и исполняли ритуалы, известные лишь посвященным.

Подошел человек, несущий связку ножей и мечей, завернутую в плащ. Он запрыгнул в дверь одного из фургонов, у которой не было лестницы,

отдал

груз человеку внутри, спрыгнул вниз снова и столкнулся с Иваром.

- Ой-ей, визитер, - сказал он довольно дружелюбно. - Что ты хочешь? Представление окончено.

- Я… я ищу место, - сказал Ивар, заикаясь. Он вытер запыленные губы. Был жаркий день, градусов 25 или около того. Вергилий сиял в небе, которое потеряло свою глубину и казалось выгоревшим.

- И всего-то? Что может делать Горожанин, чтобы его за это везти? Мы направляемся на восток, прямо через Дриар. Неподходящая дорога для жителя города Роме. Нам придется выбрасывать тебя, после того как ты отдашь концы.

Тинеранец потер заостренный подбородок.

- Конечно, - задумчиво добавил он, - ты мог бы сгодиться на довольно хорошую пудру для носика какой-нибудь девчонки.

И, все же, издевательство было не злым. Ивар посмотрел на собеседника повнимательнее. Он был молод, вероятно, немного старше, чем Первенец. Схваченные повязкой с бусами волосы падали на плечи, в ушах были медные серьги. Как большинство тинеранских мужчин, он сбривал то, что могло бы быть ростками тщедушной бо-

родки. Рот и светящиеся серые глаза выделялись на узком лице. Он почти всегда усмехался. И всегда, будь он в движении или стоял тихо, вокруг него было ощущение постоянного движения. Одежда - оборванная и разноцветная рубашка, ярко-красный пояс, узкие кожаные брюки и высокие ботинки со шнуровкой - была изношена и превращена в рабочую одежду. Золотое крученное ожерелье обвивало шею, безвкусные кольца украшали пальцы, а спиральная змеиная кожа - левую руку. На поясе висело два ножа. Один - оружие, другой - инструмент, оба они казались миниатюрными по сравнению с мачете, которые носили землевладельцы.

- Я не... ну да, я из Нова Рома, из университетской семьи, - признался Ивар. - Но, уф, как вы сразу догадались об этом?

- А-а, твоя походка, да и весь твой вид. Одеться, как управляющий фермой, а не горожанином - это мало что может скрыть. - Англик его был быстрый, как из пулемета; язык, который употреблялся в

Поездах наравне с хаисунским и его жаргонами. Но это был особый диалект, архаичный с точки зрения горожан, тот, в котором слишком много употребляют артикли, а слоги очень сжимают.

- Вот ружье твое - это то, чему можно позавидовать и избавить тебя от него, если зазеваешься. Модифицированный десятимиллиметровый Вальдемар, правильно?

- И я умею им пользоваться, - поспешно заверил Ивар. - Я провел много времени на окраинах. Вы убедитесь, что я могу хорошо зарабатывать призы, если не смогу ничего другого. Еще я разбираюсь в аппаратуре, особенно в электрооборудовании. И я сильный, если вам нужны голые мышцы.

- Да ну, ну-ка пойдем к королю Самло. Между прочим, я Микkая, Красноголовый.

Тинеранец кивнул на свой фургон, чья крыша оправдывала это прозвище. Женщина примерно его возраста, несомненно, его жена, появилась в дверном проеме. Она была весьма экзотической красоткой, и имела бы успех в качестве солистки фольклорного ансамбля. Платье с красно-желтыми зигзагами облегало роскошную фигуру, хотя Ивар подумал, что стыдно так нагружать себя этими звенящими украшениями. Взглянув в его глаза, она улыбнулась, подмигнула и сделала движение бедрами в его сторону. Муж ее не обратил на это внимания, это была принятая форма приветствия.

- Вы пойдете со мной? - спросил Ивар с удивлением.

Миккая пожал плечами. Жест этот получился у него бесконечно более выразительным, чем у северянина, в нем участвовало все тело.

- Ну, конечно. Предлог не работать. - И бросил женщине. - Дулси, иди, принеси остальное оборудование.

Она изобразила недовольную гримасу перед тем, как окунулась в эту суматоху.

- Огромное вам спасибо, - сказал Ивар. - Я... Рольф Моринер.

Он долго раздумывал, каким именем назваться и гордился результатом. Оно соответствует его этническому происхождению, которое он и не надеялся скрыть, но в то же время избавит от риска выдать свое собственное имя.

- Ну, если ты хочешь быть им, прекрасно, - колко усмехнулся Миккая и пошел, указывая путь.

Стало еще более шумно, когда с пастбищ привели животных: статасов, мулов, козлов, неомоасов. Собаки, которые подгоняли их, работали эффективно, отвечая на свистки и сигналы детей, и не лаяли. Это были высокие, черные, худые животные, отличавшиеся огромной грудной клеткой и водо-накопительными горбами на плечах.

"Золотые колеса" был самым большим фургоном, единственным, имеющим моторную тягу. Рядом стоял его маленький компаньон, черный, за исключением нескольких символов, исполненных красной и золотой краской, без окон. На пурпурном знамени над его крышей скрестились два лунных серпа. Микkая заметил любопытство Ивара и объяснил:

- Это храм.

- О-о… да.

Ивар вспомнил то, что читал. Король каравана являлся также его верховным жрецом, который, кроме возглавления общественных религиозных церемоний, проводил тайные обряды с несколькими единомышленниками-посвященными. Требовалось, чтобы он был из определенной семьи (очевидно таковой в этом Поезде Вэйбрейка являлось семейство фургона "Золотые колеса"), но не обязательно, чтобы он был старшим сыном. Большинство из женщин короля выбирались с точки зрения желаемых наследственных черт, а самый подходящий мальчик становился наследником, как правило, проходившим срок ученичества в другом Поезде. Таким образом, кочевники укрепляли союзы между своими, часто враждующими группами, более действенные,

чем браки отдельных членов, которые заключались на периодических ассамблеях, известных, как ярмарки.

Мужчины, которые погоняли белых мулов к храму, казалось, испытывали не больше священного страха, чем Миккая. Они громко приветствовали его. Его ответ вызвал взрыв смеха. Молодежь, которая толклись поблизости, завизжала. Пара девушек захихикала, а одна сделала заявление, которое, несомненно, было похабным. Ивар знал, что развлекались за его счет.

Но это не имело значения. В ответ он улыбнулся, помахал ей рукой, увидел, как она прихорашивает длинные до пояса волосы и подрагивает ресницами. В конце концов, для них - если я не окажусь сущим болваном, а я докажу, докажу, что не таков - для них я удивительный чужак. Он вспомнил о своем отчаянном настроении, в котором пребывал несколько минут назад, и изумился. Веселая уверенность росла в нем, а под ней проклевывалась настоящая радость. Вся эта беззаботная атмосфера входила в него, как казалось, входила в каждого, кто посещал сборы лагеря.

Король Самло возвращался после обхода собирающегося лагеря. Люди приветствовали его

поднятыми руками. Когда он хотел использовать свою власть, она была божественна и всеобъемлюща; но в основном, он правил, опираясь на согласие.

Он был полной противоположностью своим людям, большой, ширококостный, с загнутым носом. Его резкие черты подчеркивались полностью сложившейся бородой и усами. Он прихрамывал. Одеяние Самло было белым, более чистым, чем можно было ожидать в таких условиях. За исключением украшенных тиснением кожаных ботинок, тюрбана с ярко-красным оперением и ожерелья из античных монет, на нем не было больше украшений.

Его тусклый взор упал на Ивара и не отрывался от него, пока Самло опускался в украшенное кресло у своего фургона.

- Хей-а, незнакомец, - сказал он. - Какая у тебя профессия?

Ивар поклонился, не зная, как себя вести. Слово взял Микка.

- Он назвался Рольфом Моринером, говорит, что охотник и мастер на все руки, а также варситир и хочет идти с нами.

Король не улыбнулся. Его угрюмость отличала его от других еще больше, чем внешность. Тем

не менее, Ивар не чувствовал страха перед ним. Изредка северяне просились, чтобы их взяли в Поезд, то ли мечтая убежать, то ли не поладив со старшими или избегая возмездия закона. Их принимали, если они могли сочинить себе правдоподобную причину или счастливый ветер подул в их сторону. Они оставались чужими и, вероятно, ни один из них не задерживался более года. Главной причиной расставания было то, что северяне не могли долго тянуть бремя этой трудной и опасной жизни.

Конечно, это было правильно. Ивар не сомневался, что путешествие с этими людьми выжмет его до предела. Но он надеялся, что выдержит довольно долгое время.

- Хм-м, - сказал Самло. - Почему ты просишь об этом?

- Я устал от этих мест, а у меня нет другого способа, чтобы уйти отсюда, - ответил Ивар.

Микkая хохотнул.

- Во всяком случае, он хоть знает, что сказать! Обращаясь к привычке высшего класса к уединению, плюс намек на то, что раз мы не знаем, почему он убегает, нас нельзя будет обвинить в пособничестве, если щупальца правосудия найдут его среди нас.

- Агенты Импи - это не городская полиция или охранники знати, - сказал король. - У них свои особые приемы. И... несколько дней тому назад кучка сорванцов напала на патруль моряков на Вилдфоссе, помните? Несколько человек скрылись. Если ты в розыске, Моринер, зачем нам рисковать и помогать тебе перейти Айрокленд?

- Я ведь не сказал этого, сэр, - ответил Ивар. - Я тут рассказывал Миккае, что могу быть полезен вам. Но, предположим, я не в ладах с землянами, так что в этом плохого? Я слышал, что тинеранцы приветствовали людей императора Хуго, когда они уходили на битву.

- Тинеранцы будут приветствовать любого, кто с легкостью тратит деньги, - сказал Миккая. - Однако должен признаться, что большинство из нас не любят нацию звезд, пригретую горожанами. Это доставляет нам такое чувство, что вселенная закрывается. - Он повернулся к королю. - Король, почему бы не дать этому парню шанс?

- Ты будешь его содержать? - спросил сидящий.

А затем добавил в сторону Ивара:

- Мы не бросаем людей в пустыне, что бы не произошло. Твой поручитель должен предусмотреть все.

- Конечно, - сказал Миккая. - Похоже, что он

знает новые песни и шутки.

- Твой поручитель не так много имеет, чтобы безвозмездно делиться с чужаком, - предупредил Самло. - Если ты используешь его запасы и не отработаешь его затрат, он будет в полном праве преследовать тебя, когда ты захочешь уйти от нас.

- Я не думаю, что дам ему повод, сэр… Король, - пообещал Ивар.

- Лучше докажи это, - сказал Самло. - Миккая, тир еще не разобран. Иди и проверь, сколько вспышек он может поразить этим своим ружьем. Найди какое-нибудь сломанное оборудование, чтобы он починил. Бог свидетель, у нас его предостаточно. Устрой ему пробежку, если он будет тяжело дышать после полдюжины щелчков, не бери его, тогда ему не перейти Дриар живым.

Самло поднялся, сказав Ивару напоследок:

- Если ты пройдешь испытания, ты должен будешь оставить это ружье у меня. Только охотники носят огнестрельное оружие в Поезде, а он у нас один на весь караван. Иначе мы потеряем слишком много людей. А сейчас я должен проверить, чтобы животных правильно пристроили. Ты тоже можешь идти.

Глава 6

Длинной изогнутой линией растянулось стадо позади отправившегося каравана. Несколько человек ехали в седле, еще несколько на машинах; большинство же шли пешком. Длинный аэнеанский шаг легко равнялся с фургонами, подскакивающими и стонущими на бездорожных пересеченных холмах. Однако переход был жестким, и без надобности никто не разговаривал. Взгромоздившись на крыши, музыканты на примитивных инструментах, барабанах, рожках, гонгах, волынках, многострунных гитарах выдавали походные марши. Некоторые из играющих были с физическими недостатками. Ивар увидел инвалидов, слепых, искалеченных. Он был бы потрясен таким большим количеством непрерывно излучаемого горя, если бы они не казались такими же жизнерадостными, каким был и он.

Ближе к закату Вэйбрейк исчез на безбрежной равнине Айрокленда. Грубая красная почва проглядывала между группами серо-зеленого кустарника и меч травы, высушенной так сильно, что растительность обратилась в пыль. Самло

объявил привал у выветренного потока лавы, из которого торчала волнистая вулканическая пробка.

- Дьявольская громадина, - сказал Миккая своему протеже. - Традиционное место стоянки за Арройо. Говорят, что оно охраняет от враждебных богов. Я думаю, что эта практика относится еще к време-

нам Бед, когда вокруг бродили дикие орды, измождённые люди или разрозненные остатки сил захватчиков, и нужны были места, которые могли защитить. Но, конечно, в наши дни мы не делаем лагерь, окруженный фургонами на случай, если задует ветер зусни или что-то в этом роде. Но традиции осторожности нужно поддерживать. Восстание доказало, что Беды могут прийти опять, и, несомненно, придут… как будто для этого нужны какие-либо доказательства.

- Э-э, извините меня, - сказал Ивар, - но вы говорите, э-э, как будто вы на удивление умудрены опытом… - Голос его прервался.

Миккая захихикал.

- Ну, как неграмотный Полудикарь? Но, в самом деле, я не таков. Во всяком случае, я грамотный. Часть из нас должны уметь читать и писать, если мы хотим иметь дело с внешним миром, управ-

ляться с такими делами, как Карта Сокровищ. Кроме того, я люблю читать, когда выпрошу или украду книгу.

- Я не могу понять, почему вы - я хочу сказать, вы отрезаны от таких вещей, как банки данных библиотек, уж не говоря о медицинских и генетических услугах, всего, что вы можете иметь...

- Какой ценой? - Микkая сплюнул. - Тогда нам надо было бы иметь постоянную работу, чтобы добывать средства на жизнь, или стать добропорядочными клиентами, как законопослушные слабаки. Поэтому, конец Поезду - это конец нам. Неужели не понятно? Тинеранец не может с этим расстаться. Засунь его в город или запряги на ферму, и моли господа, чтобы смерть освободила его тело от гниения.

- Я слышал об этом, - медленно заговорил Ивар.

- Но думал, что эти рассказы - преувеличение, да? Нет, это правда. Такое уже было. Тинеранцы, попавшие в тюрьму даже не надолго, заболевают и умирают, если не совершат самоубийство. Даже если по каким-то причинам их высылают из Поезда, они должны превращаться в оседлых "свободных рабочих", - интонация его говорила о том, что он подразумевает "в кавычках", - у них не бывает потомства, и они долго не живут...

Вот почему у нас нет смертной казни. Дважды я видел, как король приказывал, чтобы сильно провинившегося выкинули вон, а остальным Поездам было послано известие о том, чтобы никто их не принимал. Оба раза парни просили заменить им приговор сто одним ударом плети. - Миккая встряхнулся. - Однако у нас ведь есть и своя работа. Ты распряжешь повозку, стреножишь животных и отведешь их к месту сбора. Дулси тебе все объяснит. Так как я взял тебя, как дополнительного работника, мне нужно пораньше наточить инструменты.

Он выступал в качестве жонглера и метателя острого оружия и ко всему прочему был мастером игры в карты и кости.

Мужчины возвели разборную кормушку, наполнили ее водой из грузовика, добавили витаминных растворов, как необходимые добавки к хилой растительности местных пастбищ. Мальчики проводили ночь, присматривая за общим стадом и тягловыми животными. Кроме паучьих волков или одинокого катавала, угрозу представляли ущелья, песчаные преисподние, ураган, способный неожиданно разразиться в любом месте на Аэнеасе. Если погода стояла мягкая, ночной холод не был опасен, если маршрут не

проходит по настоящей пустыне. Домашние животные были продуктом длительного выведения, четвероногие и шестиногие, с густой шерстью, все они, почему-то, имели большое сходство с неомоасами.

Конечно, не везде пустыня была так холодна, иначе ее нельзя было бы перейти. Поезд пройдет через оазисы, где можно наполнить баки свежей водой, а мешки фуражом.

Внутри круга фургонов женщины и девушки готовили ужин. В этой местности почти не было топлива, и они использовали нити накаливания. Конденсаторы потом перезаряжались на электростанциях. Чтобы пополнить запасы энергии и заработать необходимые средства для оплаты, маршруты движения Поезда прокладывались через цивилизованные районы.

Вергилий ушел вниз. Почти мгновенно после заката наступила ночь. На фургонах кое-где светились редкие фонари, но, в основном, караван ориентировался по звездам, лунам, по утренним всполохам на севере. Холодный бриз дул из пустыни. Люди толпились вокруг котлов, стараясь сохранить тепло. Раздавались голоса, болтовня, смех, отрывки песен.

Ужин был хотя и острым, но довольно незатей-

ливым - толстый кусок тушеного мяса на ломтике хлеба и чай, пахнущий смолой. Тинеранцы редко употребляли алкоголь, и никогда не возили его с собой. Ивар полагал, что это было следствием обезвоживающего эффекта спиртного.

И в любом случае, зачем было напиваться? Он никогда не был так счастлив в самых веселых пивных Нова Рома, при совершенно ясной голове.

Ивар получил свою первую порцию и уселся на землю возле Микkая и Дулси. К ним сразу же присоединились другие. Народу собиралось все больше и больше, пока Ивар не оказался в шумном кругу лиц, немытых, но свеже пахнущих тел. Вопросы, замечания, шутки, вились вокруг.

- Хей-а, городской мальчик, почему ты пошел побродить?.. В надежде на девчонок? Ну, надеюсь, ты не будешь слишком усталым, чтобы сделать им одолжение после дневного похода… Ну-ка, выдай нам песню, историю, какую-нибудь сплетню, ну, как насчет этого?.. Эй, ты, Банджи, не нажимай пока на него так сильно… Добро пожаловать, парень… У тебя есть монетка? Послушай, отойдем в сторону, я Объясню тебе, как удвоить свои деньги… Послушай, не двигайся, я тебе расскажу будущее…

Ивар отбивался, как мог, стараясь никого не обидеть. Он будет с этими людьми довольно долго, и, конечно, лучше стать популярным в их среде. И вообще, они ему нравились.

Наконец, из тени появился Самло:

- Расходитесь, комендантский час!

Толпа стала поспешно расходиться, выполняя команду короля. Ивар решил, что хаос в начале дня и вечерняя суматоха, были только внешними. Каждый знал свои обязанности. Просто они не заботились о военной четкости и не были скованы казарменными уставами.

Вокруг трона собрались музыканты.

- Я думал, что нам приказали ложиться спать, - вымолвил Ивар.

- Не сразу, - сказала ему Дулси. - Как только есть возможность, мы сначала немного развлекаемся, поем, танцуем или… - Она сжала его руку. - Ты подумай, о чем ты можешь рассказать. Он вызовет тебя. Хотя сегодня он хочет… Да, Фраина. Фраина Юбилейная. Сестра Миккая… почти сестра, по-вашему; у них разные матери. Она хороша. Посмотри.

Кочевники образовали круг перед фургонами. Ивар поначалу тоже пристроился в круг, но почувствовал себя неуютно - после наступления

темноты сидеть на земле было очень холодно. Не было сил идти за теплой одеждой. Он стоял, прислонившись к фургону "Красная крыша", окутанный темнотой.

Центр лагеря был запит серебряным светом взошедшей Ливинии, да и Креуза была почти в полном объеме. Молодая женщина выступила вперед, откланялась королю, выпрямилась и сняла плащ. Под ним она носила нагрудное украшение и широкий медный пояс, отделанный драгоценностями.

Ивар узнал ее. Эти тонкие черты и большие серые глаза неоднократно привлекали его внимание днем. Практически обнаженная, фигура ее казалась бы мальчишеской, если бы не высокая, округлая грудь. Нет, решил он, это не совсем так, ее женственность была лишь более утонченной и гибкой, чем у его более тяжелого народа.

Раздалась музыка. Она топнула голой ногой, раз, два, три, и бросилась в танец.

У Ивара перехватило дыхание. Ему уже приходилось видеть, как танцуют тинеранские девушки, но лишь некоторых из них взяли бы в балетную школу. Это же было что-то невероятное. "Самое лучшее они оставили себе", - мелькнула мысль, и больше он уже не мог думать ни о чем.

Его полностью захватил бурный вихрь ее танца.

Девушка совершала невероятные прыжки, она то плыла по земле, то взмывала вверх и, мягко приземлившись на носок, кружилась, кружилась. И вдруг превращалась то в колесо, мчащееся по кругу, то в стрелу, выпущенную охотником и сразу - в катавала, уклоняющегося от этой стрелы и разрывающего выпустившего ее охотника. Плащ в ее руках был то крыльями, то возлюбленным, с которым она танцевапа нежнейший из танцев. Она сама была лунным светом, песней дудок и барабанов и, когда она неожиданно исчезла из круга, умчавшись в ночь, музыка сразу смолкла.

Публика взревела от восторга.

Внутри фургон Миккая был хорошо отделан, но свободного места было мало из-за обилия вещей. Б переднем углу стояла круглая печка, которая использовалась, когда было топливо. Две двуспальные кровати, в два яруса, занимали стену слева, под ними поместился запирающийся шкафчик. Раздвижной стол пристроили в левом углу, а вдоль правой стены пристроили полки, буфет, вешалки для бесчисленного количества вещей: запасы и оборудование для повседневной жизни, костюмы, атрибуты представлений, калейдоскоп странных сувениров и старый канат.

С потолка свисал крошечный фонарь, несколько амулетов и пучки сухой пищи, колбаса, лук, яблоки дракона, мофри и еще что-то, с острым запахом.

К двери была прикреплена клетка. Животное в ней село на задние лапы, когда вошли Микая, Дулси и Ивар. Первенец удивился, зачем нужно кому-то держать такое не располагающее к себе животное. Оно было около пятнадцати сантиметров длиной, четвероногое, хотя передние конечности скорее напоминали костлявые руки. Грубый серый мех покрывал его кожу с плеч до задних лап, образуя что-то вроде естественной мантии. Острая, вытянутая мордочка со стоячими ушами, похожими на рога, и пасть усыпанная иглообразными зубами, довершали портрет зверька. То, что существо не было аэнеанским организмом доказывали блестящие маленькие красные глаза - их было три, расположенных треугольником.

- Что это? - спросил Ивар.

- Как что? Это удача, - сказала Дулси. - Зовут Парзо. - Она потянулась к клетке, у которой не было никаких запоров.

- Ну, выходи и скажи привет, Ларзо, дорогой.

- Ваш… талисман?

- Наш что? - спросил Миккая. - А-а, понимаю тебя. Джу, как те? - Он ткнул пальцем в сторону подвешенного гротеска. - Нет, это нечто большее. Считается, что удачи помогают нам, но, в основном, они наши любимцы. Я никогда не слышал о фургоне, ни в одном Поезде, где бы их не было.

Дулси вынула животное из клетки и три человека, рассевшись рядком на нижней кровати, принялись прикармливать зверька кусочками сыра. Зверек охотно принимал лакомство из рук, но не проявлял при этом особого восторга.

- Откуда они родом? - спросил Ивар. Миккая развел руками.

- Кто знает? Какие-то иммигранты привезли одну или две пары, полагаю очень давно, в первые дни колонизации. Они никогда не приходили сами, но у тинеранцев стало привычкой держать их, и... - Он зевнул. - Давайте на покой. Жаль, что утро приходит так чертовски рано.

Дулси посадила удачу в клетку. При этом, чтобы повесить ее на место, ей пришлось наклониться над коленями Ивара. Когда ее рука освободилась, она погладила его по коленке, а другой рукой потрепала за волосы. Миккая заморгал, затем засмеялся.

- Почему бы и нет? - сказал он. - Ты долго будешь

нашим попутчиком, Рольф, и мне кажется, ты нам обоим понравился. Можешь начинать прямо сегодня.

Слегка ошалев от недвусмысленного внимания женщины, Ивар выдавил заикаясь:

- Ч-что? Я, я не совсем понимаю…

- Ты можешь взять ее на эту ночь, - предложил Миккая, а Дулси захихикала. Спустя немного добавил:

- Стесняешься? Бы северяне часто стесняетесь, пока не напьетесь. В этом нет надобности среди друзей.

Ивар почувствовал, как зарделось его лицо. - Ну-ну, - сказала Дулси. - Бедный мальчик, он слегка растерялся. - Она легко поцеловала его в губы. - Не обращай внимания. У нас еще есть время. Потом… если ты захочешь. Только, если ты захочешь.

- Конечно, не бойся нас, - добавил Миккая. - Я вовсе не кусаюсь, а она не очень сильно. Отдыхай, если хочешь.

Их несерьезность была, как благословение. Ивар никогда не представлял, что окажется в таком смущении в первый же вечер.

- Я не хотел никого оскорбить, - сказал он. - Я, ну, я помолвлен и должен жениться, там, дома.

- Если передумаешь, дай знать, - пробормотала Дулси. - Но если и не передумаешь, я не буду сомневаться в том, что ты мужчина. У разных племен разные обычаи, вот и все. - Она снова его поцеловала, но теперь покрепче. - Доброй ночи, дорогой.

Ивар вскарабкался на верхнюю койку, разделся и залез в спальный мешок, который Дулси приготовила для него. Миккая задул фонарь и скоро он услышал шорохи и поскрипывание на нижнем ярусе, а затем была темнота, тишина и ветер.

Он еще долго не мог заснуть. Предложение, сделанное ему, было слишком возбуждающим. Или это действительно было так просто? Он имел дело с тремя или четырьмя женщинами во время отпусков, из военного лагеря. Его друзья не обходили вниманием женщин. Некоторое время он гордился своими похождениями, а затем встретился с кристально чистой Татьяной и ему стало стыдно.

Я не пуританин, доказывал он себе. Пусть они делают, что хотят со своей жизнью на далекой продажной Земле, мне ближе эти люди, но не настолько же, чтобы в тинеранском фургоне… У ребенка Первых людей и ученых другая судьба. Человек на Аэнеасе выжил, потому что вожди

посвятили свои жизни делу выживания: дисциплинированные, верные мужчины и женщины, всегда требовавшие больше от себя, чем от своих подчиненных. А умение владеть собой начиналось в самых потаенных уголках души.

Человеку, конечно, свойственно ошибаться. Но он не считал, что был не прав, решившись сохранять верность своей любви и осуждая товарищей по военному лагерю за участие в оргиях. Но ведь это оргии, там все по-другому. А здесь? Почему же он лежит, боясь пошевелиться, и здорово сожалеет о том, что должен хранить верность своей Татьяне? И почему, когда он пытается вызвать в памяти ее образ, перед глазами встает Фраина?

Глава 7

Расположенный на холме в середине Нова Ро-ма, Университет Вергилия был городком внутри города, и большая часть его была старше, чем остальная часть города. Массивная с амбразура-ми стена вокруг него все еще носила шрамы от Бед. "В действительности, старше, чем Империя, - думал Десаи. Взгляд его проходил по обработан-ным человеком красным и серым камням, по вставленной секции и стеклянному радужному свечению. По спине прополз холодок. - А эта часть даже старше, чем человечество".

Войдя в главные ворота, Десаи попал в лаби-ринт дворов, тропинок, лестниц, неожиданных маленьких парков из деревьев, памятных досок и статуй. Архитектура здесь отличалась от архитек-туры других районов. Даже более новые строения - длинные, с портиками и заостренными окнами, переходящие в башни - сохранили традиции, относящиеся к временам самых первых посе-ленцев. "Что за сумасшедший архитектор это понастроил? - удивлялся Десаи. - Если это дизайн древней Земли, то он очень изменился. Готиче-

ские арки, но русские шпили, за исключением того, что при низкой гравитации своды парят, а купола выступают... и все же эти величественные сооружения нельзя ни с чем сравнивать, они сильны и грациозны по-своему, они принадлежат Аэнеасу... в отличие от меня".

Зазвонили колокола на колокольне, которая отчетливо выделялась на фоне темнеющей синевы неприветливого неба, слегка подернутого ржавыми пыльными облаками. Несомненно, мелодия часто повторялась. Но она не звучала академично, она звучала почти по-военному.

Университетский городок еще не наполнился оживленными толпами студентов, которые Десаи видел на голограммах, снятых до восстания. Бросалось в глаза то, что здесь было мало негуманоидов и, вероятно, еще меньше гуманоидов из других колоний. Но зато были сотни аэнеанцев. Почти никто из них не носил униформу: плащи с высоким воротником и капюшоном для преподавателей, которые могли одеваться поверх рабочего халата, студенческие пиджаки с эмблемами своих колледжей и, если они были землевладельцами, их Первых людей. (Под ними были туники, брюки и полуботинки, которые носили как девушки, так и юноши - по крайней

мере, среди северян - за исключением торжественных случаев, когда женщины надевали античные юбки.) Десаи отметил также следы от погон на плечах у многих обитателей городка, напоминание о военных или морских соединениях, сейчас распущенных. "Следует ли мне это запретить?.. А что, если моему декрету никто не подчинится?"

Десаи почувствовал, как в нем поднимается волна гнева. О-о, вот пара молодых парней смеется шутке, там несколько юношей запускают воздушного змея, а вот идут парень с девушкой, держась за руки, рядом два пожилых человека ведут ученый разговор; но улыбок было очень мало, его шаги на вымощенном дворе звучали слишком громко.

Он приехал сюда с официальным визитом, предварительно предприняв усилия, чтобы узнать расположение отдельных зданий. Десаи не рассчитывал на радушный прием и поэтому старался не спрашивать дорогу, таким образом, сохраняя инкогнито. Не то, чтобы он боялся насилия, к тому же он полагал, что достаточно сдержан, чтобы отвечать на оскорбления, однако... Путь его проходил мимо лабораторий Рыбникова, библиотеки Пикенса, через площадь

Ад-
зела к замку Борглунда, в котором располагались жилые помещения.

Южная башня, так было ему сказано. Десаи остановился, чтобы посмотреть, где стоит Вергилий. Спустя два года - свыше одного аэнеанского - он так и не научился ориентироваться в сторонах света. Компас на планете был ориентирован на восход солнца на востоке, и хотя двадцати пятиградусный наклон оси планеты несколько сбивал с толку, ему следовало бы уже привыкнуть к расположению созвездий. Он даже не приучил себя не смотреть прямо на этот маленький, но страшно яркий диск, который был солнцем Аэнеаса. Когда Десаи взглянул на него впервые, он испугался, что сетчатку глаз и ослеп навсегда. Вот и сейчас несколько мгновений он ничего не видел. А ведь ему следовало торопиться. Слишком много дел и проблем ждало его в офисе. И с каждым часом количество их нарастало. Придя в себя, Десаи вошел в башню.

Винтовая лестница в башне была довольно мрачной и крутой, Десаи споткнулся и сердце его учащенно забилось. Низкая гравитация не компенсировала по настоящему разряженный воздух. Он немного отдохнул на четвертой лест-

ничной площадке перед тем, как подойти к дубовой двери и взяться за звонок.

Татьяна Тейн впустила его.

- Добрый день, - сказала она бесцветным голосом.

Десаи поклонился.

- Добрый день, леди. Вы очень добры ко мне, благодарю, что согласились на эту беседу.

- Разве у меня был выбор?

- Конечно.

- У меня его не было! Как не было тогда, когда ваши Разведывательные службы захватили меня для допроса. - Речь ее оставалась ровной. Нотка горечи, по крайней мере, выразила какое-то человеческое отношение.

- Вот почему я захотел увидеть вас в вашей квартире, мисс Тейн. Чтобы подчеркнуть добровольность. Я думаю, что тогда речь шла не об аресте. Просто офицер предположил, что вы будете сотрудничать, как законопослушный гражданин.

Десаи успел поймать себя на том, что хотел сказать "подданная Его Величества".

- Ну, я не хотела оскорбить вас, Комиссионер. Вы действительно пришли сюда без сопровождающих, как обещали?

- О, да. Кто бы обратил внимание на круглолицего человека с шоколадным цветом кожи в такой толстой мантии? Между прочим, куда я могу положить ее?

Татьяна указана на вешалку в прихожей. Планировка была неправдоподобно архаична. Несомненно, первые колонисты не имели свободных ресурсов, чтобы автоматизировать жилища, и с тех пор спартанский стиль оставался основой жизни. В квартире было еще и холодно, хотя молодая женщина была легко, если не сказать, просто одета.

Десаи внимательным взглядом окинул внешность собеседницы, стараясь хорошо запомнить на будущее. Она была высокая и стройная. Изогнутый нос на овальном лице, над карими глазами дугообразные брови, широкий рот с полными губами, лицо цвета слоновой кости, темные прямые волосы до плеч. Старая университетская семья, вспомнил он, занятая только своими профессиональными исследованиями, ей с детства предначертана карьера ученого. Немного застенчивая и начитанная, но не является тепличным растением; она совершает долгие пешие прогулки и еще более долгие верхом, проводит время в пустыне, не говоря о джунглях Дидо. Блестящий

лингвист, имеет солидные успехи в изучении некоторых языков этой планеты. Ее интерес к земной классике, несомненно, повлиял на Ивара Фридериксона, и к истории… Хотя родство с Хуго Мак-Кормаком, наверно, сыграло большую роль, чем изучение земной истории. Кажется, у нее больше здравого смысла, чем у ее друга. Серьезная девушка, ценит юмор, но в целом, хорошая возлюбленная, о которой может мечтать любой мужчина.

Ее досье заняло бы немного места. Было слишком много более заметных аэнеанцев, которых следовало бы изучить повнимательнее. Мальчик Фридериксон тоже не внушал опасений, до тех пор, пока не выкинул этот трюк.

Татьяна провела Десаи в главную комнату своей небольшой квартиры. Выцветшие гобелены и исшарканный коврик вносили разнообразие в обстановку, не обремененную книжными полками, эйдофонитическим плеером, или специальной аппаратурой для логико-семантического анализа. Мебель была изношенной, но удобной, кожа и мягко обитое дерево. На письменном столе стояли фотографии ее родственников, а в середине, вызывающе, фотография Ивара. Сверху висели два прекрасных вида, один дидоанский, один

Аэнеаса, снятые из космоса. Ее работа, ее дом.

Зазвучала трель. Она подошла к жердочке, на которой сидел крошечный пушистый местный мышонок.

- Ой, - сказала она. - Я забыла, сейчас время его кормить.

Она дала животному семян и приласкала. В ответ раздалась прекрасная мелодия.

- Как его зовут, могу я спросить? - задал вопрос Десаи.

Она была заметно удивлена.

- А что?.. Фрумиос Бандерснеч. Десаи отвесил долгий поклон.

- Извините меня, моя леди. Мне передали неверное впечатление о вас.

- Какое?

- Не имеет значения. Когда я был мальчиком на Раманудже, у меня тоже был местный любимец, которого я называл Мнимая Черепаха… Скажите, пожалуйста, можно ли держать в доме мышонка, если там дети?

- Ну, это зависит от них. Они не должны быть с ним грубыми.

- Они не будут. Они никогда не дергали нашего кота за хвост, но недавно бедный зверь умер. Он не смог приспособиться к этой планете.

Она насторожилась.

- Аэнеас не всех новичков встречает благосклонно, Комиссионер. Садитесь и объясните цель своего визита.

Он нашел, что стул был слишком высок для его умеренного роста. Она опустилась на стул напротив.

легко, потому что была выше его на несколько сантиметров. Ему хотелось закурить, но просить разрешения он стеснялся.

- Что касается Ивара Фридериксона, - сказала Татьяна. - Я скажу вам то же, что говорила вашим агентам: я не была связана с подготовкой его акции и понятия не имею, где он может быть.

- Я видел запись этого интервью, мисс Тейн. - Десаи тщательно выбирал слова. - Я верю вам. Агенты тоже поверили. Никто не рекомендовал наркодопрос, ограничились одной гипнопробой.

- Ни один аэнеанский констебль не имеет права даже предложить такое.

- Но Аэнеас восставал и находится в оккупации,

- Десаи говорил самым мягким голосом. - Пусть он снова подтвердит свою верность, и он получит назад все свободы, которые имел ранее.

Видя, как в глазах ее появляется протест, он

тихо добавил:

- Верность, о которой я говорю, не включает ничего унизительного, только несколько внешних знаков уважения к трону, чисто символических. Это верность к Императору, прежде всего, к его Пакту. В век, когда космические корабли могут заполнить все небо, а мятеж, фактически, унес уже тысячу жизней - это не так уж много, моя леди. Вот почему я прибыл сюда, а не из-за Ивара Фридериксона.

Вздрогнув, она проглотила комок в горле, прежде, чем выдавила из себя:

- И что, по-вашему, я могу сделать?

- Боюсь, что, скорее всего, ничего. И все же, даже возможность намека, подсказка, любая незначительная информация были бы весьма полезны. Что и привело меня к этому звонку с просьбой о конфиденциальной беседе. Я подчеркиваю "с просьбой". Вы можете не помогать, если сами добровольно этого не хотите.

- Что вы хотите? - прошептала она. - Я повторяю, что я не состою ни в какой революционной группе, и никогда не состояла, если не считать таковой мою службу в милиции во время борьбы за независимость, и я ровным счетом ничего не знаю о том, что происходит. - К ней вернулась

гордость. - Но даже если бы знала, то я скорее убила бы себя, чем выдала его. Или предала его дело.

- Но вы не против, если мы просто поговорим о нем? О нем и о его деле?

- Как?.. - Вновь зазвучал тот же бесцветный голос.

- Моя леди, - сказал Десаи, подумав о том, насколько честно звучит его просьба. - Я чужой вашему народу. Я уже встречался с сотнями из вас лично, сам, а мои подчиненные встречались с тысячами. Однако все это приносит мало пользы, из-за взаимного непринятия и непонимания. Ваша история, литература, искусство могли бы многое разъяснить, но время, которое я могу посвятить им, очень ограничено, а выводы, сделанные подчиненными, назначенными для выполнения этой задачи, почти ничего не дают. Одним из основных препятствий к взаимопониманию является ваша гордость, ваш идеал опоры только на свои силы, ваше чувство уединения, которое заставляет вас неохотно открывать свою душу и даже души главных героев художественных произведений. Я знаю, что у вас нормальные человеческие эмоции; но как, на Аэнеасе, они обычно работают? Что значит чувствовать как вы, быть с вами?

Единственными здесь, с кем я мог бы найти хоть какие-то точки соприкосновения, являются, конечно, горожане из высшего класса. Предприниматели, представители исполнительных властей, новаторы-космополиты, которым много приходится иметь дело с самыми развитыми частями Империи.

- Скваттеры в Вебе, - презрительно произнесла она. - Да, у них легко найти сочувствие. Все, что угодно, ради выгоды.

- Вот сейчас и вы являетесь одной из тех, кто находится под впечатлением своих иллюзий, - с упреком сказал Десаи. - Правда, несомненно, часть из них является жалкими оппортунистами. Разве совсем нет таких среди землевладельцев и в университете? Разве вы не можете допустить того, что промышленник или финансист может честно верить в сотрудничество с Империей ради блага своего народа? У вас никогда не возникала мысль, что он может быть прав?

Десаи вздохнул.

- По крайней мере, признайте тот факт, что чем лучше мы, импи, понимаем вас, тем лучше вас же. Фактически, наше понимание друг друга, могло бы быть жизненно важным. Ну а, если уж быть откровенным, если бы я знал точно, (о чем

смутно догадываюсь) значение в вашей культуре памятника Мак-Кормаку и вооруженным семействам, я мог бы убедить правительство сектора отменить свой приказ о его закрытии. Тогда мы не спровоцировали бы многих преступлений.

Боль исказила ее лицо.

- Может быть, - сказала она.

- Мои обязанности здесь, - сказал он ей, - во-первых, поддерживать Пакт, включая гражданское право и порядок; в конечном счете, обеспечить, чтобы они соблюдались, когда земные войска уйдут, в конце концов, домой. Но что следует сделать? Как? Следует ли нам, например, полностью пересмотреть основные структуры? Особенно, касательно того, чтобы отнять власть у землевладельцев, чей милитаризм сделал возможным восстание, и создать парламент, основанный на строго всеобщем избирательном праве? - Десаи наблюдал, как реагирует собеседница. Она становилась более открытой к нему. - Вы шокированы? Возмущены? Не верите себе, что такие катастрофические перемены возможны и принесут свои плоды?

Он наклонился вперед.

- Моя леди, - сказал он, - среди тех ужасов, с которыми я живу, есть убеждение. Оно осно-

вано на всей истории, которую я изучал, и на всем непосредственном опыте, которым я обладаю. Устрашающе просто развеять и смести побежденные и оккупированные народы. Это неоднократно приходило мне на ум. Иногда, два победителя с различными идеологиями делят побежденного между собой с целью "реформирования". И в последствии побежденный навсегда остается разделенным, а обе его половины еще более фанатично воспринимают идеологию победителей, чем они сами, тем самым став противниками друг друга.

Ему даже дурно стало от нехватки воздуха. Сделав глубокий вздох Десаи продолжил:

- Конечно, может быть и по-другому. Оккупация может быть снята раньше времени, или победитель недостаточно тщательно проведет преобразования... Б итоге получив постоянный источник волнений.

Так вот, моя леди, кое у кого в правительстве есть мнение, что сектор Альфа Круцио никогда не будет спокойным, пока Аэнеас не будет переделан по земному образцу. И таких немало.

Я же чувствую, что это не только не верно, но и смертельно опасно. Что бы ни говорили психодинамисты, я не верю в хорошие результаты

радикальной хирургии на гордом и энергичном народе. В вас есть что-то уникальное и в основе своей - я чувствую это - хорошее и ценное для человечества.

Я хочу сделать минимальные, а не максимальные изменения. Пусть они ни к чему не приведут, кроме укрепления торговых связей с центральными звездами Империи, чтобы дать вам большую ставку в Пакте. Но мне это кажется необходимым. По крайней мере, в настоящее время. Я не знаю. Я тону в море сообщений и статистических данных, и когда я шел ко дну в очередной раз, я вспомнил старую-старую пословицу: "Позвольте мне писать песни для нации и мне не важно, кто может писать их законы".

Вы не могли бы помочь понять мне ваши песни?

Наступило молчание, продолжавшееся под завывающий ветер на улице, до тех пор, пока мышонок очень робко не напомнил о себе. Казалось, что это отвлекло Татьяну от ее мыслей. Она встряхнулась и сказала:

- То, о чем вы просите, является более близким знакомством, Комиссионер. Это дружба.

Он нервно засмеялся.

- Я не могу принять никаких возражений. К

сожалению, у меня нет даже минимума времени для такой откровенной дискуссии, какой бы мне хотелось. Но если, о-о, если бы вы, молодые аэнеанцы, смогли побрататься с молодыми офицерами, техниками, работниками космоса. Вы бы узнали, что они хорошие люди, вы бы могли немного посочувствовать их одиночеству, а у них есть опыт общения с другими мирами, они могли бы поведать вам многое, о чем вы никогда не слышали…

- Не знаю, возможно ли это, - сказала Татьяна. - Во всяком случае, не с моей помощью. Сомневаюсь, что я могу быть полезной, когда ваши ищейки охотятся за моим любимым.

- Я думаю, что это еще одна тема, которую мы могли бы обсудить, - сказал Десаи. - Нет, не о том, где он может находиться, какие у него планы, нет, нет. Но как вызволить его из ловушки, которую он сам захлопнул. Ничто не сделало бы меня более счастливым, чем возможность даровать ему прощение. Не можем ли мы придумать способ?

Она бросила на него удивленный взгляд прежде, чем медленно произнесла:

- Хотелось бы верить, что вы имеете в виду именно это.

- Вне всякого сомнения, это я и имею в виду.

И скажу вам почему. В конце концов, мы, импи, имеем своих агентов и информаторов, не говоря уже об особых средствах слежения. Мы не полностью слепы и глухи к событиям и течениям, скрывающимся за ними. Нельзя скрыть от людей тот факт, что Ивар Фридериксон, наследник Первого человека Илиона, возглавил новое, открытое и спланированное сопротивление. Его сообщники, которые были убиты, ранены, взяты в плен, рассматриваются вами, как мученики. О нем, в большинстве своем, шепчут, как о правом борце за свободу - правомочном короле, если хотите - который возвратится. - Улыбка Десаи могла бы показаться зловещей, если бы не его пухлые черты лица. - Заметьте отсутствие публичных заявлений его родственников, кроме формальных выражений сожаления о "несчастном инциденте". Мы, правительство, были достаточно осторожны, чтобы не давить на них. О-о, мы были осторожны!

Тягостная атмосфера была подобна вечному шуму для непривычного слуха. Он едва смог услышать то, что она произнесла:

- Что бы вы могли сделать... для него?

- Если он, безусловно, по своей собственной воле, заявил, что изменил свою точку зрения - не

в отношении Империи, нет, просто признав, что на протяжении основного времени существования, Аэнеас жил под ее управлением неплохо, и это может

снова стать реальностью. Ну тогда, я думаю, его и его сообщников не только бы простили, но оккупационное правительство могло бы пойти на ряд уступок.

Осознание всего происходящего заставило Татьяну встать.

- Если вы предполагаете, что это предложение может выманить его из потайного…

- Нет! - сказал Десаи с ноткой нетерпения. - Это не то послание, с которым следует обратиться по радио. До этого следовало бы сделать кое-какие тайные приготовления, а иначе это действительно, выглядело бы, как предательство. Во всяком случае, я повторяю, что не думаю, что вы знаете, как его найти или что он в ближайшем будущем попытается наладить с вами связь.

Он вздохнул.

- Хоть это и возможно… Но, как я уже сказал, меня интересует другое. Я хочу понять, что движет им. Что движет всеми вами? Какие существуют возможности для компромисса? Как могут Аэнеас и Империя выпутаться из всей этой ситуации,

которую они создали друг для друга?

Она рассматривала его примерно с секунду, а затем спросила:

- Вы не хотели бы пообедать?

Бутерброды и кофе были хорошими. Расположившись на ее кухоньке, которая была выполнена из витрилла, опирающегося на спины каменных драконов, можно было созерцать вид через площади, залы, башни, бойницы, вниз на Нова Рома, реку Флону и ее зеленый пояс, на коричневато-желтую дикую местность позади него.

Десаи вздохнул, ощутив запах из своей чашки, из-за отсутствия сигареты, которую он так и не осмелился закурить.

- Тогда Ивар парадоксален, - заметил он. - Судя по тому, что вы сказали, он скептически настроен к возможности стать боговдохновенным лордом своего глубоко религиозного народа.

- Что? - Он уже потерял счет тому, как часто сегодня заставлял изумляться девушку. - О-о, нет. Мы такими никогда не были. Мы ведь начинались с научной базы, если помните, и не в век благочестия.

Она запустила пальцы в волосы и, подумав с секунду, сказала:

- Ну, по правде говоря, всегда были некоторые верующие, особенно среди знати... М-м, я полагаю, тенденция относится к администрации Снелунда, может быть, это реакция... на общий упадок Империи? Но наши проблемы за последние несколько лет, конечно, ускорили это - все больше и больше люди поворачиваются к церкви. - Она нахмурилась. - Хотя они и не находят то, что ищут. Это проблема Ивара. Он прошел обращение в начале подросткового периода, и говорил мне, что позднее нашел это кредо неправдоподобным в свете науки.

- Так как я пришел сюда за информацией, я не имею права, это не мое дело говорить вам, кем вы являетесь, - сказал Десаи. - Тем не менее, у меня есть довольно разнообразные источники и... ну, и как бы вы отнеслись к такой интерпретации? Аэнеанское общество всегда имело сильную веру. Вера в ценность знаний, которая выдвинула эту колонию на первое место. Веру, скажем, в право и обязанность выжить, что привело вас к особенно жесткому сопротивлению и Бедам. Вера в службу, честь, традицию. Сейчас вернулись тяжелые времена. Некоторые аэнеанцы, подобные Ивару, реагируют эмоционально, отстаивая приверженность общественной системе. Другие

обращаются к сверхъестественному. Но как бы он этого не делал, средний аэнеанец должен чему-то служить, чему-то большему, чем он сам.

Раздумывая, Татьяна нахмурилась.

- Может быть и так. Десаи пошевелился.

- Может быть. Все же, я не думаю, что "сверхъестественное" является правильным словом. Если конечно, не в особом, совсем специфическом, смысле. "Трансцедентальный" могло бы подойти лучше. Например, я бы назвала Космонос скорее философией, чем религией. - Она слабо улыбнулась. - Мне лучше знать, так как я сама являюсь косменосисткой.

- Кажется, я припоминаю. Это не то движение среди университетской общественности, популярность которого быстро растет?

- И не забывайте о том, что оно большое и разветвленное. Да, Комиссионер, вы правы. И я не думаю, что оно является просто причудой.

- Каковы его постулаты?

- В общем ничего особенного. Оно не претендует на открытие истины, просто это способ погрузиться… уйти в себя, к своей сущности. Своим появлением оно обязано работам с дидоанцами. Бы ведь догадываетесь, почему, не так ли?

Десаи кивнул. В памяти его прошла картина,

которую видел он, и многие другие: в красно-коричневом лесу, под вечно облачным небом стояло существо, которое было триединым. На плечах, подобных платформе большого моносероида покоилась на четырех ногах птица в перьях и пушистый брахлатор с хорошо развитыми руками. Из их лиц выходили трубки, которые присоединялись к большому животному, чтобы соединить их кровообращение. Оно ело за всех них.

И все же, соединены они были непостоянно. Они восходили каждый к своему отдаленному предку, воспроизводили свои отдельные виды и многие функции выполняли самостоятельно.

Сюда входило отчасти и мышление. Но дидоанец не был в полном смысле разумным до тех пор, пока его - нет, их три члена не соединялись. Тогда не только соединялось кровообращение; то же происходило и с нервными системами. Три мозга вместе были больше, чем сумма отдельных трех.

Как много еще не было известно, вероятно, невозможно определить на любом языке, понятном человеку. Соседний мир Аэнеаса оставался окутанным тайной, как туманом. То, что дидоанские общества были технически примитивными, ни о чем не говорило; человеческие общества то-

же когда-то были примитивны. И были времена, когда Земля была единственной человеческой планетой, где люди начинали изучать законы природы. С тех пор они многим овладели и многое узнали. Связь же с дидоанцами и после семисот лет изучения оставалась чрезвычайно трудной. Несколько общих диалектов, которые доказывали только одно - их разумы абсолютно чужды друг другу.

Что такое разум, когда он является временным созданием трех существ, каждого со своей индивидуальностью и памятью; каждого, способного иметь любое количество различных партнеров? Что такое личность - даже душа - когда эти перемещающиеся связи увековечивают свои воспоминания в призрачное диминуэндо[Постепенно затихающий звук. Прим. ред.], которое длится поколениями после того, как изначальные тела уже умерли. Сколько разновидностей рас и культур и индивидуальностей возможны на протяжении веков в этом многоликом мире? Что мы можем узнать от них, а они от нас?

Без Дидо люди, вероятно, никогда бы не овладели Аэнеасом. Он был слишком далеко от Земли, такой бедный и жестокий. К тому времени, когда люди, которым не хватало такого стимула,

заполнили бы более благоприятные планеты, несомненно, иттрианцы заняли бы эту. Она подошла бы им гораздо больше, чем для хомо сапиенс.

А насколько хорошо она подходила Строителям, неопределенное количество мегалет в прошлом, когда не было дидоанцев, а на Аэнеасе были океаны?..

- Извините меня, - Десаи понял, что слишком погрузился в воспоминания. - Я отвлекся. Да. Я размышлял о… Соседях, разве вы не так называете их? Должно быть, они оказали огромное влияние на ваше общество, не просто, как неиссякаемый объект исследований, а своим, ну скажем так, примером.

- Особенно в последнее время, когда мы думаем, что можем достичь настоящего общения в некоторых отдельных случаях, - ответила Татьяна. Б голосе ее зазвучала страсть. - Подумайте: такой способ существования, за которым мы можем наблюдать и… и размышлять тоже, как вы сказали. Может быть, вы правы, нам действительно нужна сверхчеловечность в нашей жизни, здесь, на этой планете. Но, может, быть, Комиссионер, мы правы в чувстве, в котором нуждаемся. - Она взмахнула рукой в сторону неба. - Что мы такое?

Искры, сброшенные с горящей вселенной, чье создание было бессмысленным случаем? Или дети Бога? Или части, маски Бога? Или семя, из которого наконец, произрастет Бог? - И добавила тише: - Большинство из нас, косменосистов, думает… Да, дидоанцы вдохновили это, их странное единство, то малое, что мы узнали об их верованиях, привязанностях, поэзии, мечтах… Мы полагаем, что действительность всегда стремится к тому, что более велико, чем она сама, и первая обязанность тех, кто стоит выше, помочь подняться тем, кто ниже…

Взор ее обратился к окну, к фрагменту того, что было… чем-то, века тому назад… и в эти последние века, по-настоящему, никогда не растворялось окончательно, сохраняя свой особый дух. - Как Строители, - закончила она. - Или Старшие, как землевладельцы называют их, или… у них много имен. У тех, кто пришел до нас.

Десаи зашевелился.

- Не хочу быть непочтительным, - сказал он ощущая неловкость, - но, как бы это выразить, вероятно, в отдаленном прошлом действительно существовала звездная цивилизация. Оставив памятники старины на ряде планет, я не совсем могу понять, ум-м, эту теорию, которую услышал

на Аэнеасе, что скорее она ушла в более возвышенные сферы - а не просто вымерла.

- Что может уничтожить разум? - вызывающе бросила она. - Разве вы не понимаете, что мы, слабое человечество, тоже уже слишком широко распространились, чтобы бесследно исчезнуть. Даже если сама эта часть космоса взорвется… или, если мы погибнем на некоторых планетах, то разве не оставим столько инструментов, разных изделий, синтетики, окаменелых костей и других следов, чтобы через миллионы лет нас узнали? Тогда, почему должны были исчезнуть Строители?

- Ну, - заспорил он, - возможно, короткий период экспансии, небольшая база только для научных исследований, никаких настоящих колоний, эвакуированных из-за неблагоприятных событий дома…

- Бы догадываетесь, - сказала Татьяна. - Фактически, вы проходите мимо кладбища технической цивилизации. Я думаю, а в этом я не одинока, что Строителям не надо было делать больше, чем они делали. Они уже пережили период материального гигантизма к тому времени, когда дошли до этих мест. Думаю, что они переросли те последние следы, которые мы видим, и отбросили их,

как что-то ненужное. А дидоанец, много-в-одном, даст нам ключ к тому, чем они стали; да, они вполне могли начать эту линию эволюции сами. Но в свой назначенный день они вернутся, ради всех нас.

- Я уже слышал разговоры об этих идеях, мисс Тейн, но…

Ее горящий взор остановился на нем.

- Бы полагаете, что это безумие. Тогда подумайте над этим. Именно на Аэнеасе находится самый полный набор известных руин Строителей: в Орканском регионе, на горе Кронос. Мы никогда не исследовали их, как следовало бы, сначала из-за того, что было много других забот, а позже, потому что они были заселены. Но сейчас… ой, только слухи, ничего кроме слухов, которые всегда кочуют вместе с ветрами пустыни… все же, они шепчут о предвестнике…

Она, должно быть, поняла, что говорит слишком свободно, прервалась и снова взяла себя в руки.

- Пожалуйста, не думайте, что я фанатичка, - сказала она. - Назовите это надеждой, сном наяву, чем хотите. Согласна, у нас нет доказательств, оставим в покое святое откровение. - Десаи не мог быть уверен в том, сколько иронии содержится

в ее улыбке.

- И все же, Комиссионер, что если существа, опередившие нас на пять или десять миллионов лет вдруг решат, что Земная Империя нуждается в реконструкции?

Десаи возвратился в свой офис к концу затянувшегося рабочего дня, и решил оставить все до завтра и рано уйти домой. Он надеялся, впервые за последние две недели, увидеть своих детей до того, как они уснут.

Но, естественно, телефон предупредил его о срочном вызове. Чего еще можно ожидать от бездушного аппарата? С ним хотел поговорить шеф разведки.

"Может быть, это не так срочно, - продолжала работать его усталая мысль. - Фейнстейн - хороший человек, но никогда не знает как следует что важно, а что может и подождать."

Все-таки Десаи включил связь. Капитан ответил сразу же. После обычного приветствия и извинений он сказал:

- ...этот Айчарайч с Жан-Батиста, вы помните его? Так вот, сэр, он исчез при странных обстоятельствах.

- ...нет, как вы сами и Его Превосходительство решили, у нас нет основательных причин со-

мневаться в нем. Он действительно договорился путешествовать с нашим патрулем, чтобы сделать первый осмотр пригорода.

- …насколько точно я могу судить по запутанным сообщениям, каким-то образом ему удалось узнать пароль. Бы знаете, какие меры предосторожности мы установили со дня Хесперианского инцидента? Ключевые стражи сами, сознательно, не знают паролей. Они имплантированы для постгипнотического узнавания и быстрого повторного забывания. Чтобы предотвратить случайности, они представляют собой бессвязные слоги или фразы, взятые из неизвестных языков, используемых на далеких концах Империи. Если Айчарайч смог прочесть память людей - стоит учесть структуру его неземного мозга - тогда он более чем телепат, или знает больше способов, чем известно нам.

- Во всяком случае, сэр, с помощью паролей он управлял флаером, прошел на нем сквозь воздушные пикеты и совершенно исчез.

- …да, сэр, естественно, я проверил его досье, перепроверил все, что мы можем сделать, все, что мы имеем на этой проклятой пыльной планете. Никакого намека на побуждающие причины. Это могло бы быть простым пиратством, но стоит ли

на это надеяться?

- Мой друг, - ответил Десаи, усталость тяжелым грузом ложилась на плечи. - Я не мог бы представить ни одной вещи в этой вселенной, которую мы действительно не осмелимся предположить.

Глава 8

Но, но!

Микkая разгонял хлыстом своего стата в полный волнообразный галоп. Мощный бык, уходя от охотников, менял направления. Если бы он шел вниз по осыпи, охотники не смогли бы его преследовать. Ботинки или ноги, неподготовленные для такой почвы, могли бы повредится о края скал. А многочисленные окрашенные в ярко-красный цвет каменные выступы, торчащие вдоль каньона, мешали выстрелу.

Неожиданно зверь свернул в сторону и побежал по склону горы. Б этот момент из-за обнаженных пород выскочила верхом на своем скакуне Фраина.

Бык должен был бы пролететь мимо нее, вверх по склону к Ивару. Вместо этого, он нагнул голову и приготовился к нападению. Тройные рога сверкали, как сталь. Скакун Фраины попятился в панике. Бык был почти такой же, как стат, но сильнее и быстрее.

Только у одного Ивара было огнестрельное оружие, его винтовка; у других были копья.

- Я-лава! - скомандовал он своему скакуну, по хайсунски это означало "замри". Ивар приложил приклад к щеке и прицелился. Голая скала, красная пыль, разбросанные то там, то тут серо-зеленые кусты и одно единственное дерево рахаба резко выступало при свете полуденного Вергилия. Тени были пурпурные, но небо казалось почти черным над голыми вершинами. Воздух был жарким, высасывающе сухим, беззвучным. Тишину нарушали только дробь копыт и человеческие крики.

"Если я не попаду в этого зверя, Фраина может погибнуть, - промелькнуло в голове у Ивара. - Но бесполезно стрелять ему в горб. А в любое другое место очень трудно попасть на скорости и под таким углом, да и сама девушка находится на линии огня," - мысли мелькали, пока он целился. У него не было времени бояться.

Ружье зашипело. Пуля ушла со свистом. Скользкий бык подпрыгнул, замычал и свалился.

- Рольф! Рольф! Рольф! - распевала Фраина. Он поехал вниз к ней, гордый собой. Когда они спешились, она обняла юношу и приникла губами к его губам.

При всем его воодушевлении, это был целомудренный поцелуй; и все же у Ивара немного

закружилась голова. К тому времени, когда он пришел в себя, подъехал Миккая и осмотрел добычу.

- Хороший выстрел, Рольф! - Улыбка белела на его тонком лице. - Сегодня вечером мы попразднуем.

- Мы заработали это, - засмеялась Фраина. - Правда, иногда у людей отбирают то, что они заслужили.

- Фокус в том, чтобы самому отобрать, - сказал Миккая.

Нежный взгляд Фраины упал на Ивара.

- Или быть достаточно ловким, чтобы сохранить то, что ты был в силах заработать, - пробормотала она.

Сердце его забилось. Она была еще красивее, в этих шортах и блузке с лямочками вокруг шеи, облегавших ее стройное тело. На Миккае была просто набедренная повязка и скрещенные на плечах пояса для ножей, сумки и фляги. Их медная кожа с радостью впитывала в себя жаркие лучи солнца, было приятно снова почувствовать на себе тепло. Ивар тоже решил снять одеяние для пустыни: блузон, брюки, солнцезащитный козырек.

Плато, известное под названием "Дриар оф

Айрокленд" (Мрак Железной Земли) было позади них. Не будет больше трудных переходов по каменистым

полям вокруг расщелин, где ничто не двигалось, кроме них и ветра, в пустыне не было жизни. Не будет больше жажды, когда воду надо беречь, пока не приготовят пишу, а утварь приходилось чистить песком; не будет больше холодных ночей, когда надо ставить палатки, чтобы животные остались живы.

Как всегда, переход напрягал нервы до предела. Ивар оценил мудрость короля, который наложил запрет на огнестрельное оружие. Без этого пара драк с ножами могла бы закончиться фатально. Но все-таки кочевникам нужно снять внутреннее напряжение, им необходимо было что-то, способное расшевелить иссушенные пустыней души. Эта первая успешная охота на восточном склоне Феррикских гор должна была здорово помочь.

И, хотя местность здесь была мрачная, худшее было уже позади. Вэйбрейский Поезд направлялся в долину Флоны, чтобы выйти, наконец, к самой реке, его прохладным зеленым берегам и веселым маленьким городкам, приютившимся на ласковых берегах к югу от Нова Рома. Хотя охотники смеялись слишком много и слишком

пронзительно, когда разделывали скального быка, у Ивара и мысли не возникло, что было бы ниже достоинства Первенца присоединиться к ним.

Более того, с ним была Фраина, они работали вместе… Знакомство их не было глубоким, для этого нужно время и усилия. Кроме того, несмотря на то, что она танцевала не слишком скромные танцы, она была застенчивой для тинеранской девушки. Но в остальном, его пребывание среди кочевников было сплошным удовольствием. "Я надеюсь, у меня есть честь, чтобы не соблазнить ее и не оставить потом плачущей, когда наконец, я уйду. (Я начинаю понимать, почему, несмотря на трудности, уходить отсюда будет очень тяжело). И Таня, конечно, нельзя забывать Таню.

А пока, позвольте мне наслаждаться близостью Фраины, пока можно. Она такая живая. Здесь все живое. Я никогда не знал, что могу чувствовать жизнь так полно и свободно, пока не стал кочевником".

Он сосредоточил внимание на своем занятии. Тяжелый острый нож проходил сквозь шкуру, мышцы, хрящи, даже через тонкие кости намного быстрее и легче, чем тонкие лезвия его товарищей. Ивар раздумывал, почему они не переймут

модель северян, или, по крайней мере, добавят ее к своему набору инструментов. Но потом, следя, как хитро они работают, он решил, что его нож не подходит к их стилю.

Закончив разделку, мясо загрузили на статасов, и втроем они ушли отдохнуть у ручья, который привлек их добычу. Ручей образовал восхитительную прохладную чашу в изгибе скалы, в тени утеса. Перистая трава кланялась белым цветом над мшистым хомабрионом; копьеносцы отсвечивали ярким серебром. Поток прохладной воды журчал по камням, пока его не поглощала пустыня. Люди досыта напились, затем с удовольствием прислонились к утесу. Фраина села между мужчинами.

- О-хо-хо, - вздохнул Миккая. - Нет необходимости спешить. До Поезда буквально десять шагов, если мы поедем наперехват. Давайте расслабимся перед обедом.

- Хорошая мысль, - сказал Ивар. Они с Фраиной обменялись улыбками.

Миккая потянулся через нее. Б руке у него были три скрученных бумажки, в которых были завернуты коричневые листья.

- Закуришь? - предложил он.

- Что? - спросил Ивар. - Я думал, что вы, тине-

ранцы, не употребляете табак.

- О-о, это марван. - Увидев удивленный взгляд, Миккая объяснил. - Никогда не слыхал о нем? Видимо, ваши люди не используют его. Это растение. Его сушат и курят. Имеет эффект, похожий на алкоголь. Я бы сказал, даже лучше, хотя признаю, его вкус оставляет желать лучшего. Неплохо бы еще и прекрасного виски в придачу.

- Наркотик? - Ивар был потрясен.

- Ну, не так жестоко, Рольф. Только когда поджимает необходимость, когда ты вдали от Поезда, например, на охоте или в разведке. - Миккая скорчил гримасу. - Эти дикари слишком бесчеловечны. Когда у тебя масса друзей вокруг, ты защищен. Но когда остаешься один, нужно снять напряжение, от того, что одинок и смертен.

Никогда раньше Ивар не слышал, чтобы он признавался в слабости. Обычно Миккая был жизнерадостным. А когда в пустыне его настроение накалялось, он не хватался за сталь, а прибегал к помощи острого языка. Казалось, ему было легче, чем большинству его товарищей и не было нужды доказывать свою силу. Теперь же... "Ну, я признаю, что готов посочувствовать. Вся окружающая природа угнетает - даль и тишина. Нескончаемое моменто мори[Помни о смерти,

лат. Прим. ред.]. Никогда не думал об этом раньше, там дома, но сейчас да. Если бы со мной не было Фраины, я мог бы соблазниться и испробовать этот наркотик".

- Нет, спасибо, - сказал Ивар.

Микkая пожал плечами. На обратном пути рука его задержалась над девушкой. Она сделала отрицающий жест. Он поднял брови, то ли от удивления, то ли от сарказма, пока она не нахмурилась слегка и покачала головой. Микkая усмехнулся, убрал оставшиеся сигареты, вставил одну в зубы и щелкнул зажигалкой. Ивар не обратил внимания эту немую сцену, и не придал ей значения, только порадовался, что и в этом тоже Фраина выдерживала свою невинность. В этот момент Ивар с наслаждением вдыхал дразнящие запахи сидящей рядом девушки и его больше ничего не интересовало. Как восхитительно пахнут ее здоровые, свежие нагретые солнцем волосы!

Микkая затянулся, подержал дым в легких и очень медленно выдохнул, закрыв глаза.

- Хорошо, - сказал он. - Теперь я снова в состоянии думать. В основном, как обойтись с этим мясом. Несомненно, сегодня вечером женщины сделают из него тушенку. Я настою на том, чтобы остальное мясо выстояли в нужном маринаде.

Если нужно, докажу это королю. Уверен, что он поддержит меня. У него может быть кислая физиономия, у нашего Самло, все короли такие, но он чувствительный человек.

- Конечно, он ведет себя не как обычный тинеранец, - сказал Ивар.

- Короли всегда ведут себя не так, поэтому они и нужны. Не могу отрицать, мы легкомысленный народ. Я даже хвастаюсь этим. Однако это значит, что у нас должен быть кто-то, кто будет призывать нас к осторожности и смотреть вперед.

- Я знаю о специальной подготовке, которую проходят короли. Должна быть настоящая дисциплина, чтобы продержаться всю жизнь в вашем обществе.

Фраина захихикала. Миккая затянулся еще раз, лягнул ногами и замычал.

- Что такого я сказал? - спросил Ивар. Девушка опустила глаза. Он мог поклясться, что видел, как она покраснела, хотя по цвету ее лица это трудно определить.

- Пожалуйста, Миккая, не будь непочтительным, - сказала она.

- Ладно, не больше, чем следует, - согласился ее сводный брат. - Все же, Рольф должен был бы знать истинное положение вещей. Это не секрет,

просто, мы об этом не говорим. Чтобы не лишать слишком рано молодежь иллюзий. - Он сверкнул глазами в сторону Ивара. - Только главам масонской ложи, в которую входят короли, положено знать, что происходит в храмах, и святых пещерах и кабинах, где проводятся Ярмарки. Но королевские жены принимают в этом участие, а девушки передают детали своим подружкам. Ты думаешь, что мы, простые тинеранцы, проводим веселые вечера. Мы не знаем что такое веселье!

- Но это наша религия, - заверила Фраина Ивара. - Не эти божки и джусы и ежедневные забавы. Это, чтобы почтить силы жизни.

Микkая хохотнул.

- Ага, официально это ритуалы плодородия. Ну, я читал что-то по антропологии, разговаривал с разными людьми, иногда даже размышлял над этим время от времени, когда нечего делать. Я думаю, что этот культ развился потому, что король часто вынужден участвовать в нескончаемых оргиях, раз уж он должен оставаться достаточно здравомыслящим, чтобы быть нашим вождем.

Ивар уставился перед собой наполовину смущенный, а наполовину сбитый с толку. Благоразумием тинеранцы никогда не отличались, хотя оно бы им сильно пригодилось. Зачем идти на по-

воду у эмоций и впадать в крайности? Но может в нем говорят его собственные предрассудки? Разве он не становился все более и более похожим на них, смакуя каждую минуту бурной жизни?

Фраина положила ладошку на его руку. Ее дыхание коснулось его щеки.

- Миккая пошутил, - сказала она. - Я полагаю, то что делает король как свято, так и не свято одновременно. Свято, потому что мы должны повысить рождаемость - слишком много умирает детей - а законы природы неумолимы. А несвято потому, что он берет на себя слишком много... От имени всего клана он выпускает на волю наши инстинкты, иначе они разрушат наше общество.

"Я не в состоянии до конца разобраться в своих чувствах, - думал Ивар, а внутри его что-то трепетало, - она вдумчивая, умная, серьезная и такая милая и желанная".

- Да, надо дать указание Дулси подготовить детское представление, - сказал Миккая. - Хотя "мокрая сцена" - не слишком большое удовольствие, насколько я знаю.

По старому обычаю тинеранцев, когда детей отнимают от груди, их переводят в специальный фургон.

- С другой стороны, - добавил он. - Я и сам могу

рассказывать разные ужасы, особенно когда вижу, что у слушателей не пустые карманы…

Неожиданно набежала какая-то тень и все трое вскочили на ноги.

Большой темный силуэт на мгновение затмил собой яркое солнце. В жарких лучах заискрились золотисто-бронзовые перья и громадные крылья со свистом рассекли воздух. Фраина вскрикнула. Микkая поднял копье.

- Не надо! - крикнул Ивар. - Я-лава! Это иттрианин!

- О-о да-а, - протяжно ответил Микkая и опустил копье, хотя держал его наготове. Фраина схватила Ивара за руку и спряталась у него за спиной.

Существо приземлилось. Ивар встречал иттрианцев раньше, в Университете и в других местах. Но внезапное появление чужака здесь, вдали от цивилизации… это уже слишком!

Приземлившись, иттрианин сложил свои необъятные крылья и крепко встал на длинные когтистые ноги. В наземном положении существо не производило сильного впечатления. Примерно сто тридцать сантиметров роста и вес килограмм двадцать пять. Несмотря на крылья, существо не было птицей в нормальном понимании этого слова. Оно располагало двумя руками

с когтями вместо пальцев и несколькими клыками, торчащими изо рта - атрибутами наземных хищников. Больше всего оно напоминало сказочного грифона из старинных земных книг. На разумность существа указывал своеобразный передник, весь обшитый карманами, петельками и лямочками, которые в свою очередь несли разнообразное снаряжение, включая нож и пистолет. Несомненно, иттрианин знал, что его ждет в этой неприветливой местности!

Микkая затянулся, расслабился.

- Хэй-я, путник, - произнес он формальное приветствие, - добро пожаловать к нам в Мир Воды, где нет врагов. Меня зовут Микkая из "Красной крыши", а это моя сестра Фраина из "Юбилея", из поезда Вэйбрейк, и наш спутник Рольф Маринер, варситир.

Англик, на котором последовал ответ, был совершенно свободным, так что нельзя было с уверенностью сказать, насколько акцент и шипящие призвуки были следствием особенностей строения речевых органов иттрианина, или просто несовершенством инопланетного диалекта, который учил говорящий.

- Благодарности, приветствия и попутных ветров, желанных для вас. Я хайт Эраннат из чоса

Штормовых ветров на Авалоне. Позвольте мне утолить жажду, и мы можем поговорить, если вы пожелаете.

Насколько иттрианин был грациозен в воздухе, настолько неуклюж он был на земле, ковыляя к воде. Когда он наклонился над ручьем, Ивар заметил похожие на жабра предплечья, по три с каждой стороны тела. Сейчас они были закрыты, но в полете мышцы задействовали жабры в качестве кузнечных мехов, нагнетая Дополнительный кислород в кровоток, чтобы увеличить подъемную силу, необходимую для большого веса иттрианина.

- Он великолепен, - прошептала Фраина Ивару. - Как ты назвал его?

- Иттрианин, - ответил Первенец. - Ты хочешь сказать, что не знаешь о них?

- Думаю, что смутно слышала, но я ведь непросвещенная кочевница, Рольф. Ты мне расскажешь потом о них поподробнее?

"Ха! Почему бы нет?"

Микkая остался в тени, наслаждаясь прохладой.

- Не мог бы я узнать, что привело вас сюда, незнакомец?

- Обстоятельства, - ответил Эраннат. У его наро-

да краткость считалась основной добродетелью. Большая часть общения между ними заключалась в нюансах, раскрываемых игрой чудесно контролируемых перьев.

Микkая засмеялся.

- Другими словами, я мог бы и не спрашивать, все равно ответа я не получил. Не хотели бы вы поболтать немного в таком случае? Эй, Фраина, Рольф идите к нам.

Они подошли. Взгляд Эранната заскользил по Первенцу.

- Я до сих пор не замечал, чтобы ваш народ жил таким образом, - сказал он.

- Я... захотел перемен... - неуверенно заявил Ивар.

- Он не сказал почему, и вам тоже нет до этого дела, - отрубил Микkая. - Но, послушайте, Эраннат, ваше замечание говорит о том, что вы довольно долго наблюдаете за нашей планетой и получили много разнообразной информации, чему бы я очень удивился, принимая во внимание вашу расу.

По шевелившимся перьям прошло движение, которое многое сказало бы соплеменнику Эранната, но не имело ни какого смысла для его собеседников.

- Да, - сказал после короткой паузы иттрианин. - Я интересуюсь этой планетой. Являясь жителем Авалона, я, естественно, знаком с людьми, но довольно особого сорта. Находясь на Аэнеасе, я пользуюсь возможностью познакомиться, хотя и поверхностно, еще с несколькими.

- У-у-у, - Микkая сел, скрестив ноги, покуривая, беззаботно поглядывая в небо, в промежутках между затяжками. - Однако сомневаюсь, чтобы о вас слышали в Нова Рома. Оккупационные власти поставили на всех воздушных линиях жесточайшие заслоны, и на внутренних, и на внешних. Хотите показать мне официальное разрешение на полеты здесь?.. Б настоящее время стражи порядка с Земли полны служебного рвения, и вряд ли дадут представителю чужой расы доступ к приграничному миру. Я только фантазирую, но все идет к тому, что вы сидите здесь на мели. Предположим вы прибыли во время бунта, когда это было легко сделать без ведома оккупационных властей, и теперь тянете время, пока не представится возможность попасть домой.

Пальцы Ивара вцепились в ложе ружья. Но Эраннат сидел невозмутимо.

- Фантазируйте, сколько захотите, - сухо сказал он, - если вы мне дадите такое же право.

И снова глаза его обратились на Первенца.

- Ну, наша территория не подходит близко к Нова Рома, - продолжал Микkая. - Мы бы сказали вам добро пожаловать, если вы хотите проехать с нами, как вы уже, вероятно, делали в двух или трех других Поездах. Ваши песни и истории были бы необычным развлечением. И... может быть, когда мы дойдем до зеленого пояса и начнем давать представление, мы могли бы включить вас в один акт.

Фраина даже задохнулась от такой наглости. Ивар улыбнулся, глядя на нее.

- Да, - прошептал он, - не обкурись Микkая этой травки, едва ли он стал бы испытывать нервы гостя таким предложением.

Волосы Фраины коснулись лица Ивара. Она судорожно сжала его руку.

- Примите мою благодарность, - сказал, Эраннат. - Для меня будет честью погостить у вас, по крайней мере, несколько дней. Дальнейшее мы можем обсудить позже.

Эраннат взмыл над путниками, кружа, паря и великолепно разворачиваясь, а они поскакали назад по склону..

- Что он из себя представляет? - спросила Фраина.

Ветер нес запах горелого старкового дерева. Запах дыма напоминали запах иттрианина, словно когда-то его предки летали слишком близко к своему солнцу.

- Софонт, - сказал коротко Миккая. Затем продолжил:

- Более яркий и жесткий, чем большинство представителей этого типа цивилизаций. Наверно, даже превосходящий человечество. Мы, люди, оказались сильнее просто потому, что превосходили их численностью. Хотя иттриане не особенно стремятся расширять свои владения в космосе.

- Птица? - уточнила Фраина.

- Нет, - ответил Ивар. - Они пернатые, теплокровные, двуполые. Однако, как ты могла заметить, у него нет клюва, а женщины живородящие. Детенышей вскармливают не молоком… я имею в виду у них нет молока; а кровью из жертвы. Их губы специально приспособлены для этого.

- Миккая, ты так смело испытывал терпение нашего гостя, что ты знаешь об их расе? - поинтересовалась Фраина.

- Пусть тебе расскажет Рольф, - предложил Миккая. - Он ученый. К тому же у меня есть пред-

чувствие, что он доставит нам немало хлопот, если и дальше будет оставаться с нами.

Уши Ивара горели. Микkая прав, подумал он. Но Фраина с таким нетерпением ждала продолжения рассказа, что Ивар с радостью продолжил.

- Планета Иттри похожа на Аэнеас, только в отличие от Аэнеаса у Иттри более холодное солнце, - сказал он. - Она находится на расстоянии около сотни световых лет отсюда, приблизительно в сторону Бета Центавра.

- Это Глаз Ангела, - вставил Микkая.

"Разве тинеранцы не используют наши названия созвездий? - задумался Ивар. - Ну и что, мы тоже не пользуемся названиями землян; наше небо другое".

- После того как люди пошли на контакт, иттрианцы быстро освоили современную технику, - продолжал он. - Б общем, у них своеобразный вариант цивилизации, конечно, если можно назвать их культуру цивилизацией - у них никогда не было городов. Тем не менее, они вступили в космические связи так же, как Техническая культура; и со временем иттрианцы начали торговать и колонизировать другие планеты, но в меньшем масштабе, чем земляне. Когда Лига распалась и последовали Беды, они тоже пострадали. Люди

наконец, установили порядок, основав Земную Империю, иттрианцы - свои Владения. Фактически, это не Империя, Микkая. Свободный союз миров.

И, все же, он вырос. Это же делала и Земная Империя, пока они не встретились и не вступили в схватку. Пару столетий назад они воевали. Иттри проиграл войну и вынужден был отдать большую часть приграничной территории. Но он боролся слишком жестко, чтобы Империя могла даже подумать об аннексии всего Владения.

С тех пор, связи были… ну, скажем так, разнообразные. Несколько волнений, хотя никогда не доходило до настоящей войны, несколько договоров и совместных акций, хотя часто были и надувательства с обеих сторон; много торгуют, обоюдные визиты, как частных лиц, так и организаций. Земля совсем не в восторге от того, как Владения Иттри увеличиваются, и как они укрепляется. Но Мерсейские события доставили Империи слишком много хлопот в этих краях… да, кроме того, заботы о подавлении свободы среди своих поданных.

- Похоже, что этот человек не очень лоялен к своему правительству, - вскользь отметил про себя Микkая.

- Понятно, - сказала Фраина. - Ты объяснил очень понятно... Но он вроде говорил, что, м-м, что он с Авалона?

- Да, - ответил Ивар. - Планета в составе Владения, колонизированная землянами и иттрианцами совместно. Уникальное общество. Имело бы смысл послать авалонианина в разведку на Аэнеас. Он легче нашел бы с нами общий язык, мог бы лучше разобраться в наших проблемах, чем обычные иттрианцы.

Глаза Фраины расширились.

- Он шпион?

- Агент разведывательных служб, если вам так больше нравится. Никаких тайных операций вокруг баз Флота и тому подобной чуши. Сбор самой разнообразной информации, которую он может получить, чтобы изучить положение в Земной Империи. Я действительно не могу придумать ничего другого, чем бы еще он мог заниматься. Они, должно быть, забросили его сюда, когда был ослаблен контроль за космическим движением, из-за войны за независимость. Как говорит Микая, в конце концов, он улетит - полагаю, когда иттрианцы снова соберут консилиум в Нова Рома, чтобы организовать контрабандную высылку за границу.

- А тебя это не беспокоит, Рольф?

- Ас какой стати? Фактически...

Ивар закончил мысль про себя. "Мы не получили помощи от иттриан в нашей борьбе. Я уверен, что Хуго Мак-Кормак пытался, и ему было отказано. Иттриане не хотели бы новой войны с землянами. Но... если бы мы получили тайную помощь - оружие и оборудование, оснащенный межзвездный транспорт, доступные сети коммуникаций - мы могли бы накопить силы для освободительной борьбы, пока... Мы потеряли терпение, потому что были плохо подготовлены. Мак-Кормак поднял знамя восстания во время стихийных выступлений. И он не пытался расколоть Империю, он хотел править ей сам. Что бы от этого выиграл Иттри? Однако если бы нашей целью было отколоть сектор Альфа Круцио, сделать его независимым или дать привести его под опеку Иттри - разве это не заинтересовало бы их? Вероятно, стоило бы даже рискнуть войной, особенно, если мы, в добавок, получим помощь Мерсии". - Он взглянул на Эранната и помечтал о крыльях, которые бы продвинули дело свободы.

Чье-то восклицание вернуло его к действительности. Они въехали на хребет. На дальнем склоне, почти погребенным под скалой, вид-

нелись остатки великих стен и колонн, таких стройных, висящих в

воздухе, что казалось, что они летят. Время не затемнило их перламутрового блеска.

- Реликвия Строителей, - сказал Ивар. - Или вы называете их Старшими?

- Ла-Сарзен, - очень тихо сказала ему Фраина.

- Высокие.

На ее лице, да и на лице Миккая, лежал священный страх.

- Мы сошли с нашего обычного маршрута, - выдохнул он. - Я уже забыл, что они где-то тут жили.

Миккая с сестрой спрыгнули с седел, преклонили колени и запели, подняв руки. Затем они поднялись, перекрестились и сплюнули: в этой прожженной стране это было знаком жертвоприношения. Потом они отъехали от руин, сделали большой крюк и помахали Ивару, перед тем как скрыться за следующим подъемом.

Эраннат не снизился, чтобы посмотреть на ритуал. Имея такой обзор, ему не надо было этого делать. Он прошел медленными кругами, как небесное знамение.

Проехав километр, Ивар осмелился спросить:

- Это… там позади… часть вашей религии? Мне

бы не хотелось быть профаном.

Микkая кивнул:

- Полагаю, что ты мог бы называть это место священным. Кем бы ни были Высокие, они так близки к богам, что почти нет разницы.

"Это не выходит у меня из головы, - думал Ивар, продолжая молчать. - К чему приведет это универсальное верование?"

- Должно быть, они оставили в своих постройках часть своего духа, - поспешно сказала Фраина.

- Нам нужна их помощь. И, когда они вернутся, они узнают, что мы продолжаем верить им.

- Вернутся? - Ивар не смог удержаться от вопроса.

- Да, - сказал Микkая. - Вполне вероятно, Рольф, еще при нашей жизни. Разве ты не слышал? Далеко на юге, где обитают мертвые, восстал пророк, чтобы подготовить путь...

Он вздрогнул, хотя было тепло.

- Я сам не знаю, правда ли это, - закончил он. - Но мы можем надеяться, не так ли? Давайте, подстегнем этих ленивых животных и вернемся к Поезду.

Глава 9

Пришла почта с Земли. Чандербан Десаи устроился с пачкой сигарет и самоваром чая, показывая тем самым, что он будет есть завтрак, обед и полночную закуску вне офиса. Это не означало, что его штат или оборудование были неэффективными. Ему не обязательно было лично просматривать две трети того, что было адресовано в его офис. Но он действительно нес полную ответственность за планету, на которой жили 400 миллионов человеческих существ.

Лорд Советник Петрофф из Полицейского управления предлагал перетряхнуть все организационные структуры по всей оккупационной зоне, и проверить отчеты и доклады всех комиссионеров. Лорд Советник Чардон пересылал стопку жалоб от Губернатора Сектора Муратори, касающихся недостатка рвения в реконструкции Вергилианской системы, и просил объяснений. Разведка Флота хотела начать различные операции, которые помогли бы выяснить, насколько активны мерсейские агенты в регионе Альфа Круцио. БуЭк требовал свежего обзора о ми-

неральных ресурсах на засушливых планетах каждой системы в секторе, и исследований о возможностях их использования в качестве способа индустриального возрождения. БуСи хотел получить дополнительную поддержку для исследований на Дидо, добавляя, что это должно было помочь победе над Аэнеасом. БуПси хотел, чтобы Дидо эвакуировали, опасаясь, что его облачный покров и обширные пустынные районы сделали его потенциально слишком полезным для партизан. Трон хотел немедленной исчерпывающей информации о местной обстановке на случай, если Его Величество совершит предполагаемое турне по бывшим мятежным мирам…

Ночь затуманила прозрачные стены, и холодная крошечная Креуза поднялась над затемненным городом, когда то, что так ждал Десаи, наконец, мелькнуло на экране. Сонливость моментально слетела с Десаи и он закашлялся от волнения. "Мне бы следовало предусмотреть, чтобы этот селектор перепрограммировали!" Пальцы его тряслись так сильно, что он едва смог вставить новую сигарету в мундштук и сделать вдох, чтобы прикурить. Он никогда не замечал, что бы язык, небо, горло и легкие так немели от курева.

"...никакой планеты под названием, прозвищем или переводом, как "Жан-Батист", нет ни в одном известном языке или диалекте Империи, и ни в одном секторе внешнего космоса, информацию, откуда мы получаем. Святой Джон, Хагиос Иоанн и континент Сан-Хуан на Ново Мехико назывались в честь соавтора основного христианского канона, личности, отличной от фигурирующей в запросе, и по-французски звучат как Жан-Батист, на английском языке Джон Баптист...

Происхождение личности, которая назвала себя Айчарайчем (по заметке 3 на транскрипции записи голоса) была опознана, из измерений на голографических приложенных материалах (параграф 2) с вероятностью, достаточно высокой, хотя не подающейся качественному определению из-за нехватки данных.

Когда не было получено соответствующей корреляции с любым видом, имеющимся в архиве Ксенологического Регистра Империи, был сделан запрос в Разведку Флота. Этим агентством было сообщено, что в результате сканирования специального банка данных, можно предположить, что Айчарайч с планеты, подчиненной Ройдгунату Мерсеи. Было добавлено, что его следует считать

их агентом, предположительно отправленным с миссией, враждебной интересам Его Величества.

К несчастью, очень мало известно о планете его происхождения. Полный отчет прилагается, но вся основная информация изложена в приведенном ниже резюме.

Согласно нескольким случайным упоминаниям, сделанным в присутствии Имперского персонала и впоследствии сообщенным ими, эту планету называют Череионом (т. замечания 3). Записано, что ее называли по-разному: "холодная, вызывающая гадливость", "карлик-мумия", и "молчаливая древняя", хотя есть некоторые моменты положительно характеризующие искусство и архитектуру. Эти заметки были сделаны в разговоре мерсейцев (или, в одном случае, не мерсейцем из Ройдгуната) которыми планета краткосрочно посещалась в ходе путешествий в другие места. Из этого можно сделать вывод, что Череион - это терростероид на грани субтерростероида с низкой средней температурой, с достаточно малой или старой, претерпевшей значительные потери атмосферой и гидросферой. В общем, его можно считать похожим на описание Аэнеаса в архиве. Не было найдено ничего, что относилось бы к возможному солнцу, его

нахождению или спектральной классификации. Следует подчеркнуть, что Череион не исследован, о нем редко говорят, и о нем никогда не слышали обычные мерсейцы.

Некоторые замечания были несколько иного свойства и показывали на отсутствие такой планеты. Опознание субъекта Айчарайча, представителя этой расы, было произведено по фотографиям, сделанным микрокамерами на двух официальных церемониях, одна на приеме в посольстве Земли на Мерсее и вторая, более свежая, сделана на переговорах в Джиханнате. В обеих случаях субъект присутствует в составе большой смешанной группы, в выступлениях участия не принимает, записаны только краткие реплики, такие, как перечисленные выше. Но следует указать, что если череионит присутствовал на церемониях такой значимости (а предположительно и на других приемах, о которых нет под рукой данных), тогда его следует рассматривать полезным Ройдгунату.

В качестве дополнительного фрагмента здесь прилагается совершенно анекдотичный материал. Разведка Флота, получив запрос из Управления, стала проводить опрос среди своих сотрудников, которые оказались доступны. В

ответ на него, было сделано следующее заявление младшим офицером Фландри, которое здесь изложено:

Фландри был с временным поручением на Талвике, так как до этого имел отношение к событиям, приведшим к совместному Земно-Мерсейскому исследованию на этой планете (т. примечания 27), и его специальные знания могли существенно помочь в сборе полезных военных данных. Находясь там, Фландри подружился с молодым мерсейским офицером. Суть в том, что он водил последнего на различные увеселительные вечеринки; и любым способом старался развязать мерсейцу язык. Однажды Фландри, заметив представителя вида, неизвестного ему по мерсейской группе, спросил, какого рода софонтом тот может быть. Офицер, к этому времени захмелевший, произнес название планеты - Череион. Затем что-то промямлил о расе неправдоподобной древности, обладающей способностями, которые правительство держит в тайне: раса, которая, кажется, когда-то обладала высокой культурой и которая, как офицер подозревает, может сейчас вынашивать планы, в которых его собственный народ является простым средством. Фландри думает, что офицер мог бы сказать намного больше,

но внезапно присутствующие высокопоставленные мерсейцы закончили прием и ушли со всем своим персоналом. Фландри продолжил бы это дело дальше, но никогда больше не видел своего информатора или того череионита. Он записал эту историю, как часть сообщения, но Комиссия Региональных Данных не оценила ее, посчитав не более чем слухом, и, таким образом, не направила в центр банка данных.

Данные эти представлены здесь только с точки зрения полноты. Рекомендуется предпринять максимум возможных усилий для задержания существа под именем Айчарайч, в то же время возможное присутствие одного иностранного оперативника не должно оказывать влияния на другие программы, которым по

праву отданы высшие приоритеты. Если таковые усилия будут успешны, субъект должен быть задержан, а ХКНИ уведомлен..."

Десаи уставился в темноту. "Но в архиве Ллинтавра есть упоминание О Жане-Батисте, - думал он.

- Довольно просто за мерсейские деньги вставить фальшивые данные... вероятно, в хаосе гражданской войны... Улдвир, зеленый дьявол, что у тебя на уме против моей планеты?

В долине Флоны всегда была более мягкая земля, чем на окраине Илиона. Катясь по дорогам к великой реке. Поезд Вэйбрейка больше не нуждался в жесткой дисциплине, которой он подчинялся в пустыне. Веселье возвращалось по мере возвращения утраченной энергии.

Тихой ночью Поезд стал лагерем на пастбище, принадлежащим семье одного йомена, с которым караван заключил соглашение несколько поколений тому назад. Комендантского часа не было, дерева для костра было в изобилии и празднование затянулось надолго. Перед тем как исполнить свой танец, Фраина подошла туда, где сидел Ивар и пробормотала:

- Может, прогуляемся? Я только сменю одежду, - и ускакала в "Юбилей".

Кровь Ивара закипела. Шум пульса в ушах заглушал разговор, к которому он прислушивался, пока наблюдал за сменяющимися выступлениями. Когда же Ивар вновь обрел способность слышать, слова казались ему незначительными и бесцельными, как шум гудящего улья.

- Да, я путешествовал с двумя другими группами кочевников некоторое время, - говорил Эраннат. - Темные Звезды Севера, Нова Рома, возле реки Джулия, и Люди Гурди в районе Форта

Безумия. Различия в обычаях интересны, но, насколько я могу судить, это простые завихрения одного ветра.

Король Самло, сидевший на единственном стуле, пощипывал бороду.

- В таком случае вам следовало бы посетить Магических Отцов, у которых я проходил испытательный срок, - сказал он. - А в Славном, главами фургонов делают женщин. Но они сейчас в Тиберии, за Морским дном Антиноха, поэтому я сам их не знаю.

- Возможно, я встречу их, - ответил Эраннат, .- хотя я уверен, что отношения там строятся на той же основе, что и у вас.

- Смешно, - сказал йомен. - Вы, ксено, не обижайтесь, я не хотел вас оскорбить, у нас были не земляне на корабле во время войны за независимость, вы все чаще появляетесь на нашей планете и стали уже профессиональными путешественниками.

Он пришел на праздник со своими взрослыми сыновьями, чтобы повеселиться. Младшие дети и женщины остались дома. Этот праздник обещал не только веселый отдых; здесь могли разгореться и потасовки. Зачарованный Эраннатом, он присоединился к королю, Падро из "Дорожного

Лорда", вдове Маре из "Странника" и нескольким другим, которые вели беседы, усевшись кружком. Они были людьми постарше, тела их ослабли и лихорадочная атмосфера меньше их трогала.

"Что я здесь делаю? - Раздумывал Ивар. - Какая-то экзальтация. Жду Фраину... Раньше я думал, что не стоит слишком влезать в дела этих людей. Надо быть осторожнее".

Костер светился и потрескивал в кругу фургонов. Трещали дрова, рассыпая желто-красным пламенем искры. Свет костра в призрачном танце выхватывал из тени глаза, зубы, серьги, браслеты, куски аляповатой одежды, бросал блики взад и вперед, словно играл в кости. Вот парень обнял девушку, недолгая игривая борьба, и парень с девушкой уже крадучись уходят на далекий луг. Около огня пары образовали круг и начались танцы с притопыванием под музыку хромого гитариста, горбатого барабанщика и слепого, который пел на протяжном хойсунском диалекте. Пахло дымом и людьми.

Искра осветила оперение Эранната, превратила его глаза в расплавленное золото, а гребень в корону. Его окрашенная небесным акцентом речь зазвучала мягче:

- Часто пришельцы проводят более широкие

исследования, чем живущие на планете, йомен Васильев, они видят больше. Люди имеют склонность принимать себя, как само собой разумеющееся.

- Только не я, - возразил Самло. - Для вас, разве большие различия не затеняют малые, которые имеют для нас значение? У вас есть крылья, у нас нет; у нас есть хорошие ноги, а у вас нет. Разве это делает нас во многом похожими? Как вы можете говорить, что все Поезда являются одним и тем же?

- Я не сказал этого. Король, - ответил Эраннат. - Я сказал, что заметил много общих, уходящих в века, обычаев. Вероятно, вас задело то, что вы называете маленькими различиями, которые имеют значение. Вероятно, они значат для вас больше, чем следует.

Ивар засмеялся и подбросил:

- Вопрос в том, можете ли вы увидеть лес за деревьями или не можете различить деревья в лесу.

Затем возвратилась Фраина и он вскочил на ноги. Она приоделась в платье с блестками, потрепавшееся с годами, но такого же открытого покроя, как и ее сценический костюм. На плече, рядом с иссиня-черными волосами сидел та-

лисман удачи "Юбилея", завернувшийся в свою мантию, только голова, как у чертенка, торчала наружу.

- Идешь? - прошептала она.

- Т-т-ты еще спрашиваешь? - Ивар отвесил королю поклон в северном стиле. - Вы извините меня, сэр?

Самло кивнул. Мрачная улыбка исказила его рот.

Когда Ивар выпрямился, он ощутил на себе напряженный взгляд Эранната. Не нужно было быть иттрианцем, чтобы прочесть ненависть в поднявшихся дыбом перьях и сгорбленной стойке. Ивар проследил за взглядом золотых очей и встретился с красным треугольником глаз талисмана удачи. Животное согнулось, ощетинилось и защебетало.

- Что с тобой, дорогой? - Фраина потянулась, чтобы успокоить любимца.

Ивар вспомнил, как Эраннат отклонял все приглашения зайти в любой фургон и проводил все свое время на улице, даже в самые холодные ночи, когда он должен был медленно махать крыльями во время сна, поддерживая достаточно высокий обмен веществ,

чтобы не замерзнуть до смерти. И, неожиданно

прозрев. Первенец спросил его:

- Разве вам не нравятся талисманы удачи?

- Нет, - сказал иттрианин. Подумав секунду он добавил:

- Я встречал их везде. На Планхе мы называем их Лиаярре. "Вонючками".

Фраина надула губки.

- Ой, фу! Я взяла бедного Таиса, чтобы он глотнул свежего воздуха. Идем, Рольф.

Она взяла Ивара под руку и он забыл, что сам тоже никогда не питал к талисманам теплых чувств.

Эраннат упорно смотрел им вслед, пока троица не скрылась из вида.

За кольцом фургонов широко простирался луг, под небесами красиво светился серебристо-серым светом упругий ковер рассвет-травы. Вокруг стояли деревья, хитрые сплетения сосны, массивных деревьев с ветвями-молотами, куполов дельфи. Обе луны заливали их ветви белым светом, а те из теней, что отбрасывала Креуза, шевелились, когда полудиск спешил на восток. Звезды светили фиолетовыми пучками на фоне бездонной черноты. Млечный путь был подобен ледопаду.

Музыка стихала позади, пока они не остались одни в окружающей тишине. Ивар молчал, удо-

влетворенный чудом, что существовала Фраина и они были наедине.

Наконец, она сказала тихо, глядя перед собой:

- Рольф, там должны быть Высокие. Эта большая радость не может происходить просто так.

- Высокие? Или Бог? Нелогичное заключение, моя дорогая. Для нас это прекрасно, потому что определенные обезьяны адаптировались к такой же погоде, давным-давно на Земле. Хотя мы можем чувствовать тонкое очарование в пустыне, можем ли мы чувствовать окружающий мир так же, как Эраннат?.. Но разве это не означает, что Создатель сотворил разные виды красоты? Уныло не верить ни во что, кроме случая.

- Не обращай внимания на философию, - продолжал Ивар и добавил отчаянно: - Я зря трачу время, которое я мог бы провести рядом с тобой.

Фраина обняла его рукой за талию. Ивар почувствовал себя в огне. Я влюблен, гулко отдавалось в голове. Ничего подобного не было раньше. Таня…

Она вздохнула.

- Ах. А сколько ты будешь со мной?

- Всегда!

- Нет. ТЫ не можешь оставаться в Поезде. Такого, никогда не было.

- Почему этого не может быть теперь?

- Потому что вы оседлые… постой, Рольф, извини, ты слишком хороший для этого слова. Ты - шагающий… вы, люди которые имеют свои постоянные дома, вы… нет, вы не слабые… но в вас нет нашей жестокости. Я боюсь за тебя, - прошептала Фраина.

- Что? За меня? - Гордость поднялась волной гнева, хотя он понимал где-то глубоко в мозгу, что это глупо. - Но послушай, я же выжил и прошел через пустыню, так же, как любой мужчина, не так ли? Я больше и сильнее, чем любой другой, может быть я не так вынослив, не так быстр, но в любом случае, если бы мы столкнулись с засухой, голодом, бурей, с чем угодно, я бы остался жив!

Она теснее прижалась к нему.

- И ты такой умный, Рольф, ты знаешь столько историй из книг… да, и еще у тебя такие способности, которых у нас всегда не хватает. И, все же, ты должен уйти. Может быть, потому что ты слишком хорош для нас. Что мы могли бы тебе дать, на всю оставшуюся жизнь?

Тебя! - это ответило его сердце. И свободу быть самим собой… Брось все свои чертовские обязанности, Ивар Фридериксон, ты никого не просил рожать тебя для их выполнения. Перестань ду-

мать о том, что огни над твоей головой являются политическими пунктами, а пусть они снова станут звездами.

- Я... я не думаю, что когда-нибудь устану от путешествий, если со мной будешь ты, - выпалил он. - И... уф... ну, я могу нести свой груз, может быть даже дать Поезду что-то действительно ценное...

- Пока тебя не убьют или не зарежут, Рольф, дорогой, ты такой невинный. Ты до глубины души веришь в то, что большинство людей честные и не бывают жестокими без причины. Это не так. Только

не в Поезде, не здесь. Как ты можешь все изменить внутри, Рольф?

- Ты не могла бы мне помочь?

- Ох, если бы могла! - Скользящий лунный свет выхватил блеск ее слез.

Внезапно Фраина тряхнула головой и сказала:

- Ну, если я не могу многого, то я могу заслонить тебя от первого и самого худшего испытания, Рольф!

- Что ты имеешь в виду? - К этому времени Ивар уже привык к резким изменениям настроения у кочевников, он, в основном, понимал значение взглядов и прикосновений. Они все еще гуляли. Талисман удачи сидел на плече у Фраины,

завернутый в свою мантию и практически невидимый.

- У тебя с собой крупная сумма денег, не так ли?

Он кивнул. Действительно, у него были деньги в купюрах - имперские кредиты, а также в аэнеанские ливры, большую часть которых ему дал сержант Астафф, когда Ивар уходил из Винохума. ("Снял свои сбережения, Первенец. Не беспокойся. Будешь жив, отдашь, а если не выживешь, какое значение будет иметь мой счет?" Каким далеким и нереальным все это казалось.) У тинеранцев не было особой приверженности к уединению. (Я уже научился принимать это как должное. Уединение существует в моем мозгу. Какое это имеет значение, если Дулси иногда шарит в моих карманах, если она, Микkая и я часто одеваемся и раздеваемся в их фургоне, если они временами занимаются любовью под моей койкой?) Таким образом, всем было известно, что Рольф Маринер хорошо обеспечен. Никто не воровал у приятеля в Поезде. Вину было бы невозможно скрыть, а она означала ссылку. После карманных краж награбленное возвращалось. Ивар отклонял предложения играть на деньги, поскольку это считалось законным способом обчистить компа-

ньона вчистую.

- Скоро мы придем к реке, - сказала Фраина. - мы будем двигаться вдоль нее из города в город, до тех пор, пока тянется наша территория. На каждой остановке карнавал. Ну, ты был на тинеранских проказах, ты говорил мне. Дело в том, что в такое

время кочевники склонны к воровству. Это своеобразный протест против законов, ограничивающих свободу личности. Мы не хотим причинять вреда оседлым, но мы охотимся за всем, что плохо лежит. Во время, подобное этому, кто-то может забыть, что ты не простой оседлый. А такие вещи слишком часто случаются среди моих соплеменников.

"Зачем? - пронеслось в голове Ивара. - Конечно, у этого общества другой образ мыслей и другие понятия о том, что составляет собственность. И все же, разве не следует кочевникам быть дисциплинированнее чем обычно, когда они находятся среди чужих? Более сплоченными и скоординированными? Но нет, я помню визиты Поезда Бранебанд в Винохум - кочевники возбуждались до такой степени, что начинали бесчинствовать как между собой, так и с землевладельцами".

Ивар забыл про вопрос. Они остановились

возле залитой серебром вершины дельфи. Мерцали звезды, сияли луны, а Фраина держала его за руки.

- Позволь мне хранить твои деньги для тебя, Рольф, - предложила она. - Я знаю, как спрятать их. Потом...

- Будет ли это потом?!

- Должно быть, - Фраина заплакала и подошла к нему. Ивар с легкостью расстался бы со всеми богатствами мира - ради нее. Скоро они вошли в залитый лунным светом грот под дельфи. Талисман удачи остался ждать у грота.

Тот, кто был Яаном Сапожником, пока Карунф не вернулся после шести миллионов вращений мира вокруг солнца, посмотрел с башни на многообразие, заполняющее рыночную площадь. Из-за Моря Оркуса люди собирались сюда ради Радмаса. В этом году на горе Кронос их было больше, чем когда-либо помнит история. Они знали, что пришел Посланник и будет читать наставления.

Толпа образовала голубоватую дымку тени над тем местом, где он стоял: лицо, голова, бурнус, шлем выделялись из тумана, который все еще стоял между окружающими домами и арочными сводами. Вергилий только что поднялся над водами, и арена скрывала его из виду, поэтому

частицы перламутра только начинали пробуждаться в великих руинах. Некоторые звезды еще виднелись на небе. Холодный утренний воздух резал легкие. Дыхание вырывалось призрачным облачком пара. На шум водопадов легла бесконечная тишина.

- Начинаем, - сказал Карунф.

Их тело подняло руки. Их усиленный эхом, голос бросал слова в тишину.

- Люди, я несу вам суровые испытания.

Вы ждете освобождения, сначала от тисков тирана, затем и, прежде всего, от оков смерти - от природы человека. Вы ждете превосходства.

Взгляните вверх, туда, на эти звезды. Помните, что они есть. Не номера в каталоге, не шары горящего газа, но сама реальность, равно, как реален я. Мы не вечны; они тоже не вечны; но они ближе к вечности, чем мы. Свет самой далекой звезды, которую мы видим, пересек вечность, чтобы прийти к нам. И этот свет объединяет нас с теми, кто ушел до нас.

Они вернутся. Я, в котором живет ум Карунфа, клянусь в этом, если мы хотим сделать наш мир достойным, чтобы принять их.

И все же, это не может быть сделано ни быстро, ни легко. Дорога перед нами трудна и усеяна

острыми шипами. Кровь отметит следы, которые мы оставим, а за спинами нашими будут белеть черепа тех, кто падут на этом пути. Подобно тому, кто говорил на Матери Земле после Карунфа, но задолго до Яана, я несу вам не мир, а меч.

Глан 11

Бозевиль был типичным маленьким городком на реке Флоне между Нова Рома и Симмерианскими горами. Группой опрятно спланированных, простых, но весело окрашенных зданий на правом берегу, городок выходил коричневой полосой двухкилометровой ширины на перевозочный терминал, пастбища и лесные массивы. Оросительная система тянулась на Запад через пашни. Б отличие от мрачной, но просторной местности вдоль Илианского Шельфа, эта местность была достаточно узкой и в то же время довольно богатой, способной прокормить многочисленные фермерские общины. Кроме сельского хозяйства Бозевиль развивал индустрию услуг и мелкое производство. Основная часть его торговли с внешним миром шла через речной народ. Монумент на площади с памятной надписью увековечивал его защитников в Дни Бед. С тех пор городок ничто сильно не беспокоило, включая восстание и оккупационные силы, которых Бозевиль никогда не видел.

Было ли так и ныне? Ивар задумывался об этом

все чаще и чаще.

Он сопровождал Эранната в город, пока тинеранцы готовились к представлению. Опасность быть узнанным была бесконечно малой, если только земляне не повесили объявлений с его портретом. Ивар был уверен, что они этого не сделали. Если, конечно, судить по тем передачам, которые он видел, когда король Самло приказал вынести и настроить единственный в Поезде приемник. Все было спокойно, хотя даже к кочевникам проявляли интерес - вилдфосское дело было тихо замято, почти до точки замалчивания. Очевидно, Комиссионер Десаи не хотел подстегивать повторение подобных событий или делать героя из Первенца Илиона.

Во всяком случае, если кто и смог бы опознать его, донести о нем ближайшему гарнизону было в высшей степени затруднительно.

Эраннат хотел исследовать этот образец народной культуры. Ему показалось полезным иметь компаньоном одного из представителей коренного населения, хотя и из другой местности. Так как от Ивара было мало пользы в подготовке к представлениям, ему предложили пойти с иттрианином. Казалось, что иттрианин вполне достойный, интересный и, в своей молчаливой

манере, приятный тип. Кроме того, Ивар с удивлением обнаружил, что после безумного пыла карнавала, он немного соскучился по дому, по оседлой жизни.

Или так ему казалось. Позже, когда Ивар бродил по тротуару между домами, он начал чувствовать, что его давит постоянное спокойствие. Как редко эти люди смеются действительно громко! Как тускло они одеты! И где мужская удаль и женское очарование? Ивар размышлял о том, как у этих оседлых возникло желание иметь таких скучных детей, которых он видел. Почему, чтобы повеселиться, им нужно влить в себя приличную дозу зелья.

Они сидели в таверне у реки, с деревянными панелями, с грубыми стропилами, темной и прокуренной. Окна выходили на док. Корабль, разгрузившись здесь и забрав партию товаров для дальнейшего следования вниз по реке, готовился к отплытию.

Ивар заказал пива себе и иттрианину. Не то, чтобы пиво было плохим, но Ивар проглотил его залпом. Эраннат потихоньку потягивал.

- Разве ваша команда не хотела бы остаться на наш карнавал? - спросил Ивар.

Угрюмый бородатый человек, один из несколь-

ких, кого привлек к их столу экзотический вид Эранната, пустил облако дыма перед тем, как ответить.

- Нет, не припомню, чтобы речной народ ходил когда-нибудь на такие вещи. Поговаривают, что эти, м-м-м, тинеранцы - люди от которых нужно держаться подальше. Хотя может быть, и стоит посмотреть.

- А что? - с вызовом сказал Ивар. - Они что, не люди, или не интересно посмотреть на танцы Фраины или искусство с мечами Миккая...

- У них вечно беспорядки. Я заметил, сынок, ты сказал "наш карнавал". Остерегись. Попытка быть тем, для чего ты не рожден, приносит только печаль.

- О своей жизни я как-нибудь побеспокоюсь сам, с вашего разрешения.

Моряк пожал плечами:

- Извини.

- Если кочевники являются такой беспокойной толпой, - спросил Эраннат, - почему вы пускаете их на свою территорию?

- Они всегда здесь проходили, - сказал старейший из присутствующих. - Традиция дает им это право. Включая право посмотреть на их жизнь - на представления, дешевые товары, уди-

вительные профессии, и поучиться искусству вымогательства денег у простаков.

- Кроме того, - добавил молодой человек, - они действительно приносят краски, волнения, время от времени чувство опасности. Мы бы здесь жили чересчур тихо, если бы дважды в году не появлялся Вэйбрейк.

Челюсти бородатого тяжело придавили основание трубки, когда он прорычал:

- Скоро нам представится возможность получить сверхдозу опасности, Джим.

Ивар напрягся. Внутренний холодок прошел по спине:

- Что вы хотите этим сказать… могу я спросить? В ответ ему последовала народная пословица:

- Одно из двух?

Но другой посетитель, немного пьяный, громко заявил:

- Слухи только. И, все же, по реке что-то прошло, говорят далеко на юге есть тот, кто обещает, что Старшие возвратятся и освободят нас от Империи. Конечно, слухи могут выдавать желаемое за действительное. Но, черт возьми, как бы там не было, а это звучит правильно. Аэнеас действительно особенный. Раньше я никогда не обращал внимание на Дидо, однако, с недавних пор я стал

все больше и больше думать обо всем, что наши философы узнали там. Я ходил под утренней звездой и попытался приблизиться к Исключительности, и вы знаете, мне помогло. Неужели мы позволим Импи снова сломить нас и сделать их подданными, когда мы можем быть на следующей стадии эволюции? Бородатый нахмурился.

- Это языческие рассуждения. Боб. Что до меня, то я буду придерживаться веры в Бога.

И обратился к Ивару:

- Да свершится воля Божья. Я никогда не думал, что Империя слишком плоха, и сейчас не думаю. Но сейчас она морально прогнила, и может быть мы являемся избранным Богом орудием, чтобы дать ей очистительный шок. - Немного подумав, добавил:

- Если это правда, то нам нужна Мощная помощь со стороны. Может быть. Он готовит для нас и это тоже.

Все взоры обратились на Эранната.

- Я простой житель долины и ничего не знаю, - закончил говоривший, - кроме того, что волнения увеличиваются, и надежда на освобождение растет.

Затем старик поспешно сменил тему разговора.

Ночь уже опускалась на землю, когда Первенец и иттрианин возвращались в лагерь. После того как они покинули город, зимний холод придал скорости их ногам. До этого воздух был мягкий, влажный, полный запахов земли. Гравий скрипел под ногами людей, идущих тем же путем. Голос оборвался, когда говоривший заметил представителя другой расы, но правила хорошего тона не позволяли ввязываться в серьезный разговор. Впереди, над фургонами, расположившимися среди палаток, на шестах светились лампы. Звуки музыки становились громче.

- То, что я пытаюсь понять, - сказал Эраннат,

- так это неприятие Аэнеасом Империи. Мой народ отчаянно сопротивлялся бы такому подавлению. Но по человеческим меркам в целом все выходит вполне пристойным - чуть больше налогов и подчинение суверенитета во внешних, а не во внутренних делах. Взамен, вы получаете протекцию, торговлю, многочисленные внепланетные контакты. Правильно?

- На первый взгляд, - ответил Ивар. В голове шумело от выпитого пива. - Но затем они посадили на нас это ничтожество Снелунда. И с тех пор слишком многие из нас гибнут на войне, а Импи говорят нам, чтобы мы изменили путь предков.

- Неужели правление последнего губернатора было действительно настолько гнетущим, по крайней мере, в том, что касается Аэнеаса? Кроме того, вы не пытались оценить нынешнюю ситуацию в том свете, что Империя признала допущенную ошибку, и сейчас ее исправляет? Правда, это стоит жизней и денег, чтобы ускорить исправление. Но ваш народ показал такую смертельную гордость, что власти стараются не очень сильно вас прижимать. Простое сотрудничество помогло бы вам сохранить практически все ваши институты власти или восстановить их.

- Откуда вы знаете?

Эраннат проигнорировал вопрос.

- Я мог бы понять гнев в начале оккупации, - сказал он, - если впоследствии он остыл, когда Имперский наместник оказался мягок. Вместо этого… У меня сложилось впечатление, что вы - аэнеанцы, восприняли ваше поражение с долей смирения, но с тех пор ваши мятежные эмоции возросли; а не имея, в действительности, надежды на независимость, вы превращаете их в фантазии. Почему?

- Я полагаю, вы пришли в замешательство, а сейчас начинаете приходить в себя. А могли бы эти надежды быть не совсем дикими? - Ивар

пристально посмотрел на существо, которое неуклюже, почти болезненно, ковыляло рядом с ним. Гребень Эранната подскакивал в такт взмахам крыльев, тени на земле приглушали блеск глаз и перьев. - Что вы имеете в виду, говоря мне, что я должен стать мягким Имперским поданным? Вы, иттриане, - из свободного народа охотников, какими себя вы считаете - от нашей Империи однажды уже лишились многих своих владений. Что же вы пытаетесь читать мне проповеди?

- Ничего. Как я уже объяснял ранее, я ксенолог, специализирующийся в антропологии, здесь я собираю данные о вашем народе. Я путешествую неофициально, хайай, нелегально, чтобы избежать ограничений. Было бы неразумно сказать больше хотя бы потому, что вы не посчитали нужным раскрыть свои собственные отношения с властями. Я задаю вопросы для того, чтобы получить .ответы, которые могут помочь мне понять настроения аэнеанцев. Достаточно.

Когда Иттрианин заканчивал на этом слове, он заканчивал дискуссию. Ивар подумал: "Почему бы иттрианину не притвориться, что он безобиден? Б данном случае это поможет, его могут просто депортировать, если Импи удастся его поймать... Вероятно, он шпионит, не больше. Но

если я смогу, убедит его рассказать у себя дома, что мы действительно боролись год за годом за свою свободу, они оказали бы нам какую-нибудь помощь - может быть, они бы могли оказать ее!"

И этот разгоревшийся в нем внутренний огонь надежды перешел в большое сияние, так как они были недалеко от лагеря, недалеко от Фраины.

А затем...

Они вошли в толпу, снующую между увядшей радуги палаток. Пампы над головой спорили с яркостью звезд. Над центром поля вращающийся цилиндр с цветными панелями отбрасывал яркий свет: красный, желтый, зеленый, синий, пурпурный. Свет лихорадочно пульсировал, освещая на тела и лица зевак. Торговец предлагал свой товар, зазывала расхваливал игру судьбы, повар - изделия со специями, чьи запахи наполняли воздух в округе. На помосте танцевали три девушки. Хотя их выступления были бесплатными, предполагалось, что у мелких городских лордов найдутся ливры - монетки которые они сложат у этих прыгающих ножек. Слепые и убогие музыканты выдавали мелодию, которая заставляла слушателей пускаться в пляс. Никакого алкоголя или других наркотиков не было видно, и, все же, трезвый речной люд сме-

шался с тинеранцами в шумном товариществе. Изумленные, как дети, выступлением фокусника или жонглера, оседлые выкрикивали возгласы одобрения, махали руками и веселились. То здесь то там, усевшись на фургоны, смотрели представление талисманы удачи Вэйбрейка.

Внутри Ивара поднялась теплая волна: "Мой народ, моя радость".

И вдруг он увидел Фраину, почти раздетую, устроившуюся возле местного среднего возраста, чье одеяние выдавало в нем богатого фермера. Взгляд его пылал желанием.

Ивар остановился. Внезапно рядом с ним встал Эраннат, пытаясь высвободить крылья.

- Что происходит? - сквозь шум воскликнул Ивар. Он словно почувствовал удар ниже пояса, Ивар знал это ощущение. Сплошь и рядом, как только представлялась возможность, женщины кочевников флиртовали с местными.

Но не Фраина! Мы влюблены!

Она что-то ворковала. Свет выхватил иссиня-черные волосы, красную кожу, манящие большие глаза, зубы между полуоткрытыми губками. От нее струился дух женственности.

- Отпусти мою девушку, - взвизгнул Ивар. Одним броском Ивар сшиб мужчину с ног. Это

разозлило других фермеров, они повскакивали на ноги, но нож в руке Ивара несколько охладил их пыл. Направляемое сильным и умелым воином - это тяжелое лезвие могло запросто перерезать человеку руку в запястье или пройти сквозь ребра до сердца.

Селянин это понял. Огромный человек, привыкший командовать, он держался твердо. Хотя фермер не был вооружен, он встал в низкую стойку, которую помнил со времен военной подготовки.

- Убирайся, пустоголовый, - приказала Фраина.

- Нет, гулящая! - Ивар отбросил ее в сторону, Фраина сразу же вскочила, а он резко повернулся к противнику и тут в долю секунды понял, что ему не следует убивать этого мужлана, что она сама заманила его, но… пустая рука сжалась в кулак, и Ивар нанес удар в зубы. Фермер выдержал удар, разбивший ему лицо, и завопил:

- На помощь! Мирные люди! - Это был сигнал тревоги. В маленьких городках не было регулярной полиции, но добровольцы тренировались и патрулировали вместе, они живо откликались на подобные призывы.

Фраина до крови расцарапала Ивару щеку.

- Что ты творишь? - пронзительно закричала

она. За ее криком последовал клич по-хаисунски.

Фермеры старались держаться вместе. Мужчины Поезда пытались отразить нападение, разбросать их. Раздавались проклятия и крики.

Миккая из "Красной крыши" проскользнул сквозь толпу, направляясь к месту драки. За поясом у него было полно ножей.

- Ил-крозны я, - прокричал он.

Фраина указала на Ивара, который находился в конце фургона.

- Вахабо! - И громко по-англикски: - Убей мне эту собаку! Он ударил меня - твою сестру!

Рука Миккая дернулась. Нож просвистел у уха Ивара, воткнулся в панель и задрожал.

- Стой, где стоишь, - приказал тинеранец. - Брось свой нож. Или я убью тебя.

Ивар отвернулся от врага, который больше не имел для него значения. Горе пронзило его.

- Но ты мой друг, - сказал он.

Фермер ударил Ивара по шее и пнул уже лежачего. Фраина светилась радостью победы, подскочила, чтобы взять парня под локоть, воспевая его мастерство. Миккая метал нож за ножом, образуя из них круг, и прокричал, когда привлек внимание толпы:

- Мир! Мир! Нам не нужен этот чужак. Мы выбрасываем его. Вы хотите взять его в тюрьму? Прекрасно, берите. Давайте продолжим развлечения.

Ивар сел. Он не замечал боли в избитом теле. Фраина и Вэйбрейк были для него потеряны. Он не мог понять почему, как не понял бы, отчего вдруг у молодого мужчины начался сердечный приступ.

Но жизнестойкость воина оставалась. Он увидел приближающиеся ноги, обутые в форменные ботинки и понял, что патруль собирается забрать его. В сознание его мгновенно промелькнуло, что тогда Импи смогут получить сообщение о нем.

Нож его лежал на земле. Ивар схватил его, вскочил на ноги и выпрямился. Из глотки его вырвался боевой клич.

- С дороги! - завопил он и бросился в круг мужчин. Если бы возникла необходимость, он бы прорубил себе дорогу.

Как из пушки выстрелили крылья, сотрясся воздух, раскачивая лампы. Эраннат поднялся в воздух.

Шестиметровый размах крыльев накрыл толпу перьями и шумом. Слабый свет, который пробился сквозь них, отчетливо высветил острые когти.

Хотя Эраннат был не вооружен, люди бросались прочь от устрашающих когтистых лап, уворачивались от наносивших удары крыльев.

- Сюда! - просвистел Эраннат. - Ко мне, Рольф Маринер! Райхарю!

Ивар проскочил в открывшийся проход и побежал дальше за палатки и фургоны, в ночь. Огромная черная тень низко скользила над ним, вдоль Млечного пути.

- Направляйтесь на юг, - прошелестело в темноте. - Держитесь у берега реки.

Иттрианин пролетел мимо, развернулся на второй заход.

- Я полечу в другую сторону, у них на виду, чтобы отвести погоню, скоро отделаюсь от них и присоединюсь к вам.

После третьего захода Эраннат продолжил:

- Затем я полечу на корабль, есть у меня один на примете, попробуем на него попасть. Попутного вам ветра.

Он развернулся и улетел.

Тело Ивара совершало прыжки по полям, а сознание твердило одно: Фраина. Вэйбрейк. Ушли навсегда? Тогда, зачем жить?

Тем не менее, он убегал.

Глава 12

После того как лодка, которой управлял Эраннат, привезла его на борт корабля "Зеленые Борота", Ивар упал на койку и погрузился в беспокойный сон, наполненный кошмарами. И он был рад, когда удар гонга поднял его через несколько часов.

Ивар был один в каюте, предназначенной на четверых, тесной, но опрятной. Палуба из твердого дерева, покрашенная белой краской сверху, перегородки, залакированные в красное и черное - все блестело безукоризненной чистотой. Сквозь окно в бронзовой раме тускло проникал свет, высвечивая туалетный столик и умывальник. Топот ног и голоса весело шумели под музыку духового инструмента. Ему был не знаком этот быстрый музыкальный мотив.

"Полагаю, мне надо пойти и посмотреть, что там", - подумал он, все еще опечаленный тем, что потерял. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы одеться и выйти из кабины.

Вокруг повсюду сновали члены экипажа. Молодой человек заметил его, улыбнулся и сказал:

- Привет вам, добро пожаловать, пассажир, - на певучем речном диалекте англикского.

- Что происходит? - механически спросил Ивар.

- Мы здороваемся с солнцем. Наблюдайте, но, пожалуйста, стойте тихо там, где находитесь.

Ивар повиновался. Предрассветный холодок помог ему окончательно проснуться, и он наблюдал за происходящим вокруг с долей растущего интереса.

На небе все еще было полно звезд, но на востоке стало светлеть. Берега, на расстоянии примерно километра, выглядели низкими синими тенями, а вода блестела, как полированная, за исключением тех мест, где клубился туман. Высоко над головой крылья вулча в полете поймали первый дневной свет. Когда гонг и команда смолкли, наступила полнейшая тишина, которую практически не нарушали слабые звуки моторов.

Судно было более пятидесяти метров длиной и двадцати метров шириной, деревянные борта высокие даже в шкафуте, у тупого носа резко поднимались на два яруса, а у закругленной кормы на три. Две просторные рубки располагались в средней секции, их крыши причудливо изгибались на концах. Впереди и позади рубок полумачты

поддерживали грузовые бимы, а также ветряные мельницы, заряжающие аккумуляторы, которые снабжали судно энергией. Между ветряками возвышалась мачта, на которую можно было устанавливать три квадратных паруса. На самой высокой рее Ивар заметил Эранната. Он должно быть, провел там всю ночь из-за отсутствия рамы, которая могла бы ему заменить кровать. Красно золотой флаг, по размеру больше стандартного, свисал с кормового флагштока. Гигантский образ Ангела Хранителя на носу напоминал об опасностях впереди. В левой руке у Ангела был меч, а в правой цветок лотоса.

На носу стоял старик в халате и шапочке с кисточкой, рядом с ним женщина, одетая так же, но без головного убора. Оркестр играл на флейтах, дудках, барабане и гонге. Команда, стоя на коленях, кроме маленьких детей, которых матери держали на руках, занимала палубу внизу.

И вот с востока поднялся Вергилий. По воде разлилось сияние. Древний старик поднял руки и прокричал короткую молитву, люди вторили ему, музыка резвилась, все развеселились и корабельные дела пошли своим ходом.

Ивар протянул занемевшие руки к теплу, вливающемуся в воздух цвета индиго от встающего

светила, туман рассеялся, и он увидел зеленеющие возделанные земли, стада животных, раннего наездника то ли лошади, то ли на какой-то дорожной технике. По мере увеличения расстояния пейзаж уменьшался, становился игрушечным и вскоре терялся за горизонтом. Вокруг "Зеленых Ворот" засновали другие корабли и кораблики. Приземистый буксир тянул нагруженную баржу, два траулера растягивали сети, а в нескольких лодках пастухи пасли речных свинок, плывущих вдоль специальных подвесок.

Для тех, кто был свободен от вахты, наступило самое время принять водные процедуры и привести себя в порядок. Некоторые пошли вниз, некоторые снимали одежду и ныряли за борт, чтобы поплескаться, пока холодная утренняя вода не заставляла их снова забраться на корабль. Веселье стало более громким. Но веселье моряков не было похоже на тинеранское. Шутки, которые Ивар слышал, на англикском, были скорее мягкими, чем колючими, смех - скорее глубоким кудахтаньем, чем резким взрывом. Кто бы не проходил мимо Ивара, он останавливался, чтобы сделать легкий поклон и сказать: добро пожаловать.

"Они цивилизованы, но не строги; сильны, но

не жестоки; счастливы, без всяких глупостей; проницательны безо всякого мошенничества; уважают знания и закон, полезны для своей работы; но они не дикие красные бродяги".

Конечно, моряки были довольно красивы. В среднем, они были немного выше, чем тинеранцы, но пониже, чем северяне. Приземистые, кожа смуглая, волосы черные, если возраст не посеребрил их. Головы у них были круглые, лица широкие и скуластые, глаза коричневые и слегка раскосые, губы полные, носы почти у всех приплюснутые, но встречались и остроносые. Отпускали бороды только старики; как мужчины, так и женщины носили челки и коротко стригли волосы, чуть ниже ушей. Похожими были и одеяния - синие туники и шаровары. Уже сейчас, до того, как ушел ночной холод, многие ходили босиком, а пловцы, которые купались голыми, демонстрировали любовь к изобразительным татуировкам.

Ивар знал о речном народе больше, чем о кочевниках. Но все же не так уж и много. На борт судна он попал впервые, если не считать одного корабля, который курсировал на север до Нова Рома. Кроме этого, его знания ограничивались случайным чтением и документальными программами,

записанными почти сто лет тому назад.

Тем не менее, речной народ имел связи с основными культурами Аэнеаса в таких сферах, которых не имели тинеранцы. Они обеспечивали не очень срочные перевозки товаров и людей по всей нижней части Флоны - перевозили рыбу, мясо и волокна, добываемые в реке, и отдельные продукты ремесел в обмен на продукты индустриальной культуры и пополнение запасов энергии.

Если они держались особняком на берегу, то это не было проявлением враждебности. Речники были обходительны в деловых операциях, сердечны в отношениях с пассажирами. Это просто был их образ жизни, и он имел мало общего с образом жизни коренных народов. Даже самые консервативные землевладельцы не гнушались поддерживать с ними кровные связи - каждый корабль и обслуживающие его суда были одной большой семьей, строго экзогамной и - не делая вокруг этого лишнего шума - очень моральной. Если же говорить о вере, традициях, законах, обычаях, искусстве, мастерстве, надеждах, страхах, то они были довольно своеобразными.

"Я мечтал о том, чтобы Вэйбрейк принял меня, а он меня выбросил. "Зеленые Борота" - кажется, так название этого корабля? - несомненно, будет

обращаться со мной хорошо, до самого расставания, но я бы никогда не мечтал о том, чтобы они меня приняли.

Мне это не нужно. О, Фраина!" - Сэр…

Девушка, которая застенчиво обратилась к нему, вновь навеяла болезненные воспоминания о танцовщице, вызванные тем, что была на нее совершенно не похожа. Кроме того, она была моложе. Ивар подумал, что ей восемь или девять лет, скромно одетая, так что он не мог с уверенностью сказать, насколько ее легкая фигурка уже сформировалась (Да ему и не было интересно). Черты ее были тоньше, чем у других, и кланялась она ему ниже.

- Добро пожаловать, пассажир, - сказала она тоненьким голоском. - Прошу прощения, не хотите ли позавтракать?

Она предложила Ивару блюдо с овсянкой, зеленью, кусочками мяса, приготовленными вместе, чашку чая, салфетку и столовые принадлежности - такие, к которым он привык. Ивар вдруг увидел, что члены команды выстроились у входа на камбуз. Должно быть их собрал сигнал, который он, погруженный во мрак своей души, не заметил. Большинство моряков расположилось дружескими группами на палубе, чтобы пообщаться

и поесть.

- Что вы, что вы, спасибо, - сказал Ивар. Он не был голоден, но полагал, что мог бы взять пищу в каюту. Пахла она остро.

- У нас один обеденный салон внизу, там стол и скамейки, если хотите, - сказала ему девушка.

- Нет!

Мысль о том, чтобы оказаться без надобности в помещении, после небес пустыни, и ночей в долине с Фраиной, вызвала у него тошноту.

- Простите, простите.

Она сделала шаг назад. Ивар понял, что несколько повысил голос.

- Простите, - сказал он. - Я в плохом настроении. Я совсем не сержусь. Позавтракать прямо здесь будет прекрасно.

Она улыбнулась, поставила свою ношу на доски и присела на корточки. Ивар сел рядом, прислонившись к фальшборту.

- Меня зовут Ив… Рольф Маринер.

- А я Джао, четвертая дочь капитана Рихо Меа. Меня послали, чтобы я побеспокоилась о вашем комфорте. Чем еще я могу быть полезна для вас, сэр Маринер?

Девочка положила головку на сплетенные кончики пальцев и с ожиданием смотрела на него.

- Я… ну, я не знаю.

"Кто может помочь мне когда-либо снова?"

- Может быть я побуду с вами немного, а попозже покажу вам наш корабль? Тогда вы что-нибудь придумаете?

Ее чистота и опрятность напомнила Ивару о глубоко въевшейся в него грязи, кислом запахе пота, косматых волосах и небритом подбородке.

- Я… я хотел бы помыться перед завтраком.

- Сначала ешьте, а после я отведу вас в ванну и принесу все что понадобится в вашу каюту. Вы наш единственный гость в этой поездке. - Ее взгляд метнулся вверх и просиял. - Ай, красивый летун со звезд. Как я могла забыть? Вы можете его позвать, пока я принесу ему пишу?

- Знаете, он ест только мясо. Или нет, я полагаю, вам не следует беспокоиться. Во всяком случае, могу побиться об заклад, он уже поймал себе завтрак. Он видит нас и спустится вниз, когда захочет.

- Как скажете, сэр. Можно мне поесть с вами, или вы предпочитаете побыть один?

- Как хотите, - проворчал Ивар. - Боюсь, что сегодня утром я плохой собеседник.

- Может вам следует еще поспать? Моя мама-капитан не будет против. Но она сказала, что

сегодня днем, в любое время, должна поговорить с вами и вашим другом наедине.

Пассажиры выбирали себе помещение сами, если на борту были свободные места. Другое дело - команда, все жили вместе. Дети воспитывались совместно с рождения... Родственные узы между ними и их родителями были сильны, намного сильнее, чем среди тинеранцев, хотя их общей семьей был корабль в целом. Женатым парам отводились кубрики, достаточные для сна и нескольких личных вещей. Несколько звуконепроницаемых кают предназначались для учебы, медитации или подобных целей. Помимо этого не существовало физического уединения ни для кого, за исключением капеллана и капитана.

У капитана было две каюты у мостика. Большая, служила жилой комнатой, офисом и всем остальным, что представлялось необходимым.

Муж капитана приветствовал посетителей у двери, затем вежливо попросил прощения и удалился. Он был у нее третьим, рассказала Джао Ивару. Она родилась на "Небесном Мире". Когда Меа была совсем молоденькой девушкой, ее, по существующим обычаям, выдали замуж за человека со "Знамени Красной Птицы". Он утонул, когда перевернулась его лодка. Флона несла

много опасностей. Меа успешно использовала свое наследство в торговле, умножая богатство, пока на празднике флота второй офицер с "Зеленых Ворот" не встретил ее и не убедил переехать к нему. Он был вдовцом, значительно старше Меа; это был брак по расчету. Но таковыми были большинство браков в Куанг Шине. Их брак был удачным, эффективно сочетающий их таланты и кредитные счета, и случайно появилась на свет младшая сестра Джао. В конце концов, у него отказала мозговая артерия, и вместо того, чтобы влачить бесполезное существование, он попросил Легкую Чашу. Вскоре после этого умер капитан, и офицеры избрали Рихо Меа его преемницей. Недавно она пригласила Халеку Уана с "Желтого Дракона", чтобы он женился на ней. Он был приблизительно возраста Ивара.

Джао должно быть прочитала на лице Ивара отвращение, так как тихо сказала:

- Они счастливы вместе. Уан простой плотник, и она не может поднять его выше, а он не может унаследовать после нее ничего, кроме лунга - порции наследства совместных детей; а Меа уже не может рожать, и Уан знал об этом.

Ивар тогда подумал, что Джао защищает мать и сводного отца. Но шли дни, и Ивар пришел к

убеждению, что Джао говорила правду. У речных людей свои собственные понятия об индивидуальности.

Начиная с того, что означает богатство? Тот, кто не был удовлетворен своей постоянной зарплатой, а имел личные сделки с Ти Шином, Береговым Народом, не мог получить для себя особых привилегий - на корабле просто не было лишнего места. Можно было сделать вклад в плавающую общину и это приносило выгоды престижа, но любой другой член команды мог получить то же самое за выдающуюся службу, или за необычное мастерство, или за талант.

Престиж могло принести продвижение по службе. Во всем остальном шансов для самоутверждения не было. Никто не мог по своей прихоти возвыситься над другими, и власти за этим строго следили, согласно их миролюбивым законам, переходящим из века в век.

В общем, Ивар знал не так уж и мало о Речном Народе, "Зеленых Воротах" и их капитане, когда впервые вступил в каюту капитана Рихо.

Солнечные лучи мягко шарили по главной комнате, проникая через окна правого борта. Они высветили на полке какой-то кристалл, осветили плоскую резьбу с изображением деревьев и

каллиграфии над ней. Каюта была обставлена так, чтобы в ней чувствовался простор. В одном углу, изогнутым экраном, стоял письменный стол; необходимые приборы и оборудование связи. В другом углу стоял хорошо заполненный книжный шкаф. Ближе к середине тростникового коврика, который покрывал палубу, стояли обитая мягким материалом круглая скамеечка, низкий столик в центре и пара откидывающихся боковых сидений для удобства посетителей.

Капитан вышла вперед. Ивар начал изменять свое мнение о ней и ее муже. Рихо была среднего роста, полная и с чрезвычайно легкой походкой. Годы едва коснулись ее курносого лица с кожей цвета темной слоновой кости, за исключением морщинок вокруг глаз и рассыпанной седины в волосах. Рот расплылся в широкой улыбке. Одето на ней была обычная синяя туника и брюки, сандалии на босую ногу; татуировка вспышки огня на руке, которая виднелась из рукава, когда она подавала руку. Ладонь была теплая и мозолистая.

- Ахао, добро пожаловать, пассажир. - Голос ее был с хрипотцой. - Не окажете ли мне честь, заняв место и приняв прохладительное?

Она указала им на скамейку, а из внутренней

комнаты вынесла поднос с чаем, кексом и дольками сырого ичтиоида. Корабль накренился от боковой волны - видимо проходили мимо острова, и Рихо, чуть не уронив ношу, крепко выругалась. Поймав вопросительный взгляд Эранната, она перевела ругательство. Ивар был слегка потрясен. Он думал, что только солдаты умеют так ругаться.

Рихо сбросила сандалии, села, скрестив ноги, напротив гостей и открыла коробку сигар, стоявшую на столе.

- Хотите? - предложила она. Они оба отказались. - Не против, если я закурю?

Ивар был не против. Эранат промолчал, хотя дрожь прошла по его перьям. Капитан Рихо засунула толстый черный цилиндр в зубы и прикурила от огня. Дым потянулся вверх.

- Надеюсь, вам удобно? - спросила она. - Сэр… Эранат… если вы дадите мужу описание кровати для вас…

- Спасибо, позднее, - прервал Эранат. - Приступим к делу?

- Прекрасно. Меня всегда учили, что иттрианцы попусту не тратят слов. Я впервые имею удовольствие встретиться с представителем вашей расы. Пожалуйста, извините мою кажущуюся грубость

- вы находитесь в чужой стране, а мы здесь любопытны. Я бы не стала вмешиваться, но должна знать определенные вещи, например, куда вы направляетесь?

- Мы пока и сами точно не знаем. Как далеко вы идете?

- Прямо до Линна, в эту поездку. Близится Солстис, наш Сезон Возвращения.

- К счастью для нас, если при мне окажется достаточно наличных, чтобы оплатить такую длинную поездку за двоих. - Эраннат коснулся своего передника с карманами.

"У меня нет ничего, - подумал Ивар. - Фраина обчистила меня начисто, конечно, зная, что я должен покинуть Поезд. Только зачем она так скоро избавилась от меня?" - Он не обращал внимания на заключение сделки.

- ...хорошо, - закончил Эраннат. - Если понадобится, мы поедем до конца рейса. Мы можем сойти и раньше.

Рихо Меа нахмурилась, закрывшись едкой синей завесой дыма.

- А почему бы это могло произойти? - потребовала она. - Вы понимаете, сэры, у меня один ко-

рабль, о котором я должна беспокоиться, а вре-

мена сейчас слишком даже интересные.

- Разве я не объяснил вчера достаточно полно, когда я попал на борт? Я ученый, изучающий вашу планету. Случилось так, что я присоединился к группе кочевников вскоре после того, как туда пришел Рольф Маринер - по причинам, о которых у него есть право не распространяться. Как часто случалось и раньше, на карнавале произошла драка. Драка могла привести к смерти Рольфа от рук кочевников или к его аресту бозевильцами. Я помог ему убежать.

- Да, примерно так вы и сказали, почти слово в слово.

- Я не имею намерения оскорбить вас, повторяя свой рассказ. Капитан. Разве люди не предпочитают избегать словесных излишеств?

- Вы немного ушли в сторону, сэр Эраннат, - сказала она с оттенком холодности. - Вы действительно недостаточно полно объяснили причины столь поспешного бегства. Мы могли принять вас на борт в силу крайней необходимости, так как, может быть, это действительно спасло ваши жизни. Однако, сегодня нет такой спешки. Пожалуйста, угощайтесь оба - я хочу показать своим гостеприимством наши добрые намерения. Я не в чем вас не обвиняю, но вы умны и понимаете, что

я должна быть уверена в том, что мы не укрываем преступников. Дела эти очень чреваты, когда касаются оккупационных властей.

Она положила сигару в пепельницу, отломила кусочек кекса и отпила глоток чая. Ивар пошевелился, чтобы последовать ее примеру. Эраннат положил когти на кусок мяса и оторвал от него немного.

- Хорошо, - сказала женщина. - Не расскажете ли вы о себе, сэр Маринер?

Ивар провел почти весь день один, растянувшись на койке. Он не очень-то думал о том, что с ним произошло, и голова его не очень хорошо работала. Но, поскольку отмолчаться было невозможно, он пересказал свою историю, как собака, перемалывающая свою кость. Она выглядела так:

- Я не виноват ни в чем, Капитан, за исключением чувства омерзения, а я думаю, что это ненаказуемо, если импи не сделали его нелегальным с тех пор, как я уехал. Вы знаете, что кроме запрещения свободы слова, они снесли памятник Мак-Кормаку в Нова Рома. Мои родители… они, ну, не простили Империю, но продолжали говорить о компромиссе и о том, что мы, аэнеанцы, могли быть отчасти не правы, а я не мог стерпеть

этого. Я ушел в пустынную местность, чтобы побыть одному - обычная история - и встретил там тинеранский Поезд. Почему бы не присоединиться к ним на время? - решил я. Это было бы для меня сменой обстановки, а у меня были способности, которые были им полезны. Вчера ночью, как мой друг рассказал вам, произошла бессмысленная драка. Я думаю сейчас, что ее спровоцировали тинеранцы, которых я считал... своими друзьями, с тем, чтобы присвоить себе деньги и ценное ру... ценную вещь, которые я оставил у них.

- Фактически, - сказал Эраннат, - он виноват в нападении на жителя Бозевиля. Хотя он не причинил ему вреда. Скорее он сам пострадал. Я сомневаюсь в том, что была отправлена какая-нибудь жалоба. Такие инциденты часто случаются на подобных праздниках, и все об этом знают. - Он помолчал: - Бы не знаете, почему это случается. Я знаю.

Встряхнувшись от своей апатии, Ивар посмотрел на иттрианина почти так же резко, как Рихо Меа. Их взгляды по очереди встретились. Аэнеанцы первыми опустили глаза, а иттрианин, подумав немного, спокойно заговорил:

- Вероятно, я должен сохранить свое откры-

тие для Секретных служб Владений. Однако это частично касается вас, аэнеанцев, так как вы посчитали бы это ударом в спину.

Капитан пожевала сигару перед тем, как ответить:

- Вы хотите сказать, что расскажете мне, если я позволю вам остаться на борту.

Эраннат даже не стал затруднять себя ответам.

- А почем я знаю... - Рихо запнулась. - Прошу извинить меня. Я хочу знать, какие свидетельства у вас есть в доказательство того, что бы вы там не собирались сказать.

- Никаких, - признал он. - Если вам дать намек, вы, люди, сможете подтвердить утверждение.

- Продолжайте.

- Если я скажу, вы повезете нас и не будете задавать никаких вопросов?

- Я буду судить по вашей истории. Эраннат изучал ее. Наконец, он сказал.

- Очень хорошо что в вас заговорила ваша смертельная гордость. - У него все еще учащенно билось сердце. - Дух тинеранской жизни определяет то существо, которое называют "удачей", и держат, по крайней мере, по одному в каждом фургоне. Мы называем его вонючкой.

- Ого, - прервал его Ивар, - откуда вы узнали?..

- Иттрианцы обнаружили этих трехглазых зверей на ряде планет. - Эраннат не скрывал в своем голосе желания убить, его перья встали дыбом.

- Но не у нас дома. Бог не устроил нам такой изощренной ловушки. Но на нескольких мирах, таких как этот, который мы, естественно, исследуем более тщательно, чем это обычно делает ваша раса - вонючки всегда ассоциируются с остатками ранней цивилизации, какие имеет и Аэнеас. Мы подозреваем, что они были распространены той цивилизацией то ли преднамеренно, то ли случайно, а может быть по собственному замыслу этих тварей. Некоторые из нас высказывают гипотезу о том, что трехглазые черти вызвали причину падения этой самой древней цивилизации.

- Подождите минуту, - запротестовал Ивар. - Но почему же мы, люди, никогда не слышали о них?

- Вы слышали, во всяком случае, на этой планете, - ответил Эраннат. - Вероятно и еще где-нибудь, изредка и случайно, заметки об этом хранятся в ваших архивах, потому что вы интересуетесь более крупными и более влажными планетами. А с нашей стороны, мы не имели особых причин вам рассказывать. Мы узнали, что вонючки появились на наших звездах раньше, до того как мы

впервые встретились с землянами. Мы нашли средство их уничтожить. Они давно уже перестали быть проблемой во Владениях, и, несомненно, мало кто из иттриан в наши дни даже что-либо о них слышали.

Слишком много информации, слишком большая вселенная, пронеслось в голове Ивара.

- Кроме того, - продолжил Эраннат, - кажется, люди более восприимчивы к воздействию вонючек, чем иттриане. У нас по разному организован мозг, и вонючки с вашей нервной системой резонируют лучше.

- Резонируют? - недовольно заметила капитан.

- Нервная система вонючки имеет хорошо развитые телепатические свойства, - сказал Эраннат. - Не мыслей. Мы в действительности не знаем, какой у них уровень мыслительной деятельности. Но нам это и не нужно, в той степени, как это могло оказаться полезно для ученых. Когда мы установили у них эту способность, нашим преобладающим желанием было просто их уничтожить.

- Что же они тогда делают? - спросил Ивар, чувствуя легкую тошноту.

- Они нарушают само внутреннее я. Фактически, они получают эмоции и возвращают их

назад, действуя как усилители. - На Эранната было страшно смотреть. Его сухие фразы резко вылетали и навевали глубокую тревогу. - Вероятно, тот разум, который вы называете Строителями, мог иметь более холодный темперамент, чем у вас или у нас. Или, вероятно, они деградировали от их воздействия, и умерли.

Я сказал, что резонанс с нами у этих тварей слабый. Тем не менее, мы нашли исследователей и колонистов, которые вели себя безобразно. Начиналось это с того, что у них появлялись плохие сны, потом приходило ужасное настроение с мыслями об убийствах, склонность к круглогодичной овуляции, к… Достаточно. Мы проследили причину и уничтожили ее.

Оказывается вы, люди, более уязвимы. Вам еще повезло, что вонючки предпочитают пустыни. Иначе, все аэнеанцы могли бы стать наркоманами.

Да, это наркомания. Они не понимают этого сами, они думают, что держат этих любимцев, просто следуя обычаю, но тинеранцы являются нацией наркоманов. Каждая эмоция, которую они испытывают, возвращается к ним усиленной, излученной и вновь уси-

пенной, до тех пределов, которые может вы-

держать организм. Вас не удивляет, что они поступают, как врожденные психопаты? Что они не прикасаются к наркотикам в своих караванах, но требуют наркотиков, когда находятся вне каравана, они не могут выжить, когда оторваны от Поезда надолго?

К этому они, должно быть, приспособились. Должен был произойти естественный отбор. Многие мыслят изобретательно, как та женщина, которая лишила вас собственности, Рольф Маринер. Не удивлюсь, если подобные ей рождаются на свет под воздействием яда. Вы должны поблагодарить ее за то, что она сделала так, что вас просто выбросили оттуда!

Ивар закрыл лицо руками.

- О, Боже, нет.

- Мне нужно чистое небо и возможность поохотиться, - проскрипел Эраннат. - Я вернусь завтра.

Он ушел. Ивар плакал на груди у Рихо Меа. Она обняла его, гладила волосы и бормотала:

- Вам будет лучше, бедняжка, мы постараемся помочь. Река течет, течет, течет... Здесь мир.

В конце концов, она оставила его лежащим на койке мужа, измученного от слез и готового уснуть. Сквозь окна пробивался золотисто-красный свет. Она переоделась в халат и пошла на

переднюю палубу, чтобы присоединиться к капеллану и команде в пожелании солнцу доброй ночи.

Глава 13

Южнее Холодных Земель местность становилась круче и каменистей, а вершины Киммерианского хребта высились на горизонте как привидения. Там река текла слишком быстро для пастухов. Но перед этим она расширялась и заполняла долину, фактически превращаясь в озеро, которое называли "Зеленая чаша". Отсюда корабли отправлялись дальше на юг, оставляя своих животных на попечение нескольких членов экипажа, чтобы откормить их на водных растениях и моллюсках.

Приближаясь к этому месту, Ивар направлял свое каноэ так неуклюже, что вызвал дружелюбный смех своих молодых попутчиков. Они молниеносно носились по поверхности или, прыгнув в воду, вели своих длиннотелых перепончатоногих оделов, которые служили им вместо собак пастухов, а Ивар кувыркался еще более неуклюже, чем жирный с плавником и длинным носом чухо - водяные свинки, - которых они пасли.

Ивар ничего не имел против. Никто не может

быть хорош во всем, а он совершенствовался с заслуживающей уважения скоростью.

Волны поблескивали под фиолетовым небом, журчали, бурлили, как живые, сливаясь с его мышцами, помогая вести каноэ вперед. Сейчас его реальностью, его средой было все это, а не горы, крутые утесы с их чахлой растительностью и холодным сухим воздухом. Здесь воздух был теплым и влажным. А впереди возвышались, как ярко окрашенный замок, "Зеленые Ворота". Вдалеке двигалось такое же судно, траулеры и баржи уже ожидали у Холодных Земель. Рядом, на воде, плескались чухо. Время от времени одел выполнял команду мальчика или девочки и спешил вернуть назад подопечного. Выпас на Флоне был идеальным поручением, о котором Ивар мог мечтать. Напряжение и настороженность держали человека в форме, тем не менее, позволяя ему войти в тот мир красоты и величавости, которым была река.

Конечно, он был простым зрителем, приглашенным сюда потому, что этим подросткам он нравился. И все равно ему было хорошо.

Джао плыла на своем каноэ рядом с ним.

- Хорошо идет, - сказала она. - У тебя хорошо получается, Рольф.

Она покраснела, опустила глаза и робко добавила:

- Я думаю, что не смогла бы так хорошо освоиться в вашей пустыне. Но иногда я бы хотела попытаться.

- Когда-нибудь… я бы хотел взять тебя с собой, - ответил Ивар.

На дежурствах летом все обычно ходили голыми, чтобы в любое время быть готовыми прыгнуть в воду и плыть. У Ивара была для этого слишком нежная кожа, на нем была легкая блуза и брюки, которые сделал для него Эраннат. Он тоже, отвел взгляд. Девушка была слишком молода для тех мыслей, которые она могла бы возбудить… Кроме того, она была не его расы…

"Нет, лучше не обращать на это внимания, главное, что она мила и доверчива и…

О-о, проклятие, я не устыдился, подумав о том, что она женщина. Но думать - не значит делать. К тому же, раз я это понял, значит я контролирую себя, что служит показателем того, насколько я продвинулся вперед в возвращении к своему здравому смыслу!"

Веселость и целеустремленность на борту корабля, маленькие города, где они останавливались, чтобы взять или выгрузить груз и длинные

зеленые дали между остановками; резкая мудрость Эранната, тонкая мудрость Янга Вейи, капеллана; прагматичная мудрость капитана Рихо Меа, дающего ему советы; дружелюбие ее мужа и других людей его возраста; и особенно то, как ее дочь следует за ним повсюду; и река, могучая, как время, дни и ночи, дни и ночи, чувство, подобное долгому пути, подобное предчувствию вечности, все это лечило его.

Фраина в его снах уже больше не танцевала. Ивар мог вызвать в памяти ее образ для проверки, и понимал, что реальность никогда не была такой прекрасной, какой казалась. И возникала жалость к кочевникам, и снова Ивар клялся оказать им помощь, когда будет в состоянии сделать это.

А когда это будет? Как? Он был вне закона. Когда Ивар очнулся от своей боли, он увидел, причем так ясно, как никогда ранее, каким пассивным он был все это время. Эраннат спас его и устроил сюда - почему? Что, кроме отдыха и удовольствия заставляло его идти в конец реки? А когда он достигнет его, куда дальше?

У него даже перехватило дыхание. Пора начинать действовать самому, вместо того, чтобы другие вели тебя и руководили тобой. Во-первых,

нужны союзники.

Крик Джао вернул его к действительности. Она указывала на противоположный берег. Весло ее мелькало. Ивар поспешил вслед. Их спутники увидели тоже это, оставили одного пастуха и устремились за девушкой.

Плывущий объект лежал запутавшись в растениях. Запечатанный деревянный ящик с выпуклой крышкой, длиной примерно метра два. На черной эмблеме он различил золотистые символы Солнца, Пун и Реки.

- Ай-я, ай-я, ай-я, - пропела Джао. Постепенно к ней торжественно присоединились остальные. Не все понимая и не зная первоначального языка Куанг Ших, Ивар сообразил, что происходит что-то важное. Он отодвинулся в сторону.

Пастухи освободили ящик. Пловцы вытолкнули его на середину реки. Оделы по резкой команде отогнали чухо. Ящик поплыл на юг. Должно быть, на

борту "Зеленых Борот" его тоже увидели, потому что на мачте приспустили флаг.

- Что это было? - отважился спросить потом Ивар.

Джао отбросила со лба мокрый локон и с удивлением ответила:

- Разве ты не знал? Это был гроб.

- Да? Я… Подожди, прошу прощения, кажется, я действительно припоминаю…

- Все наши мертвые плывут вниз по реке мимо Юн Коу, минуя - Линн-до Тьен Ху, то что вы называете Морем Оркуса. Наш долг отправлять дальше любой гроб, который мы находим застрявшим.

И со священным страхом добавила:

- Я слышала об одном провидце, который там сейчас ходит. Он призовет Старых Шен со звезд. И тогда наши мертвые восстанут из воды!

* * *

Татьяна Тэйн никогда не предполагала, что ей захочется побыть одной. У нее всегда находился целый ворох дел, которых надо сделать, почитать, посмотреть, послушать, о которых надо просто подумать.

Днем еще не было так плохо. Ее настоящая работа испокон проходила в уединении: исследования, медитация, исследование кусочек за кусочком семантической модели языка, на котором говорят вокруг горы Хомилкар на Дидо. Это даст возможность людям разговаривать с коренными жителями на более информативном

уровне, чем позволяет пиджин. Она постоянно говорила то с компьютером, то по видео с человеком, под чьим руководством работала. Ее руководитель ушел на пенсию в свое поместье в Хераклее и был слишком стар, чтобы интересоваться политикой.

Так как она стала научным сотрудником, студенты относились к ней с уважением. Таким образом, она уединилась на некоторое время - когда страшно скучала по Ивару, была наполнена страхом за него… Но позже Татьяна осознала, что уединение стало входить у нее в привычку.

Она не имела никаких дел с подпольем. И даже не знала, кто из ее коллег по Университету входит в

это подполье. По большому счету, она - особенно после бесед с Комиссионером Десаи - не была уверена, а нужно ли Сопротивление Империи. Нет, она не могла допустить и мысли, что Аэнеас утратит свою независимость, что здесь всем и вся распоряжались Импи. И в то же время, то что говорил Десаи, тоже было разумно. И Ивар… Она любила его. И мысль, что Импи могут поймать его и казнить, если он будет продолжать бороться против них, угнетала ее.

И в один из дней, когда она терзалась в оди-

ночестве своими сомнениями, к ней пришел профессор Стюарт из Университета.

Не совсем понимая цель его визита, Татьяна, тем не менее, не имела причин не впустить его. Она даже предложила ему чаю с бутербродами. Гость от предложения не отказался, но по всему было видно, что пришел он с вполне определенной целью. После того как были выполнены все формальности гостеприимства, Стюарту ничего не оставалось, как перейти к цели своего визита.

- Я, право, не знаю, как и с чего начать, уважаемая коллега, но положение дел таково, что уйти от этого разговора, как бы нам с вами не хотелось, не возможно.

- Почему бы вам тогда, - ответила Татьяна, гадая, с чем же пришел к ней этот человек, известный своими антиимперскими взглядами, - не изложить сразу проблемы, заставившие вас прийти ко мне.

- Поверьте, уважаемая, этот визит - не моя собственная инициатива. Я и мои друзья решили, что нельзя оставлять вас наедине с вашими проблемами. Бее знают, что Ивар Фридериксон вам не безразличен, а за ним сейчас охотятся все ищейки Импи на Аэнеасе. Поддержать вас - наш долг. Тем более, что Ивар Фридериксон, не

просто наследник почтенной университетской семьи. Он еще и Первенец Илиона. А значит будущий первый человек Аэнеаса. Тот, кто может возглавить движение сопротивления Империи. Мы очень надеемся на него. И на вас тоже. И нам бы не хотелось, чтобы вы нас разочаровали. Я имею в виду то, что в последнее время вы стали встречаться с имперским наместником Десаи.

- Но это не я встречаюсь с Комиссионером Десаи, а он настаивает на встречах со мной. И, хотя он постоянно подчеркивает добровольность этих встреч с моей стороны, я не вижу, как бы я могла отказать ему…

- Разве это так сложно - сказать, что вы не желаете его видеть? - задал вопрос профессор Стюарт, закуривая сигарету. - Разве женщина вашего положения обязана встречаться с мужчиной, кем бы он ни был, если он ей неприятен. Десаи слывет достаточно чутким человеком и отказался бы от встреч с вами при малейшем намёке…

- Но Комиссионер ищет встреч не с понравившейся ему женщиной, и даже не с любимой девушкой Ивара Фридериксона (он, во всяком случае, так утверждает), а с ученым Татьяной Тэйн, хорошо знающей культуру Аэнеаса. Он, если верить его словам, просто хочет понять

нас, чтобы не допустить ошибок даже отдаленно напоминающих действия Снелунда.

- Вам не кажется, коллега, что вы уже защищаете его, а стало быть, и Империю. Это опасный путь противопоставления себя своему народу, - со скрытой угрозой в голосе произнес Стюарт.

- Я вовсе не защищаю Империю; тем более Десаи совершенно не типичен для имперского чиновника, какими мы их знали во времена Снелунда. Впрочем, мне не было бы никакого дела до Комиссионера и других Импи, если бы, как вы верно сказали, все их ищейки на Аэнеасе не охотились за Иваром. А благодаря Десаи я знаю, что они не только не поймали его, но и не знают, где его искать. А если верить ему, то Десаи не очень-то и стремится поймать Ивара. Потому что тогда надо будет принимать к нему какое-то решение, а это, по его словам, может вызвать ненужное обострение. Кроме того, в разговорах с Комиссионером я черпаю много другой информации, которая могла бы быть полезной нам, в нашей борьбе с Импи. К сожалению, я не знаю, кому бы я могла все это рассказать. Сама я ни в каких организациях такого рода не состою, и кто в них входит не знаю. Я практически ни с кем не встречаюсь, и ко мне никто не ходит. И то, что вы

сами пришли ко мне, это просто счастье.

- Я не стал бы так интерпретировать мой визит, - возразил гость. - Как я уже сказал, нам важен Ивар Фридериксон. Вот почему я здесь. Хотя… уберечь вас, это тоже важный вопрос.

Семена, посеянные Хугом Мак-Кормаком, дали всходы не только среди землевладельцев, но и в нашей среде. Вы знаете, как у нас относятся к тем, кто пошел на службу в имперский аппарат или ведет активную торговлю с Импи. Ведь вы и сами неодобрительно отзывались о таких и не стремились к общению с ними.

Среди тех, кто готов к активной борьбе за свободу Аэнеаса, как это сделал Фридериксон, существует мнение, что таких надо наказывать. Вплоть до казни, в качестве примера. Но это больше среди землевладельцев и горожан. Наши коллеги в Университете скорее склонны к моральному воздействию.

С другой стороны, когда вы после истории на Вилдфоссе и исчезновения Ивара Фридериксона перестали общаться с друзьями, это все поняли. Но когда вы стали принимать у себя наместника Империи, ваши друзья и коллеги отнеслись к этому с недоумением, если не сказать с подозрением. Поэтому они находили отговорки для себя, чтобы

отложить возобновление тесных связей с вами.

- С другой стороны, - он медленно выпустил струю дыма, - вы, говоря открыто, позволяете, чтобы вас использовали враги. Вы можете думать, что используете слова Десаи, чего бы они там не стоили, в качестве информации. Но тот простой факт, что вы будете принимать его, культурно с ним разговаривать, означает, что вы лишены полного доверия. А это приводит к тому, что вас избегают те, кто его имеет. Перестаньте, вы не знаете, сколько уже таких. Их много. И число их растет изо дня в день.

Он наклонился вперед.

- Когда я анализировал, как обстоят дела, я должен был прийти и увидеть вас, Татьяна. У меня такое чувство, что Десаи уже наполовину убедил вас попытаться вынудить Фридериксона к сдаче, если вы сможете встретиться. Но, вы не должны этого делать. Ну, по крайней мере, держитесь подальше от импи.

И добавил:

- Освободительное движение находится в такой точке, где мы можем начать давать примеры наказания коллаборационистов. Я знаю, что вы сознательно никогда бы не стали такой. Не позволяйте этому негодяю Десаи заманить вас

в ловушку.

- Но, - сказала Татьяна, заикаясь от изумления, - но что вы намерены делать? На что вы можете надеяться? А Ивар - ведь он только молодой человек, который увлекся… беглец, полностью бессильный, если… если, он вообще жив…

- Он жив, - сказал ей Стюарт. - Я не знаю, где и как или что он делает, но он жив. Идет слух и очень широко… слишком широко, чтобы за ним не стояла правда. - Голос его окреп. - Бы тоже слышали. Бы должны были слышать. Знаки, символы, предвидения… Не обращайте внимания на его слабого отца. Ивар - по праву лидер свободного Аэнеаса. Когда Строители вернутся… А они это сделают. А вы являетесь его невестой, которая принесет ему сына, которого Строители сделают больше, чем человеком.

В его глазах светилась неистребимая вера. Но Татьяне почему-то стало страшно.

Глава 14

К югу от Зеленой Чаши горы поднимались еще круче. И, все же, еще некоторое время течение продолжало быть мирным. Ивар хотел бы, чтобы и его кровь текла так же спокойно.

Ища душевного спокойствия, он поднялся на переднюю палубу, чтобы получше осмотреть окрестности. Внезапно он остановился, пораженный красотой открывшейся ему картины.

Сквозь скопление звезд и стремительный бег галактики Креуза спешила мимо Ливинии. Свет поднимался серебром на берег, касаясь гребней и утесов, поглощаемый тенями внизу. Свет шевелился и сверкал на воде, делал призрачными паруса. Воздух отдавал холодом, а тишина нарушалась лишь шелестом воды за кормой.

Далеко-далеко впереди, отделенные для безопасности несколькими километрами, сияли огни трех сопутствующих судов. Этим путем их шло немало, чтобы отпраздновать Сезон Возвращений.

Ивар увидел настороженный взгляд и отсвет перьев Эранната, Рихо Меа, и Янга Вейм в хала-

тах. Капитан и капелла, судя по всему, завершали ритуал. Безмолвно время от времени поднимая руки и склоняя головы, они следили, как луны сближались и снова расходились.

- Ах, - выдохнула Меа. Капеллан поднялся.

- Прошу прощения, - сказал Эраннат. - Если бы я знал, что идет религиозная процедура, я бы не спустился здесь.

- Ничего плохого не произошло, - заверила его Меа. - Скорее, ваш спуск только усилил эффект.

- К тому же, - мягко добавил Янг, - все наши ритуалы не являются религиозными в строгом смысле. Бо всяком случае, в том смысле, как христианство или евреев Ти Шиха, или язычество тинеранцев. Все ведь зависит от того, что понимать под религией. Мы не проповедуем богов. Нам, в принципе, неважно: есть или нет богов, или существует единый Бог - это вопрос скорее философии.

- Тогда, зачем вы молитесь? - спросил Иттрианин.

- Всеобщность, - ответил капеллан. - Единство и гармония с помощью ритуалов и символов. Мы знаем, что наши действия являются только ритуалами и символами. Но они говорят открытому уму то, что не могут сказать слова. Река - это он-

гоингнес, судьба; солнце - жизнь, луны и звезды - сверхчеловек.

- Мы созерцаем эти вещи, - добавила Рихо Меа. - Мы пытаемся слиться с ними, со всем, что есть. - Ее взгляд упал на Ивара. - Ахоа, сэр Маринер, - позвала она. - Идите, присоединяйтесь к нам.

Янг, который сохранял состояние торжественности дольше, чем Рихо Меа, продолжал:

- Наша раса, как и ваша, имеет меньше дара для всего чан - понимания - чем многоголовый народ Утренней звезды. Однако, когда Старые Шен вернутся, человечество обретет то же бессмертное единство и вернет себе силы, которые мы вынуждены сейчас тратить для того, чтобы выдержать одиночество в наших умах.

- Вы тоже? - рявкнул Эраннат. - Неужели все на Аэнеасе ждут этих менторов и спасителей?

- Мы все больше и больше, - сказала Меа. - По Юн Коу идет слово.

Ивар, подошедший в этот момент, был поражен как от удара молнии. До него вдруг дошло: "Это не простые легкомысленные, практичные моряки. Мне следовало бы увидеть это раньше. Тот гроб… и то, что они отправились в это опасное путешествие, чтобы почтить как своих предков, так и потомков… а теперь это… нет, они так же глубоко

верят в конец света и мессию, как всякий йомен с Библией… и бластером.

- Слово об освобождении? - воскликнул он.

- Да, хотя это только начало, - ответила Меа. Янг кивнул.

Вдруг Меа сказала:

- Не хотели бы вы поговорить об этом… Рольф Маринер? Я приготовлю выпивку и сигары в каюте.

Пульс его зачастил.

- Вы тоже, хороший друг и мудрый человек, - услышал он ее предложение Янгу.

- Тогда, я желаю вам спокойной ночи, - сказал Эраннат.

Капеллан поклонился ему:

- Простите нам нашу конфиденциальность.

- Может быть, мы должны пригласить и вас, - сказала Меа. - Послушайте, вы ведь не просто ученый, каким хотите казаться. Вы иттрианский секретный агент, собирающий информацию о ключевой человеческой планете, не так ли? - Когда он промолчал, она засмеялась. - Не обращайте внимания. Дело в том, что у нас и у вас один враг, земная Империя. По крайней мере, Иттри не будут против, если Империя потеряет эту территорию.

- Однако, - пробормотал Янг. - Не уверен, что плотоядная душа может адаптироваться к просвещению, которое принесут Старые Шен.

Лунный свет превратил перья Эранната в серебро, а глаза в ртуть.

- Вы смотрите на свой народ, как на избранный? - сказал он ровным тихим голосом. Когда-нибудь он, должно быть, будет сожалеть о своем импульсе, но он продолжал:

- Ваши интриги меня не касаются. И меня не интересует также и то, считаете ли вы меня наблюдателем, или чем-то больше. Если вы против оккупационных властей, можно предположить, что вы не выдадите меня им. Я хочу продолжить ночную охоту. Да сопутствует вам удача.

Крылья распрямились от реи до реи. Поднялся ветер от стремительного подъема и тотчас затих. Некоторое время силуэт Эранната был виден на небе, а затем затерялся среди звезд.

Меа повела Янга и Нвара в свои комнаты. Бе муж приветствовал их и на этот раз остался с гостями: яркий и решительный молодой человек, в котором явно жила мечта о свободе.

Когда дверь была закрыта, капитан сказала:

- Ахоа, Ивар Фридериксон, Первенец Илиона.

- Откуда вы знаете? - прошептал Ивар. Она

усмехнулась и пошла за сигаретой.

- Догадаться не трудно. И уж конечно, этот Иттрианин тоже подозревает. Зачем еще стал бы он заботиться о человеческом бродяге? Для него люди так чужды… кажутся на одно лицо. К счастью, являясь шпионом, он не мог никуда обратиться, чтобы проверить свою догадку. А что касается меня, я вспомнила некоторые захватывающие выпуски новостей. Я просмотрела общественные файлы Нова Рома, попросила фотографии и… О-о, не бойтесь. Я сама коммерсант, я знаю, как скрывать свои настоящие намерения.

- Бы… вы поможете мне? - спросил Ивар, заикаясь.

Они собрались поближе вокруг Ивара, молодой человек, старик, капитан.

- Вы поможете нам, - сказал Янг. - Бы, Первенец, наш истинный вождь, за которым может следовать каждый аэнеанец - выбросите этих душителей умов, землян, и готовьтесь к Пришествию, которое обещано… Что мы можем сделать для вас, лорд?

* * *

Чандербан Десаи прервал связь и сидел некоторое время уставясь перед собой. Вернулась

выходившая из комнаты жена и спросила, что произошло.

- Питер Еветт умер, - сказал он ей.

- О-о, нет.

Обе семьи очень сдружились в последнее время.

- Убит.

- Что? - Жалость на ее лице уступила место ужасу.

- Сепаратисты, - вздохнул он. - Должно быть так. Не оставлено никаких мелодраматических посланий. Он был убит пулей из ружья, когда уходил из офиса. Но кто еще ненавидел его?

В поисках утешения жена прислонилась к его руке. Десаи пожал ей руку.

- Значит существует настоящее подполье? - спросила она. - Я не верила.

- Я тоже, до сегодняшнего дня. О-о, я получал донесения от внедренных агентов, из подслушивающих устройств… всех обычных средств наблюдения. Что-то назревало, что-то организовывалось. Все же, я не ожидал откровенного террора так скоро… или вообще когда-либо.

- Безнадежность - не лучший стимул для безумных поступков. Какие у них шансы?

Десаи встал со стула. Бок о бок они подошли

к окну. Окно выходило в сад маленького дома, который они арендовали в пригороде. Чужие растения произрастали под чужими звездами и лунами. Лунный свет играл на замерзшем шлеме охранника-моряка.

- Я не знаю, - сказал Десаи. Несмотря на низкую гравитацию, он сутулился, как от тяжелой ноши. - Наверное, у них должны быть какие-то шансы. Те, кто не имеет надежды, восстают; те, кто думают, что увидят конец выдуманного туннеля - становятся нетерпимыми.

- Ты же дал им надежду, дорогой.

- Ну… я приехал сюда, думая, что они воспримут военное поражение и будут работать со мной как здравомыслящие люди, чтобы снова интегрировать их планету в Империю. В конце концов, за исключением эпизода со Снелундом, Аэнеас получил больше выгоды от Империи. В общем то и мы пытались установить меры предосторожности против еще одного Снелунда. Питер согласился. Поэтому они убили его. Кто следующий?

Ее пальцы сжались на его руке.

- Бедная Ольга, бедные дети. Мне следует позвонить ей ночью…

Десаи оставался в плену своих мыслей.

- А еще слухи о посланце… не просто полити-

ческом освободителе, но о пророке… любая раса имеет пророков - вот что движет культурой. И не только здесь. Разными путями все они ждут апокалипсиса.

- Кто проповедует это? Десаи печально усмехнулся.

- Если бы я знал, я бы мог приказать арестовать его. Или, что лучше, попытаться подкупить. Его или **их**. Но мои агенты ничего не слышали, кроме смутных слухов. Никогда не забывай, как нас ужасно мало, как мы заметны в этом мире… Мы определили, что центр слухов приходится на территорию Оркана. Мы исследовали. Мы шли вслепую, но, по крайней мере, собирая любые доказательства о нелегальной деятельности. Местное общество, его верования, всегда были основаны на колоссальных доисторических руинах. Это и служило почвой для выдвижения бесчисленных пророков. Нашему народу всегда надо было делать более срочные дела, чем борьба с языком, этносом некоторых поверженных в бедность жителей на дне мертвого моря. - Голос его стал громче: - Хотя, если бы у меня был для этого персонал, я бы действительно попытался что-то предпринять. Такое ведь уже бывало, чтобы безумный глас из пустыни поверг народы в

сумасшествие.

Телефон снова зазвонил. Десаи выругался, вернулся в комнату и ответил на звонок. Передача шла в шифровом коде, что автоматически отключало громкость, поэтому жена Десаи не слышала, что ему говорят, находясь метрах в двух от него. Экран тоже оставался пустым.

Она увидела, как лицо его вспыхнуло, и услышала, как он закричал, закончив разговор и вскочив со стула:

- Слава Брахме! Мы поймали его и покончили с этим!

Глава 15

"Зеленые ворота" уже почти достигли Пинна, когда появились земляне.

Киммерианские горы образуют южную окраину Илиона. Дальше на юг Флона идет через них до последнего головоломного водопада с континентального кольца; ущелье, пробитое водой за века было крутым и глубоким. Зимой Флона медленно течет между каменными теснинами под покровом льда. Но к середине лета, расширяясь от паводков, она становится стремительной и своенравной, и корабли, осмеливающиеся проходить сквозь взбунтовавшиеся воды, должны иметь опытных штурманов.

Стоя у реи левого борта главной палубы, Ивар и Джао наблюдали за рекой. Вода бурлила и пенилась, налетала на скалы, наполняла воздух нескончаемой канонадой и заставляла судно скакать и дрожать как щепку. В этом месте поток сужался до каких-то 300 метров между нагромождением огромных камней и откосов. Позади громоздились скалы, уходя ввысь километра на два. Скала была мрачного серого цвета и подни-

малась ввысь, оставляя только узкую полоску неба. В окружающих сумерках светились лишь самые яркие звезды. Внизу, в полной тени было здорово холодно. Брызги, падающие как хороший дождь, не добавляли комфорта. Впереди каньон скрывался в тумане. Тем не менее, Ивар заметил еще три корабля, идущих за ними следом, и четыре - навстречу. Это было больше, чем обычно.

Палуба качнулась и девушка схватилась за Ивара.

- Что это было? - прокричал Ивар сквозь шум, и с трудом услышал ответ.

- Думаю, что это водовороты у скал. Но не бойся. Здесь ничего дважды не повторяется.

- У вас бывали кораблекрушения?

- Всего несколько за столетие. Большинство людей спасаются.

- Боже! Бы так рискуете из года в год ради… ритуала?

- Опасность - часть ритуала, Рольф. Мы никогда так не близки с миром, как в это время… Ай-ай!

Его взор последовал за взглядом Джао и сердце бешено забилось. Вниз пикировал, подобно торпеде, большой самолет. На бортах, ощетинившихся оружием, блестел солнечный знак Империи.

- Кто это? - прокричала она.

- Военный флот. За мной. Кто ж еще?

Ивар произнес это не громко, не для нее, а для себя. Освободившись от руки Джао он побежал, оставив ей обиду и недоумение.

Ивар бежал вверх по лестнице на мостик, где надеялся найти Меа. Она уже ждала его с угрюмым лицом и сигарой в зубах.

- Надо спрятать вас внизу, - резко бросила Меа.

Их окружила гудящая от возбуждения команда. Самолет пошел к переднему краю линии судов.

- Чао ю ли! - воскликнула Меа. - У нас, по крайней мере, есть время. Они не знают на каком ты судне.

- Они могут знать его название, - возразил Ивар. - Кто-то выдал меня…

- Эй! А вы куда? - Из кабины появился Эраннат. Меа указала на следующую рубку. - В ту дверь.

Иттрианин остановился, взъерошил перья.

- Идите! - разъярилась Меа. - Или я прикажу застрелить вас!

На мгновение гребень Эранната встал торчком. Затем он повиновался. Они втроем вошли в узкий, качающийся коридор. Меа поклонилась Эраннату.

- Прошу прощения, почтенный пассажир, - сказала она. - У нас нет времени на церемонии. Вы очень добры, что послушались. Пожалуйста, пройдите.

Меа проследовала вперед. Ивар и Эраннат шли за ней. Иттрианин, неуклюже подскакивая на крыльях-ногах, спросил:

- Что случилось?

- Импи, - простонал молодой человек. - Мы должны были убраться с палубы. Если кого-нибудь из нас заметят, все будет кончено. Но я не знаю, как долго мы сможем скрываться.

Глаза Эранната сверкнули золотом.

- О чем вы говорите?

- Я скрываюсь от землян.

- И достойны покровительства капитана? А-а-га...

Меа выключила внешнюю связь, набрала номер, с минуту говорила быстрой скороговоркой. Когда Меа снова повернулась к своим спутникам, она уже немножко расслабилась.

- Я подняла своего радиста, - пояснила она. - Вероятно враг будет запрашивать, который из нас "Зеленые Ворота". Мой человек предупреждает других на нашем языке, который земляне, конечно, не понимают. Мы речники держимся

вместе. Все будут вести себя, как тупые, клясться, что ничего не знают, притворяться, что плохо знают англик. - Она улыбнулась. - Валять дурака - необходимая способность наших людей.

- Если бы я был командиром землян, - сказал Эраннат, - я бы заходил в каждый корабль отдельно и спрашивал его название. А если бы я был капитаном, меня нельзя было бы казнить за преступление, которого мне не объяснили.

Меа громко засмеялась.

- Правильно. Но я предложила "Порталу Добродетели" и "Дороге к Удаче" обоим отвечать, что они "Зеленые Ворота". Настоящие названия можно при желании перевести так же, как наше. Они могут совершенно спокойно подкинуть землянам эту утку.

Она снова стала серьезной.

- Б лучшем случае, мы можем выиграть немного времени, чтобы контрабандой переправить вас, Ивар Фридериксон и вас, Эраннат, шпион Иттри. Я не осмелюсь давать вам никакого оружия. Это бы показало нашу причастность в случае, если вас поймают.

Ивар нащупал нож, который он носил на поясе с тех пор, когда покинул Бинохум. На инопланетянине не было фартука и он был безоружен.

Женщина продолжала:

- Когда моряки прибудут к нам, мы признаем, что вы были у нас, но будем настаивать на том, что не имели понятия, что вы В розыске. Это действительно так для всех, кроме нас троих, и мы можем разыграть из себя невинных. Мы скажем, что должно быть, вы увидели самолет и сбежали в неизвестном направлении.

Ивар подумал о ловушке, в которой они находились и спросил:

- А действительно, куда?

Меа повела их вниз по трапу. Спускаясь, она бросила через плечо:

- Некоторые орканцы взбирались на шельф, чтобы торговать с нами после окончания наших церемонии. Вы можете встретить на месте или по дороге. А если нет, то, вероятно, сможете дойти до Тьен Ху самостоятельно и там получить помощь. Я не сомневаюсь, что они помогут. Этот их предсказатель, о котором они говорили нам…

- Разве импи не подумают о такой возможности? - запротестовал Ивар.

- Несомненно. Все же, я могу поспорить, это страна, которую невозможно прочесать. - Меа остановилась, оглянулась и твердо произнесла: - Да, вас могут поймать. Но вас поймают навер-

няка, если вы останетесь на борту. Вы можете утонуть, переправляясь к берегу, или сломать шею о скалу, или столкнуться с: тысячей других проблем. Но, вы же наш Первенец, не так ли?

Меа распахнула дверь и впустила их в комнату. Это было складское помещение для каноэ, имеющее небольшой кран для спуска их на воду.

- Садитесь, - приказала она Ивару. - Вы должны суметь добраться до берега. Просто работайте веслом, чтобы не перевернуться и не удариться о скалы и направляйтесь к берегу, где вода поспокойнее. Когда выберетесь на берег, лодки столкните в воду. Нет смысла указывать место вашей высадки. А там… скалы и туман должны скрыть вас сверху, только будьте осторожны. Эраннат, вы летите над самой землей

Напуганный и угрюмый Ивар устроился в хрупком суденышке, закрепил за пояс страховку, взял в руки весло. Рихо Меа склонилась над ним. Он никогда раньше не видел в ее глазах слез.

- Пусть удача поплывет с тобой, Первенец, - сказала она нетвердо, - и все наши надежды.

И она поцеловала его в лоб.

Меа открыла люк в корпусе и встала у крана. Мотор завертелся, стрела опустилась и захватив лодку с обоих концов, вынесла Ивара в шумящий

поток, навстречу судьбе.

Река шумела и бурлила. Мир был наполнен холодной сыростью брызг, разлетавшихся от водопадов. Осколки скал хмуро виднелись сквозь пелену тумана. Ивар и Эраннат отдыхали среди громадных камней.

Несмотря на обувь, камни вдоль берега больно впивались в ноги. У Ивара все болело от синяков, ушибов и порезов. Усталость наполняла каждую косточку, все тело налилось свинцом. Иттрианин, который мог облетать препятствия, был в лучшей форме, хотя длительное путешествие по земле было всегда трудным для его расы.

Из-за сильного эха им приходилось разговаривать шепотом.

- Несомненно, тропа идет вниз по шельфу к морскому дну, - говорил Эраннат. - Земляне, конечно, не дураки. Когда они не найдут нас на кораблях, они сделают вывод, что мы направились в Оркус и запросят у Нова Рома подробную карту местности. Начнется патрулирование всех троп и перевалов. Мы должны пойти кружным путем.

- Для меня это непосильно, - уныло сказал Ивар.

- Я помогу вам, как смогу, - пообещал Эраннат, а положение его перьев говорило: "Если Бог Охоты

сбросит тебя на погибель, выскажи ему пренебрежение, пока падаешь".

- Почему вы интересуетесь мной, хотелось бы знать? - спросил Ивар.

Иттрианин издал звук, который можно было принять за смешок:

- Бы и ваши приятели посчитали само собой разумеющимся, что я секретный агент Владений. Давайте скажем для начала, что я интересовался - правда ли вы являетесь простым Рольфом Мариенером, и сопровождал вас, чтобы попытаться это выяснить. Во-вторых, у меня у самого нет желания попасть в плен. Наши интересы совпадают.

- А сейчас? Вам достаточно улететь куда-нибудь.

- Но вы Первенец Илиона. Один вы бы погибли или вас бы схватили. Капитан Рихо не понимает, как отличается эта местность от той, к которой вы привыкли. С моей помощью у вас есть хороший шанс.

Ивар был слишком измотан и у него слишком все болело, чтобы проявлять эмоции. Все же, где-то в глубине души пробуждался огонь. "Он заинтересован в моем успехе! Так заинтересован, что поставит на карту всю свою миссию, чтобы помочь мне выбраться. Может быть, мы действи-

тельно сможем получить помощь от Иттри, когда освободим сектор Альфа Круцио".

Однако пока что было не время произносить такие вещи вслух. Вскоре двое скитальцев возобновили свое тайное путешествие.

На небольшом отрезке река расширялась, образуя по левому берегу широкий залив, где флот мог стать на якорь, чтобы пополнить запасы энергии. По правому берегу скалы отступали от воды, открывая площадь в несколько гектаров. Площадку люди расчистили от обломков и камней. Там стоял алтарь, по краям которого возвышались каменные стражи, превращенные эрозией в почти бесформенные глыбы камня. Повсюду были видны следы костров, но никакие орканцы еще не прибыли.

Ветер сменился, унося вечный туман на юг, висевший теперь, как выбеленный лунным светом занавес, между огромными черными стенами. Блестела вода. Темнея на ее фоне, отдыхали уже прибывшие суда. Но все же их огни и цветные фонари, развешенные по бортам, были лишены обычной веселости. Над флотилией бдительным оком повис военный корабль землян.

Было жутко холодно, брызги воды замерзали на одежде Ивара и перьях Эранната. Люди видели

в темноте лучше, чем иттриане. Поэтому Ивар первым увидел корабль землян.

- Ш-ш-ш! - Он потянул спутника назад в укрытие, а самому стало страшно до тошноты. Эраннат с трудом разглядел большую мерцающую тень и нескольких солдат, стоящих на часах.

Обойти их незамеченными было невозможно, берег был открыт и залит лунным светом до основания непроходимого утеса. Ивар нырнул за скалу, ему пришла дикая мысль проплыть это место, но он знал, что здесь это невозможно. Он был готов заплакать от бессилия и досады.

Неслышный из-за шума текущей воды, Эраннат поднялся в воздух. Лунный свет коснулся его крыльев. Но для людей на корабле темнота была непроглядной, поэтому и выставили наружную охрану.

Ивар затаил дыхание. Он видел, как огромные крылья метнулись вниз. Один человек упал, второй, третий. Все произошло мгновенно - за три удара сердца. Эраннат приземлился среди распростертых тел и позвал Первенца.

Подбежал Ивар. Странно, но его первый вопрос был:

- Они мертвы?

- Нет. Застыли. Я обладаю Третьей Ступенью в

хяи-лу. Я использовал тройной удар, обе алатановые кости и… но это вам не понять.

Эраннат был занят. Он снимал с часовых амуницию и оружие. Один комплект отдал Ивару, а остальное выбросил в воду. Когда моряки очнутся, у них возникнут большие проблемы со связью. Придется дожидаться смены караула.

Если они вообще очнутся. Слишком уж обмякшими выглядели их тела. Впрочем, почему его должна волновать судьба его врагов? Главное, что они со спутником смогут ускользнуть отсюда и продолжить свой путь, да еще и заполучить так необходимое для путешествия снаряжение.

Они не стали задерживаться. В дальнем конце площадки начиналась незаметная узкая извилистая тропа. Идти по ней, судя по всему, весьма не просто, но этот путь все же был лучше, чем берег, где их в любой момент могли обнаружить с корабля или с воздуха. В горах будет легче спрятаться.

Глава 16

Первые лучи рассвета появились над морем и обозначили резкие синие тени. Из большой Башни горн приветствовал солнце.

Яан ушел из дома матери и шел по улице, которая извивалась между серых домов с закрытыми ставнями, вниз к причалу. Немногие люди, которые встречались ему, скрещивали руки и кланялись, некоторые со священным ужасом, некоторые с осмотрительным уважением. Б узком пространстве, заключенном между стенами, все еще преобладали сумерки, делавшие людей похожими на привидения.

Причал был работой Древних, поразительным контрастом с серостью и бедностью города людей. Его пыльная поверхность играла радугой. Миллионы лет откололи от причала угол, но не выветрили породу. Волны, которые когда-то лизали его нижний край, сейчас поросший кустарником, сонно плескались в километре внизу.

Город растянулся по склону горы на километр, его безликие жилые дома скапливались вокруг

Арены, которая венчала верхушку горы. Арена тоже была построена Древними, и даже руины ее стояли в славе. Построена Арена была из того же светящегося стойкого материала, как и причал, эллиптическая по форме, главная ось протяженность почти с километр, а стены, до того, как обрушиться, возвышались метров на тридцать. Тогда на них было семь башен, а осталось три. Стены были не простыми, они изобиловали колоннами, террасами, арками, галереями, нишами, легкими мостами, похожими на крылья балконами, так что свет и тень играли бесконечно, а здание мерцало, как один вечный холодный огонь.

Золотые и ярко-красные знамена поднимались к вершинам на парапетах. Компаньоны меняли караул.

Взгляд Яана обратился к северному горизонту, где высился континент над Морем Оркуса. Так как Вергилий только поднимался, высоты казались черными, за исключением вулкана Линна. Его приглушенный гром сотрясал воздух и землю.

- Я не вижу, чтобы они летели, - сказал Яан.

- Нет, они не летят, - ответил Карунф. - Из-за боязни преследования они приземлились возле Алсы и попросили горожанина доставить их на

грузовике. Смотрите, вон он идет.

Яан был неуверен, кто подсказал ему обернуться, свой ум или ум Древнего, глаза его зашарили по грунтовой дороге, петляющей от береговой линии вверх по горам. Сознание Яана и Карунфа уже начинали сливаться в одно? Так было обещано. Быть частью, нет, характерной чертой, памятью Карунфа… о-о, чудо из чудес…

Яан увидел помятую машину, нет, скорее облако пыли, которую она поднимала. Машина была далеко, и еще не скоро будет в городе. Это был не единственный транспорт в столь ранний час. Несколько наземных каров двигались по шоссе, которое опоясывало море, в горах пара тракторов: черные точки на коричневой и тусклой зелени, они пытались добыть урожай из скудной почвы; по большой воде скользила лодка, промышляющая существа, чьи ткани содержали минералы, которые можно было использовать. А над Ареной висел воздушный корабль, принадлежавший Компаньонам. Хотя согласно Имперскому декрету он был не вооружен, но стоял наготове. Это были нелегкие времена.

- Хозяин.

Яан обернулся на голос и увидел Робхара, самого молодого из своих учеников. Мальчик, сын

рыбака, почти утонул в своем оборванном халате, но поклонился вдвое ниже обычного.

- Хозяин, - спросил он, - могу я услужить вам в чем-либо?

"Он караулил часами, пока мы не появились, но затем не осмелился обратиться к нам, пока мы остановились здесь, - сказал Карунф. - Его преданность превосходна".

"Я не думаю, что у остальных она меньше, - ответил Яан. - Большинство старше, им не хватает выносливости, чтобы ждать без сна на морозе момента, когда они нам понадобятся; кроме того, у них есть дневная работа, и большинство имеет жен и детей".

"Близится время, когда им воздатут за это, и всем другим, которые следуют за нами".

"Они знают об этом. Я уверен, они полностью это принимают. Но тогда почему бы им не испить тех маленьких радостей, которые они могут иметь сейчас?

"Ты сам еще слишком человек, Яан. Ты должен стать сильнее".

Тем временем пророк говорил:

- Да, Робхар. Это день судьбы. - А глаза перед ним сияли. - Тем не менее, мы должны многое сделать, нет времени на излияния радости. Мы

остаемся только людьми, прикованными к миру. Сюда направляются двое - человек и иттрианин. Они могли бы быть очень полезными для освобождения. За ними гонятся земляне, и конечно скоро их будет здесь много, чтобы найти и схватить беглецов. До этого беглецов следует надежно спрятать, и о них должны знать как можно меньше горожан, чтобы слухи не помогали землянам в поисках.

Спеши. Иди в платную конюшню Брата Бораса и попроси дать нам стата с достаточно большой корзиной, чтобы спрятать иттрианина - приблизительно с тебя размером, но ему еще понадобится одеяло, чтобы закрыть крылья, если они будут видны снаружи. Не говори Борасу, зачем нам все это нужно. Он верный, но у тиранов для дознания есть наркотики и кое-что похуже, если они заподозрят что кто-то хоть что-то знает. Поэтому, не давай объяснений и Брату Эззару, когда ты остановишься у его дома, чтобы одолжить халат, сандалии и красный плащ с накидкой. Прикажи ему оставаться дома и ждать следующего указания.

И поторопись!

Робхар хлопнул в ладоши в знак повиновения и поспешил в город.

Яан остался ждать. Грузовик не мог не проехать мимо причала. А ему здесь никто не мог помешать. Да и кто бы осмелился нарушить одиночество пророка.

"Они приближаются, и я уже могу прочитать, что твориться в голове у водителя, - шептал Карунф. - Мне не нравится то, что я вижу".

"Что? - спросил Яан, вздрогнув. - Разве он не верен нам? Зачем же он взялся перевозить двух изгнанников?"

"Он верен, в смысле желания Аэнеасу свободы от Империи и, в частности, свободы Оркуса от Иова Рома. Но он не полностью принял наше учение, не полностью предан нашему делу, так как он импульсивный и колеблющийся человек. Ивар Фридериксон и Эраннат из Авалона разбудили его, рассказав о том, что они ученые, потерпевшие аварию самолета, им нужен транспорт до горы Кронос, где они могли бы получить помощь. Он, конечно, понял, что это всего лишь легенда, но поскольку это во вред землянам, согласился отвезти их. Однако он уже сожалеет о своем поступке, его пугают возможные последствия, если земляне доберутся до него. Сам он ничего не выдаст, но чтобы снять напряжение, как только он освободится от пассажиров, наверняка напьется.

А выпивка развязывает язык..."

"Разве не будет достаточным, если их дальнейший путь будет ему неизвестен?.. Нет! Не убийство!"

"Многие умрут ради освобождения. Будешь ли ты сомневаться в том, что их жертвы напрасны, во имя этой одной жизни сегодня?"

"Может все же спрятать и запереть, как и итрианца? Ведь не хочешь же ты..."

"Исчезновение человека, у которого есть друзья и соседи, труднее объяснить, чем его смерть. Поговори с Братом Велибом. Он был среди немногих оркан-цев, которые вышли вместе с Мак-Кормаком, он мно-

гое видел. Нетрудно создать правдоподобный "несчастный случай". "Нет".

Яан боролся с собой, но память, которая была у него в мозгу, была слишком мощной, слишком правдоподобной. Правильно, что один человек умирает за свой народ. Разве сами Яан и Карунф не готовы сделать то же самое? К тому времени, когда прибыл грузовик, пророк уже совсем успокоился.

К тому времени вернулся Робхар со статом и одеждой. Все узнавали Эззара по его любимому красному плащу. Его капюшон скроет голову

северянина, длинные рукава и грязь на обутых в сандалии ногах, скроют светлую кожу. Люди не увидят никого, кроме пророка, сопровождаемого двумя учениками, идущими к Арене через ворота, а с ними животное, нагруженное, скажем, Древними книгами, найденными в катакомбах.

Грузовик затормозил. Яан принял приветствие шофера, стараясь не думать о нем как о реальном человеке. Человек открыл заднюю дверь, а внутри машины сидели иттрианин и Первенец Илиона.

Яан, который никогда раньше не видел иттриан во плоти и нашел, что сильно поражен вызывающей красотой чужеземца (которая должна быть уничтожена, сожалело что-то внутри него), чем юношей блондином обычного вида, который так неожиданно стал стержнем Судьбы. Яан чувствовал, что голубые глаза просто рассматривают его, а золотистые что-то ищут.

Гости, в свою очередь, увидели приземистого молодого человека низкого роста, в безупречно белом халате, с веревочным поясом, в сандалиях, которые он сделал сам. Лицо широкое, нос загнут, полные губы, светло-коричневая кожа, наверное, по-своему красивого: длинные волосы и короткая борода были рыжевато-коричневыми, чистыми

и хорошо ухоженными. Глаза у него были самой поразительной чертой: широко посаженные, серые и огромные. Вокруг лба шел металлический обод, разнообразно украшенный, единственный внешний признак, что он является Древним, возвращенным к жизни после шести миллионов лет.

Яан заговорил своим обычным медленным и мягким голосом:

- Добро пожаловать, Ивар Фридериксон и посланник чужого мира.

Ночь лежала вокруг дома Десаи. Ближайшие уличные фонари светились, как отдаленные звезды, и оттуда не было слышно ни малейшего шума транспорта. Для Десаи это было почти облегчением, когда он занавесил окна.

- Пожалуйста, садитесь Проссер Тэйн, - сказал он. - Что из освежающих напитков вам предложить?

- Ничего, - ответила высокая молодая женщина. Помолчав секунду, она прибавила неохотно и необычно: - Спасибо.

- Это не потому, что вы не хотите попробовать соли врага? - Улыбка Десаи была задумчивой: - Не могу представить, чтобы традиции требовали от вас отказаться от чая.

- Как вам угодно. Комиссионер.

Татьяна уселась, ноги и руки ее были напряжены. Десаи разговаривал с женой, которая принесла поднос с дымящимся чайником, двумя чашками и тарелкой с печеньем. Она поставила его, попросила извинения и вышла. Дверь за ней закрылась.

Для Десаи это было равносильно тому, что над ним сомкнулось пространство. Это было так дискомфортно, так... обедняло, несмотря на то, что физически все было как обычно. Его письменный стол и пульт связи занимали один угол, поблизости стояла полка со справочной литературой, а все остальное: выцветший ковер, мебель, не предназначенная для человека его расы и культуры, кроме одной или двух картин, все было взято в аренду. Не было дорогих сердцу вещей, которые и составляли дом.

"Наша семья переезжает слишком много, слишком часто и слишком далеко - как катушка, ткущая полотно, хотя оно уже давно прогнило. На Раманудже нас всегда учили, что по жизни надо путешествовать налегке. Но какое это имеет отношение к детям, все эти метанья с места на место, оставляющие нас среди одного и того же окружения из имперской гражданской службы".

Десаи вздохнул. Эта мысль давно преследовала его.

- Я ценю ваш приход сюда, - начал он. - Надеюсь, что вы, конечно же, приняли меры предосторожности.

- Да, я сделала это. Я проскользнула в аллею, сменила плащ, и надела ночную маску.

- Это необходимость, вызвана опасением за вашу жизнь. Поэтому я не посетил вас лично. Было бы совершенно невозможно скрыть этот факт. Ведь наверняка террористы держат вас под наблюдением.

Татьяна воздержалась от возражений. Десаи продолжал развивать мысль.

- Мне ненавистна сама мысль о том, что вы подвергаете себя даже такому малейшему риску. Если вас заподозрят в сотрудничестве с властями, вы вполне можете продолжить список уже убитых видных горожан. Но мне необходимо поговорить с вами. Поэтому еще раз благодарю, что вы отозвались на мою просьбу.

- Если я не на их стороне и не пришла сюда за информацией для сопротивления, - сказала Татьяна голосом, в котором звенел металл.

Десаи позволил себе улыбнуться.

- Есть и такая вероятность. Но… это мой риск. И

я не думаю, что он очень велик.

Десаи поднял чайник и вопросительно взглянул на нее. Татьяна кивнула. Десаи налил чая ей и себе, поднял свою чашку и отпил глоток. Горячая влага успокаивала.

- Как насчет того, чтобы перейти к делу? - заявила она.

- Действительно. Я полагаю, что вам бы хотелось узнать последние новости об Иваре Фридерик-соне?

Это застало Татьяну врасплох. Она ничего не сказала, лишь напряженно выпрямилась, и ее карие глаза расширились.

- Конечно, это конфиденциально. Из источника, который я не буду раскрывать, я узнал, что он ушел с группой кочевников, позднее попал там в неприятности и уехал на корабле речного народа, направляющегося на юг, вместе с иттрианцем, который, может быть, встретил его случайно, а может быть и нет, но почти с уверенностью можно сказать, что он является секретным агентом Владений. Они были у водопада, когда я получил сообщение и выслал отряд моряков, чтобы привезти его сюда. Из-за неразберихи - очевидно организованной речниками, хотя я не хочу настаивать на обвинениях - он и его спутник убежали.

Лицо Татьяны становилось то красным, то белым. Дыхание ее участилось, она схватила чашку и сделала большой глоток.

- Вы знаете, что я не хочу, чтобы его наказывали, если этого можно избежать, - сказал Десаи. - Я хочу получить возможность поговорить с ним.

- Я знаю, что вы так заявляете, - резко сказала Татьяна.

- Если бы только люди могли понять, - взмолился Десаи. - Да, Империя причинила вам зло. Но мы пытаемся поправить это. А другие сделали бы из вас орудие, чтобы разорвать это единство и раздробить цивилизацию на мелкие беспомощные осколки.

- Что вы хотите этим сказать? Иттрианцы? Мерсейцы? - Голос ее выражал насмешку.

Десаи решился.

- Мерсейцы. О-о, они так далеко. Но что, если они снова хотят попробовать нас на прочность на этой границе? В прошлый раз им это не удалось, потому что восстание Мак-Кормака застало врасплох и их. Более тщательно спланированная акция имела бы другой результат. Земля могла бы потерять весь этот сектор, а в то же самое время Мерсея отхватила бы кусок на противоположной границе. А результатом была бы урезанная,

потрясенная, ослабленная Империя - с одной стороны, и окрепший, окрыленный успехом Ройдгунат - с другой.

Он говорил, видя перед собой ее молчаливое, но безошибочно видимое недоверие.

- Вы не верите? Вы считаете Мерсею простым пугалом? Пожалуйста, я вам кое-что расскажу. Их специальный агент разгуливает на Аэнеасе. Не простой шпион и смутьян. Существо с уникальными способностями, такое важное, что ради его миссии была изобретена и введена в файлы данных в Катаврана-

нисе целая несуществующая планета; такой способный - включая фантастические телепатические возможности - он легко все это сделал один, буквально чудом обошел все наши меры предосторожности и исчез в дикой местности. Проссер Тэйн, Мерсея рискует больше, чем одной личностью. Ясно, что в случае провала, мы уже будем знать о существовании такого вида разумных в Ройдгунате и второго раза у них не будет. Ни одна компетентная разведывательная служба не пошла бы на подобный риск ради чего-то меньшего, чем самые высокие ставки.

Теперь вы видите, в какую сеть может попасть ваш любимый?

Лицо ее практически ничего не выражало. После минутной паузы она сказала:

- Я должна обдумать это, Комиссионер. Ваши опасения могут быть преувеличенными. Давайте остановимся на частных практических деталях. Вы тут рассуждали об Иваре и этом его спутнике… который предполагает, что Иттри тоже может вонзать когти в нашу добычу, правильно? Прежде чем я могу что-то предложить, лучше расскажите мне, что вы еще знаете.

Десаи нахмурился.

- Предположительно, они убежали в страну Оркан, - сказал он. - Я только что получил сообщение от отряда, направленного туда, чтобы найти их. После нескольких дней интенсивных усилий, включая глубокий опрос многочисленных людей, которых подозревают в том, что они могли бы что-то знать, они ничего не нашли. Я не могу их там оставить после столь безуспешных попыток. Это ничего не даст, за исключением лишнего разжигания ненависти к нам их присутствием, когда и так подстрекательство к бунту, саботаж и насилие так быстро растут по всей планете. Они нужны нам, чтобы патрулировать улицы, ну, скажем, Нова Рома.

- Может быть, Ивар не отправлялся в Оркус,

- предположила Татьяна.

- Может быть. Но это было бы логичным, разве нет?

- Может быть, - согласилась она, а затем удивила его. - А ваши люди допрашивали нового их пророка?

- По существу, да. Никакого результата. Он выдавал фантастические квазирелигиозные идеи, о которых мы уже немного знаем; они антиимперские, но, кажется, лучше позволить ему проповедовать, чем делать из него мученика. Нет, он не дал никаких сведений о том, что знает нашего Первенца. Не знают этого и так называемые апостолы мессии

Было ясно, что безразличный вид дается Татьяне с большим усилием. Бее ее существо, должно быть, стремится к возлюбленному.

- Я действительно дал указания пропустить вождей культа через микроманипуляторы. Но в то время, как шел поиск, этот... Яан... добровольно предложил пройти наркодопрос своим людям, чтобы положить конец подозрениям, как он выразился. Безуспешность этой акции не оставила дальнейшего повода для пребывания там землян. Проницательный ход, если он хотел избавиться от них. После такой большой уступки с его сторо-

ны, им ничего больше не оставалось, как уйти.

- Ну, - с вызовом сказала она, - разве вам не пришло на ум, что Ивара может не быть на той территории?

- Конечно. Хотя… ведущий техник команды допросов сообщил, что Яан показал энцефалограмму не похожую ни на одну, когда-либо записанную ранее. Если бы его заверения были правдой, что… что он одержим какого-то рода духом… Конечно, его тело - как у обычного человека. Нет причины предполагать, что наркотик не подавил его способности лгать. Но…

- Я бы предположила, что мутация могла бы оказать влияние на волны мозга. Орканцы странный народ с врожденными качествами, каких нам эволюция не дала.

- Вероятно. Я бы хотел использовать способности телепата-райэллианца, который работает у губернатора… серьезно рассматривал такую возможность, но решил, что мерсейский агент, с теми возможностями и знаниями, которыми он должен обладать, мог бы знать, как защититься от наших попыток его обнаружить, если бы он попал в такую ситуацию. Если бы у меня был миллион опытных исследователей, чтобы изучить каждый аспект этой планеты и различных наро-

дов в течение сотни лет напряженного труда…

Десаи прервал свои Грезы.

- Мы не исключаем возможности, что Ивар и иттрианин находятся в том регионе и об этом неизвестно пророку, - сказал он. - Отдельная группа, могла бы провезти их туда контрабандой. Я знаю, что Гора Кронос изрезана туннелями и сводами, изрыта расой Старших и никогда не была полностью исследована людьми.

- Но тогда было бы бесполезно продолжать там поиски, правильно? - спросила Татьяна.

- Да. Особенно, когда потайные места могли бы находиться далеко в пустыне. - Десаи помолчал. - Вот почему я просил вас прийти сюда, Проссер Тэйн. Вы знаете своего друга. И, конечно, у вас больше знаний об орканцах, чем наши исследователи могут выкопать из книг, банков данных и поверхностных наблюдений. Скажите мне, если можете, насколько вероятно, что Ивар и орканцы могли бы, м-м, ужиться вместе?

Татьяна притихла. Десаи вставил в мундштук новую сигарету й курил, курил. Наконец, она медленно сказала:

- Я не думаю, что возможно такое сотрудничество. Различия уходят слишком глубоко. И у Ивара, по крайней мере, достаточно здравого

смысла, чтобы понять это и не пытаться сотрудничать с орканцами.

Десаи воздержался от комментариев, просто сказав:

- Я бы хотел, чтобы вы описали мне это общество.

- Вы, должно быть, читали отчеты.

- Да, и немало. И собственный взгляд землян, и те резюме, которые делают мои сотрудники из работ северян. Но это мертвые, бесчувственные бумаги. В них нельзя понять больше, чем в них написано. Вы же живой человек. Заметный ученый. И у нас с вами, как мне кажется, есть какое-то взаимопонимание.

Ваш народ и орканцы живете вместе в этом мире несколько веков. И с вашей помощью я надеюсь что-нибудь понять, скажем, на уровне интуиции, разобраться не в общественно-экономических связях, а в чувстве, понять дух, напряжение, взаимное влияние ваших культур.

Татьяна некоторое время сидела, собираясь с мыслями. Наконец она сказала:

- Вряд ли я много могу вам сказать, Комиссионер. Вы хотели бы историю в предельно сжатой форме? Вы ее уже должны знать.

- Я не знаю, что вы считаете важным. Пожа-

луйста.

- Ну... они являются, пожалуй, самыми крупными и лучше сохранившимися остатками древней культуры Строителей на горе Кронос. Но они были мало изучены, так как главное внимание уделялось Дидо. Затем пришли Беды, набеги, вторжения, переход к феодализму. Некоторые южане нашли приют на Арене, из-за отсутствия лучшего убежища.

- Арена? - поинтересовался Десаи.

- Гигантский амфитеатр на вершине горы, если конечно он таковым является.

- А-а, это не совсем то, что обозначает слово "арена", но это не важно. Я понимаю, что в местных диалектах значения слов изменяются. Продолжайте же.

- Орканцы жили в этом строении похожем на крепость, соблюдая строгую дисциплину. Когда они выходили за стены, чтобы заниматься сельским хозяйством, ловить рыбу, пасти скот, их охраняли вооруженные люди. Постепенно они стали военными подразделениями, Компаньонами Арены, которые были также магистрами, техническими исполнителями решений - землей они владели сообща - и, наконец, они стали вождями религиозных ритуалов. Естественно,

ядром их религии стали эти загадочные остатки цивилизации Древних.

Когда порядок был восстановлен, Компаньоны сначала сопротивлялись планетарному правительству, и за это были побиты. Это привело к тому, что они стали больше проповедниками, хотя сохранили и воинские традиции. С тех пор они не причиняли Нова

Рома особых неприятностей; но они держались особняком, и считали своей высшей целью узнать, кем были Строители, кто они есть, кто они будут.

- Хм, - Десаи потер подбородок. - А что их народ - эти полмиллиона или около того, которые населяют этот регион - вы бы назвали их в равной степени изолированными от остального Аэнеаса?

- Не совсем. Многие из них торгуют, ходят караванами по дну Моря Антония, в другие плодородные места, предлагают минералы и биопродукты в обмен на пищу, мануфактуру и всякое прочее. Некоторые из их молодых людей находятся на службе у северян по несколько лет, зарабатывая на жизнь. У них большой талант находить подпочвенные воды, что подтверждает то, что я сказала ранее, о мутациях среди них. Хотя в

целом, обычный житель континента никогда не видит жителей Оркана. Они действительно держатся особняком, запрещают браки на стороне под страхом ссылки, держатся как особый народ, который, наконец, сыграет особую роль относительно Строителей. Их история полна пророков, которые видят сны об этом. Этот Яан является, наверное, последним.

Десаи нахмурился.

- Все же, не является ли такое притязание уникальным - то, что он является, наконец, воплощением божества, и что раса Старших возвратится при его жизни - или что там еще он проповедует?

- Я не знаю, - Татьяна затаила дыхание. - Видимо, это именно то, зачем вы позвали меня сюда, правильно? Несмотря на то, что они называют свое превосходство скорее объективным, чем сверхъестественным, все же их мировоззрение больше похоже на религию. Но, Ивар является скептиком, фактически, он убежденный неверующий. Не могу себе представить, чтобы он бросился в объятья группы прорицателей. Они бы быстро стали конфликтовать.

Десаи встал и расхаживал, размышляя. "Точка зрения понятна. Это не означает, что она пра-

вильная, но...

И все же, что я могу сделать? Только принять ее... если или пока я не получу известий от своего

шпиона, что же там случилось с Иваром? А этого я могу никогда и не узнать". Десаи встряхнулся.

- Итак, принял ли Ивар помощь от одного орканца или двух, или не принимал ее - вы сомневаетесь в том, что у него могут быть серьезные контакты с кем-нибудь из их лидеров, или что у него есть какие-то причины оставаться в этой запретной зоне. Я правильно вас понял, Проссер Тэйн?

Она кивнула.

- Бы не могли бы высказать какую-либо идею относительно того, куда бы он мог повернуть, как нам его найти? - продолжал настаивать Десаи.

Татьяна не намерена была отвечать на этот вопрос.

- Как хотите, - устало сказал он. - Помните, Ивар в смертельной опасности до тех пор, пока он в бегах: например, опасность получить пулю от патруля. Или он может натворить таких дел, что прощение станет невозможным.

Татьяна закусила губу.

- Я не буду беспокоить вас некоторое время, - пообещал Десаи. - Но я прошу вас - вы ученый, вы должно быть, привыкли принимать радикально новые гипотезы и исследовать их последствия - я прошу вас рассмотреть предложение, касающееся реальных интересов вашего жениха и интересов аэнеанцев, которые могут совпадать с интересами Империи.

- Мне, пожалуй, пора уходить, - сказала она.

Позднее Татьяна взволнованно говорила Габриэлю Стюарту:

- Он должен быть среди орканцев. Иначе все это не имеет смысла. Он наш настоящий мирской вождь, Яан наш духовный вождь. Молва пойдет, как огонь в сухой траве под ветром зуски.

- Но если пророк не знал, где он, - усомнился разведчик.

Татьяна не сдержалась и засмеялась.

- Пророк наверняка все знал! Бы что, считаете, что мозг Строителя не может контролировать реакции человеческого тела на ничтожные дозы наркотиков? Как же, простая шизофрения может вызвать это.

Стюарт внимательно рассматривал ее.

- Вы верите этим слухам, девушка? Слухи они и есть слухи, вы понимаете, ничего более. Наша

аппаратура не имеет связи с Ареной.

- Вам следовало бы разработать такую... Я согласна, мы не имеем доказательств, что Строители уже готовы к возвращению. Но в этом есть смысл. - Она сделала жест, как бы на звезды, которые были скрыты за ее завешанными окнами. - Косменоис... Что было бы поистине фантастичным... - Подумав добавила: - Десаи говорил о мерсейском агенте, действующем на Аэнеасе. Но он не мерсейской расы. Кто-то очень странный, может быть... предвестник Строителей?

- Не понял?! - воскликнул Стюарт.

- Лучше я больше ничего не буду говорить в данный момент, Гэйб. Однако Десаи также говорил о принятии рабочей гипотезы. Пока мы не получим другого известия, я думаю эта может быть нашей гипотезой, но, по крайней мере, что-то есть в этих историях. Мы должны покопать глубже, собрать информацию. В худшем случае, мы найдем, что остались при своих. В лучшем случае... кто знает?

- Если ничего не случится, это послужит хорошей пропагандой, - цинично заметил ее собеседник. Он вернулся на Аэнеас Сравнительно недавно и не успел еще окунуться в атмосферу ожиданий. - Да, но как нам сдержать врага от

рассуждений и исследований в этом же русле?

- У нас нет гарантированного пути, - сказала Татьяна. - Хотя я думала и... Послушай, предположим я пойду к Десаи завтра или через день, и заявлю, что изменила решение, попытаюсь выведать у него побольше всего, что касается его агента. Но, самое главное, что я сделаю, так это предложу, чтобы он поискал на высокогорьях Чалса. Там живет жесткий, независимо мыслящий клан, ты, вероятно, припоминаешь. Вполне правдоподобно, что они бы собрались вокруг Ивара, если бы он к ним пошел, и если бы он сделал это по своей собственной инициативе. Это большая и труднопроходимая страна, потребуется много времени и много людей, чтобы поискать там. А тем временем...

Пространство внутри горы было просторным, а его отделка из древнего материала добавляло иллюзии подобные снам. Люди установили обогревающееся ковровое покрытие, флюоропанели, мебель и другие предметы первой необходимости, включая книги и эйдофон, чтобы коротать время. Тем не менее, по мере того, как часы растягивались в дни, которых он не видел, Ивар слегка одичал. Эраннат, конечно, страдал больше; с точки зрения человека, все иттрианцы рождаются

с той или иной степенью клаустрофобии. Но он с печальной угрюмостью держал себя в когтях (ведь не скажешь же о нем - в "руках").

Им обоим помогало общение. Эраннат даже предавался воспоминаниям:

- Свободные крылья. Когда я был юношей, я обследовал весь Авалон... хай-ха, штормы на морях и снежных вершинах! Охота на спатодонта с копьями! Ветер на равнинах, которые пахли солнцем и вечностью! Позднее я выучился на космического бродягу. Вы не знаете, что это такое? Иттрианская интуиция. Такой член экипажа может оставить свой корабль, когда пожелает остаться на некоторое время на какой-нибудь планете, при условии, что его могут заменить; а замена обычно есть. - Взор его устремился за пределы мерцающих стен. - Хр-р-р, это вселенная чудес. Цени ее, Ивар. То, что вне нашего ума, оказывается намного больше того, что мы можем вместить внутрь его.

- Вы до сих пор космонавт? - спросил человек.

- Нет. Я вернулся, наконец, в Авалон с Хлиррой. Я встретил и обвенчался с ней на одном из миров, где кольца мелькали радугами над океанами цвета старого серебра. Это тоже здорово - охранять дом и растить потомство. Но они сейчас выросли,

а я, в поисках последнего приключения перед тем, как Бог наступит на меня, я здесь, - он издал звук, примерно соответствующий смешку. - В этой пещере.

- Бы шпионите для Владений, не так ли?

- Я уже объяснил, я ксенолог, специализирующийся в антропологии. Это был предмет, которому я обучался все оседлые годы на Авалоне, и в котором я в настоящее время провожу полевые, работы.

- То, что вы являетесь ученым, не запрещает вам быть шпионом. Послушайте, я ничего против вас не имею. Земная Империя - такой же мой враг, как и ваш, если еще не больше. Мы естественные союзники. Вы бы не могли передать от меня послание на Иттри?

Перья Эранната зашевелились.

- Является ли каждый противник Империи вашим другом автоматически? Что относительно Мерсеи?

- Я слышал пропаганду против мерсейцев, которая сводилась к тому, что они расисты и имеют территориальные претензии, что мне совершенно непонятно. Разве Земля никогда не провоцировала их, да, разве она не угрожала им? Кроме того, они очень далеко отсюда! Это про-

блема Земли, а не наша. Почему Аэнеас должен давать молодых людей, чтобы Император вытаскивал из огня свой жир? А что он когда-нибудь сделал для нас? И, о Боже, что он нам сделал?

Эраннат медленно спросил:

- - Вы действительно надеетесь провести вторую успешную революцию?

- Я не знаю на что надеяться, - покраснев, сказал Ивар. - Я надеюсь на помощь.

- Для какой цели?

- Свобода.

- Что такое свобода? Делать то, что вы, личность, найдете нужным? Тогда, как можете вы быть уверены, что осколок Империи не предъявит к вам еще большие требования? Скорей всего, так и будет.

- Вздор. Я готов служить своему народу, сколько ему надо.

- А как хочет сам ваш народ, чтобы вы ему служили - как личность - по вашим понятиям? Вы нё видите ущемления своей свободы, в каких бы там ни было требованиях политически независимого региона Альфа Круцио, лишь бы он был таким. Но вы просто не заглядываете вглубь. Ведь такое ущемление возможно даже в законах против убийства и грабежей… Допустим, это совпадает с

вашими желаниями. Но другие могут иметь иное мнение. Что есть свобода, за исключением того, что каждый имеет свою собственную клетку?

Ивар заглянул в желтые глаза.

- Бы говорите странно для иттрианца. А для авалонца, особенно. Ведь ваша планета сопротивлялась поглощению Империей!

- Это бы повлекло за собой фундаментальное изменение в нашей жизни: например, неограниченную иммиграцию, в результате мы из первоначально перенаселенной превратились бы в малонаселенную планету. Однако вернемся к вам - чем совершенно принципиально могла бы Республика Альфа Круцио или провинция Владений Альфа Круцио отличаться от сектора Империи Альфа Круцио? Вы получили только один краткий экскурс в реальность, Ивар Фридериксон. Вам не хотелось бы вместо путешествий среди идеологий по-настоящему путешествовать среди звезд?

- Боюсь, что вы не понимаете. У вашей расы нет нашего понимания правительства.

- Оно неприменимо к нам. Мои друзья авалонцы, которые примыкают к расе людей, стали мыслить, как я. Я должен узнать, почему вы чувствуете напряженность до такой степени, что

доводите себя до состояния смертельной гордости из-за структуры политической организации. Почему бы вам вместо этого не сконцентрировать усилия в том направлении, чтобы эта структура вообще оставила вас и ваших людей в покое?

- Ладно, если наша мотивация здесь представляет для вас загадку, тогда вы скажите им на Иттри... - Ивар перевел дыхание.

Пауза затянулась, и вдруг неожиданно пришел человек. Не в простом одеянии, который приносил пищу и уносил мусор; но появилась фигура в униформе, которая проследовала к двери и объявила: - Верховный Командующий!

Ивар вскочил. На голове Эранната перья гребня встали дыбом. Наконец-то они дождались.

Вошел отряд, выстроился в две шеренги, замершие по команде смирно. Это были типичные мужчины Оркана: высокие и худые, со смуглой кожей, черными густыми волосами и коротко стриженными бородами; лица у большинства овальные и немного плоские, ноздри расширены, губы полные. Но они были обучены и одеты, как солдаты. На них были стальные шлемы, которые опускались над шеей и имели защитный козырек, который сейчас был поднят вверх; синие туники со знаками отличия на груди у каждого,

серые брюки, заправленные в мягкие ботинки. Кроме ножей и кастетов они носили на поясе, как вызов Имперскому декрету, бластеры и ружья, которые, должно быть, сохранили от конфискации.

Вошел Яков Харолосон, Верховный Командующий Компаньонов Арены. Он был одет так же, как его люди, за исключением пурпурного плаща. Хотя борода его была белой, а черты шероховатые, тело сохраняло выправку. Ивар отдал ему честь.

Яков в ответ отдал честь и на носовом англике этого региона сказал:

- Приветствую, Первенец Илиона.

- Земляне… ушли… сэр? - спросил Ивар. Кровь стучала в висках и он почувствовал внезапное головокружение, а в горло сжимал густой холодный поземный воздух.

- Да, вы можете выходить. - Яков нахмурился. - Конечно, замаскировавшись: одежда, волосы, цвет кожи, инструкции, как вести себя. Мы не осмеливаемся предположить, что враг не оставил шпионов или, что более вероятно, не имеет их уже давно на самой Арене. Тем не менее, ты выйдешь, чтобы подготовиться к Освобождению.

Эраннат пошевелился:

- Я плохо могу сойти орканца, - сухо сказал он. Взгляд Якова стал обеспокоенным, когда встре-

тился с его золотыми глазами.

- Нет. Мы предусмотрели и это после того, как держали совет.

Что-то в его поведении насторожило Ивара и заставило воскликнуть:

- Сэр, он представляет Иттри, которая может стать нашим союзником.

- Действительно, - сказал Яков бесцветным голосом. - Мы могли бы просто держать вас здесь.

сэр Эраннат, но из того, что я знаю о вашей расе, вы бы нашли это нетерпимым. Поэтому мы приготовили вам другое безопасное место. Потерпите еще несколько часов. После наступления темноты вас выведут.

"Далеко на пик в пустынную местность, решил Ивар, и успокоился, - там Эраннат сможет парить в небесах, охотиться, думать свои думы, пока мы подготовим все, чтобы он снова был с нами - или мы присоединимся к нему - а после отправим его домой".

Импульсивно Ивар схватил иттрианца за правую лапу. Когти сомкнулись остро, но мягко на его пальцах.

- Спасибо за все, Эраннат, - сказал Ивар. - Я буду скучать, пока мы снова не встретимся.

- Будет так, как укажет Бог, - ответил его друг.

Арена получила свое название от пространства, которое она замыкала. Через окно убежища Командующего Ивар осмотрел ярус за ярусом, охватывая взглядом на суровом, но тонком рисунке огромные эллипсы, идущие вниз к центральному тротуару. Все уровни были достаточно широки, чтобы быть террасами, а не местами в цирке. Стены между уровнями были изрезаны проходами, оформленными красивыми арками, которые вели к залам и палатам внутренних помещений. Бее это сооружение сильно напоминало античный театр.

Группа Компаньонов проводила учения. Хотя они редко сражались за последние несколько столетий, порядок оставался по своему характеру военным, они оставались и полицией и квазижречеством. Расстояние и размеры пространства превращали людей в насекомых. Команды и топот марширующих терялись в жаркой тишине, как и шумы города. Казалось, что основная жизнь протекает в самом здании, с его изменяемым радужным свечением и энергией изгибов.

- Почему Старшие сделали его таким? - размышлял Ивар вслух.

Научная база, соединяющая жилые дома и рабочие комнаты? Но рампы, которые соединяли

этажи, извивались так причудливо; а сами этажи имели неожиданные подъемы и непонятные спуски; коридоры со сводами проходили среди жилых помещений, и меж ними не было двух одинаковых. А какие пути вели в средние кратера? Просто сады, дающие устающим от пустыни глазам отдых или парк? (Но эти парки были плодородными шесть миллионов лет назад). Эксперимент? Игры? Ритуалы? Что-то такое, для чего у человека, у любой расы, известной человеку, не было определений?

- Яан говорит, что главной целью было обеспечить место сбора, где умы могли объединиться и таким образом достичь превосходства, - ответил Яков. Он повернулся к своему эскорту. - Свободны, - резко бросил он. Караульные отдали честь и удалились, закрыв за собой дверь, установленную людьми.

Дверь должна была иметь особую форму, чтобы подойти к порталу этих покоев. Внешне офис, где стояли два человека, был подобен внутренности многогранной драгоценности; цвета не светили мягко, как они светились снаружи Арены, а сияли и сверкали с яркостью огня, как только на них падал луч солнца. На этом фоне несколько предметов мебели и оборудования, принадлежащих

тем, кто жил здесь в настоящее время, казались вдвойне суровыми: стулья, изготовленные из гнутого старкового дерева; такой же стол, ряд полок, на которых были книги и установка связи; ковер, сотканный из ископаемых растений, которые росли на поверхности Оркана.

- Присядьте, если желаете, - сказал Яков и опустил свое худое тело на стул.

"Не предложит ли он мне все же чашку чая? - промелькнуло в голове Ивара. И сразу вспомнилось: В этой стране совместная трапеза создает узы взаимного обязательства. Будем считать, что он не чувствует, что я совершенно к этому готов".

"А я с ним разделил бы пищу?" - Ивар занял место напротив строгого старого лица Якова. Возникло небольшое замешательство. Яков ждал, что Ивар начнет разговор. После минуты гнетущего молчания Ивар попытался это сделать.

- Этот Яан, о котором вы говорили, сэр, ваш пророк, правильно? Я не принижаю вашу веру, по-

верьте мне, пожалуйста. Но я могу задать вам несколько вопросов?

Яков кивнул; белая борода коснулась знака вечности на его груди.

- Любые, какие пожелаете. Первенец. Правду можно прояснить только с помощью вопросов. - Он помолчал. - Кроме того, давайте будем откровенны с самого начала - во многих умах еще не стало очевидным, что Яан действительно принадлежит Карунфу Древнему. Компаньоны Арены не заняли официальной позиции относительно этой загадки.

Ивар начал:

- Но я думал ваша религия… Яков поднял руку:

- Молю выслушайте, Первенец. Мы здесь не служим религии.

- Что? Сэр, вы полагаете, вы сотни лет верили в Старших?

- Как мы верим в Вергилия, в луны - Мелькнула слабая, как привидение, улыбка: - В конце концов, мы ежедневно видим их. Так же, как видим реликвии Древних.

Яков стал серьезным.

- Прошу вашего терпения. Первенец, позвольте мне немного объяснить. Религия означает веру в сверхъестественное, не так ли? Большинство орканцев, как большинство аэнеанцев имеют такой вид веры. Они согласны, что существует Бог, и соблюдают различные церемонии и предписания на этот счет. Однако, если у них есть образова-

ние, они признают, что их вера ненаучна. Это не предмет эмпирического подтверждения или не подтверждения. Чудеса могут происходить с помощью сверхъестественного вмешательства; но определение чуда включает приостановление закона природы, а, следовательно, не может быть экспериментально повторено. Да, его историческая правда или ошибочность может быть исследована косвенным образом. Но подтверждение события ничего не доказывает, так как его можно научно объяснить. Например, если бы мы смогли показать, что был Иисус Христос, который действительно поднимал мертвых, это можно было бы объяснить, что то были не мертвые, а люди в коме. Подобно этому, и не подтверждение ничего не доказывает. Например, если оказывается, что данный святой никогда не жил, это просто показывает, что народ наивен, а не то, что основное учение неправильно.

Ивар уставился перед собой. "Такой разговор - сколько раз мы говорили об этом с Таней и друзьями - со жрецом необразованных изолированных жителей пустыни?"

Он напряг память. "Ну, хорошо, никто при изобилии электронной связи не изолирован по-настоящему. И я бы не удивился, если бы Яков

учился в Университете. Я сам встречался там с несколькими ор-канцами.

Если человек живет отдельно, соблюдая особый образ жизни, это еще не означает, что он неограниченный или тупой... М-м, а земляне не думают так же о нас?" - Этот вопрос вызвал обостренное неприятие.

- Я повторяю, - говорил Яков, - в моем понимании этого слова, мы здесь не проповедуем религию. У нас действительно есть доктрина.

Это же факт, подтверждаемый нормативными стратиграфическими и радиоизотопными методами сбора данных, факт, что могучая цивилизация держала аванпост на Аэнеасе шесть миллионов лет назад. И разумно логическое заключение, что эти существа не погибли, а, скорее всего, куда-то ушли, отложив в сторону детские забавы, когда достигли нового этапа эволюции. И совершенно понятно желание надеяться, и это действительно кажется более вероятным, нежели остальное, что более высокая материя космоса проявляет должный интерес к низшей и стремится помочь ей подняться выше.

Эта надежда, если вы пожелаете назвать ее так, а не чем-то более большим, чем просто надежда, является тем, что всегда поддерживала нас.

Слова эти сами по себе были бесстрастными; и хотя голос креп, интонации в основном были спокойные. И, все же, Ивар посмотрел на выражение лица и решил воздержаться от ответа.

"Какое доказательство у нас есть о какой-либо дальнейшей эволюции? К этому времени мы уже встретили много различных рас и некоторые поразительно отличны от нас не просто своими телами, а по образу мышления и своим способностям. Пока мы не нашли ни одной; которую мы бы могли назвать божественной. И почему должен разум развиваться бесконечно? Ничто другое в природе не делает этого. За той точкой, где техника становится неотъемлемой частью существования вида, какие еще формы естественного отбора могут двигать эволюцию?

Он осознавал: "Это конечно, ортодоксальное современное мышление. Может быть, отражающее горькие плоды цивилизации или усталость декадентского общества. Нет смысла отрицать - то что мы уже исследовали - является лишь одним атомом одной отдаленной галактики…

Вслух он выдохнул:

- Сейчас Яан заявляет, что Старшие готовы вернуться? И он уже соприкоснулся с их разумом?

- Это слишком упрощенно, - сказал Яков. - В

конце концов, вы можете поговорить с ним сами. - Он помолчал. - Скажу вам, что Компаньоны официально не так уж безоговорочно принимают его заявления. Но мы и не отрицаем их. Мы действительно Признаем, что вдруг неожиданно, каким-то образом скромный сапожник обрел определенные способности, определенные знания. "Замечательным" является совершенно беспрецедентная молва о том, что произошло.

- Кто он? - осмелился спросить Ивар. - Я слышал о нем не больше, чем простые слухи, намеки, догадки.

Яков говорил сейчас, как прагматичный лидер.

- Когда он впервые возник из неизвестности, и, более того, люди стали принимать его проповеди; мы, офицеры Арены увидели, какой в этом заложен взрывной потенциал, и стремились не давать этой истории распространиться, пока мы не смогли бы, по крайней мере, оценить ее последствия. Сам Яан всегда стремился сотрудничать с нами. Мы не могли совсем воспрепятствовать распространению молвы о нем за пределы страны. Но дошло уже до того, что вся планета знает хоть что-нибудь о новом культе в этом бедном уголке.

"Она не может знать что-либо больше, чем то что хотят рассказать, - подумал Ивар, - однако люди готовы поверить большему. Вполне возможно, что у меня есть новости для вас, Командующий".

- Кем он является в действительности?

- Отпрыск обычного семейства, когда-то зажиточного, судя по уровню процветания в Оркусе. Отец его, Гилеб, был торговцем, который владел несколькими автомобилями и претендовал на то, что является потомком основателя Компаньонов. Мать его, Номи, имеет еще более почетную генеалогию, восходящую к первым людям на Аэнеасе.

- Что же произошло?

- Может быть, вы припомните, что лет шестьдесят тому назад, этот регион переживал период смуты. Длительная песчаная буря погубила урожай и нанесла урон караванам; затем ссоры из-за того, что осталось, заставили старую семейную вражду вспыхнуть вновь. Она потрясла даже ближайшее окружение Компаньонов. Некоторое время разброд не затрагивал только нашу элиту.

Ивар кивнул. Он порылся в памяти, вспоминая новейшую историю, и вспомнил описания о том, как этот человек завоевал право на управление орденом Компаньонов, восстановил дисциплину и моральный дух, а далее спас все общество от

хаоса. Но это было плодом работы многих лет.

- Так как его собственность была разграблена врагами, которые жаждали крови; Гилеб бежал с женой и своим маленьким сыном, - продолжал Яков ровным голосом. - Они скитались по Анпинь, едва выжив, подошли к маленькому селению северян в плодородной части этого района. Там они нашли убогое убежище.

Когда Гилеб умер, Номи возвратилась домой с полудюжиной детей - к тому времени в уже мирную страну. Яан выучился ремеслу сапожника, а мать его была, и является, искусной ткачихой. Они вдвоем содержали семью. Яану никогда не оставалось достаточно средств, чтобы он мог жениться.

Наконец, он получил откровение… сделал открытие… что бы это ни было.

- Можете вы рассказать мне как это случилось? - спросил Ивар тихим голосом.

Взгляд Якова, устремленный на него, стал строже:

- Об этом можно поговорить позже, - сказал он. - Так как сейчас, я полагаю, нам лучше следует рассмотреть вопрос о том, какую роль вы, Первенец, могли бы сыграть в освобождении Аэнеаса от Империи - может быть, человечества от землян.

В головной повязке, халате и сандалиях, с кожей, окрашенной в коричневый цвет, и с волосами, перекрашенными в черный, Ивар мог бы избежать посторонних любопытных взглядов. Черты лица, конституция и голубые глаза были нетипичны; но хотя Орканцы долго были эндогамными, не все гены их первоначально смешанного наследия ушли с поколениями и изредка появлялись отголоски прошлого; до некоторой степени сам пророк был одним из этих отголосков. Гораздо большей проблемой был его акцент и незнание местного языка, его нетипичное поведение, походка и тысяча других тонкостей.

И все же, ни один землянин, со скукой наблюдающий за изображением на шпионском устройстве, не заметил бы различий. Многим орканцам тоже едва ли бросились в глаза странности незнакомца, им просто было не до этого. Было очень много правдоподобных объяснений мелким странностям - от простой невоспитанности и до долгой отлучки, например, на службе у северян.

Те, кто имел возможность присмотреться поближе и повнимательней едва ли бы стали распространяться о том, что видели. Так как

незнакомец шел в компании сапожника.

Такое случалось и прежде. Кто-то услышал проповедь Яана, а затем попросил личной аудиенции. По обычаю эти двое удалялись на гору одни.

Несколько ревнивых пар глаз следили за Яаном и Иваром из города. Они говорили мало, пока не ушли достаточно далеко от людей.

Вокруг были скалы, кусты, куски голой серой земли с резко очерченными синими тенями. Небо над головой было пустынным, за исключением солнца и кружащего одинокого валчера. Внизу местность уходила к унылым равнинам моря. Вокруг были холмы, поросшие скудной зеленью и редкие разбросанные дома. По дымящимся от пыли дорогам шел транспорт. На севере темной громадой высился Илион, на северо-востоке сверкал белизной Линн. В других местах горизонт был удручающе пуст. Теплый едкий ветер гладил лица, развевал одежду, шелестел над шумными водопадами.

Одеяние Яана развевалось и хлопало на ветру, когда он уверенно пробирался по тропе среди молодых побегов. Ивару не нужна была помощь, он шел, как охотник. Это получалось автоматически; все его сознание следовало за медленно

произносимыми словами:

- Сейчас мы можем поговорить, Первенец. Спрашивайте или говорите то, что пожелаете. Вы не можете напугать или разозлить меня, ведь вы пришли как живая судьба.

- Я не посланник спасения, - тихо сказал Ивар. - Я просто человеческое существо со своими ошибками, которое не верит в Бога.

Яан улыбнулся.

- Не имеет значения. Я сам не верю, в традиционном понимании. Мы используем слово "судьба" в совершенно особенном смысле. На данный момент давайте скажем так, что вас направили сюда или помогли прийти с определенной целью, - его необычные глаза встретились с взглядом Ивара и он мрачно продолжил, - потому что вы можете стать избавителем.

- Нет, только не я.

Яан снова расслабился, похлопал его по плечу и сказал:

- Я не имею в виду что-то мистическое. Вспомните свои дискуссии с Верховным Командующим Яковом. То, что нужно Аэнеасу - это объединяющая вера и объединяющий мирской вождь. Первый человек Илиона, а таковым вы станете в свое время, имеет самое большое, принадле-

жащее ему по закону право говорить от имени всей планеты, и это право широко признается. Более того, память Хуго Мак-Кормака заставит весь сектор сплотиться вокруг вас, как только вы вновь поднимете знамя освобождения.

То, что провозглашает Карунф, воспламенит многих людей. Но это слишком грандиозно, слишком ново для народа, чтобы безоговорочно войти в повседневную жизнь. Общество должно иметь... политическую структуру, которую оно понимает и принимает. Любым восстанием нужно грамотно руководить, у него должен быть лидер. Бы станете этим лидером, Ивар Фридериксон.

- Я, я не знаю... Я ни в коей мере не генерал и не политик, фактически; я ничтожно провалил ранее начатое и...

- У вас будут опытные помощники. Но не подумайте, что вы нужны нам в качестве символа. Помните, борьба займет годы. Когда вы наберетесь опыта и мудрости, вы сами придете к настоящему руководству.

Ивар блуждал в лабиринте сомнений, и осторожно сказал:

- Пока я едва ли знаю многое о ваших планах... Яан... за исключением того, что мне сказали Яков

и пара его старших офицеров. Они все время продолжали настаивать на том, что объяснить религиозный, нет, сверхъестественный… объяснить сверхъестественный аспект движения могли бы только вы.

- Баше представление о нашей вере запутано и неполно, - сказал Яан.

Ивар кивнул.

- То, что я узнал… Поправьте меня там, где я не прав.

Весь Аэнеас готов взорваться снова. Малейшая искра была бы надеждой на освобождение. Если начало будет успешным, то все больше и больше людей в секторе Альфа Круцио стали бы присоединяться к восставшим. Но с чего начать? Мы разбиты, разоружены, оккупированы.

Ну, хорошо, вы проповедуете, что близится сверхчеловеческая помощь. Стало быть, моя задача - обеспечить политическую преемственность. Аэнеанцы, особенно северяне, пошли бы напролом за Первенцем, знай они, что за его спиной стоят Старшие. И даже истинные верующие приветствовали бы такого рода альянс, понимая, что люди всю грязную работу должны сделать сами. Яан кивнул:

- Да, - сказал он. - Освобождение, которое не

заработано, стоит мало и свобода вряд ли будет длительной. И уж конечно не поможет в деле поднятия нас на следующий уровень эволюции. Древние помогут нам. Как и мы потом поможем им, в их тысячелетней битве… Я повторяю, мы не должны ждать момента революции. Чтобы подготовиться к ней, потребуются годы, а после этого последуют годы еще более жестокой борьбы. Чтобы это время пришло, ваша главная роль будет в том, чтобы просто остаться в живых, а по большому счету, быть символом, который постоянно поддерживает надежду на настоящее освобождение.

Ивар заставил себя задать вопрос:

- А вы тем временем, что будете делать?

- Я несу свидетельство, - сказал Яан; голос его был скорее скромный, чем гордый. - Я сею семена веры. Как Карунф, я могу дать вам, Компаньонам, вождям свободы, какую-то практическую помощь: например, читать мысли при благоприятных обстоятельствах. Но, в конечном счете, я являюсь воплощением прошлого, которое также является будущим.

Конечно, в конце концов, я тоже должен буду уйти и спрятаться в пустынных местах от землян, после того, как они узнают о моей роли. Или, воз-

можно, они убьют меня. Что не имеет значения. Уничтожат только это тело. А сделав так, они создадут мученика, что только на пользу делу и лишь замыкает цикл. Так как Карунф должен снова восстать.

Казалось, ветер пронзает холодом все кости Ивара.

- Кто такой Карунф? Кем он является?

- Умом Древних, - торжественно сказал Яан.

- Никто не смог толком объяснить мне, что это значит. По-моему, они сами до конца не понимают.

- Ученики чувствовали, что будет лучше, если я сам расскажу вам. Во-первых, вы не полуграмотный мастеровой или пастух. Вы хорошо образованы; вы отрицаете сверхъестественное; для вас Карунф должен использовать другой язык, чем тот, которым я пользуюсь в своих проповедях простым орканцам. Ивар продолжал идти, ожидая продолжения. Яан смотрел перед собой. Он говорил монотонно, нараспев.

- Я начну со своего возвращения сюда, после долгих лет ссылки. Я был простым сапожником, профессия, которой я научился в свободное от поиска средств к существованию время, которая помогла нам выжить. Все же, я успевал и

пользоваться экранами общественных данных чтобы читать, следить, изучать, учиться чему-то в этом мире; а ночью я часто ходил под звездами и думал.

Потом мы вернулись к горе Кронос. Я мечтал поступить добровольно на военную службу к Компаньонам, но это у меня не получилось; подготовка у них должна начинаться в возрасте, намного моложе того, в каком был я. Однако один из их сержантов, советник и магистр нашего района, проявил ко мне интерес. Он помогал мне в занятиях. И, наконец, он организовал мне в помощь почасовую с малой зарплатой должность в археологических работах.

Вы понимаете, что археология является сейчас движущей силой у Компаньонов. Они начинали в качестве военной группы, а продолжили в качестве гражданских властей. Нова Рома мог легко реорганизовать нас, пожелай мы изменений. Но поколения… пророков убедили нас, что Древние не могли умереть, и должны до сих пор жить в космосе. Тогда что может быть лучше, чем искать следы и намеки, оставленные среди нас? А кто может лучше сделать это, чем Компаньоны?

Ивар кивнул. По этой причине Университет прекратил раскопки в этих местах; чтобы избе-

жать конфликтов с местными жителями и их руководством. Мизерное количество открытий совсем охладил интерес Университета к этому району. Теперь Ивар понял, как много держалось в секрете.

Гипнотизирующий голос продолжал:

- Эта работа заставила меня почувствовать в самой глубине души, как широко космическое время переплетает нас и как мы все принадлежим ему. Я также размышлял над идеей, которую я впервые услышал, находясь в ссылке, что дидоанцы обладают таким качеством ума, существования, который намного шире нашего, как наш выше слепого инстинкта. Могли Древние иметь такой же? - не в примитивных зачатках, как у наших соседей, а в совершенстве? Могли бы мы когда-нибудь подняться на другой уровень разума?

Итак, я размышлял и все чаще и чаще один совершал походы в туннели под горой, когда там никого не было. А сердце мое вымаливало ответа, которого все не было. Пока не…

Это случилось ночью, ближе к середине зимы. Революция еще не началась, но даже здесь мы знали, что нарастает угнетение, а народ бурлит и приближается хаос. Даже у нас начались пере-

бои в снабжении некоторыми товарами, потому что торговля с внешними мирами становилась нерегулярной. Налоги и конфискации заставляли Торговцев уезжать из этого сектора, а персонал космического порта становился все более расхлябанным, так как не было должного контроля за движением транспорта. Да несколько раз гастролирующие пираты с варварских звезд проскакивали мимо незначительной стражи, чтобы пограбить и убежать. Боль Аэнеаса сильно давила на меня.

Я посмотрел на сияние близнецов Крукс и в темноту, которая рассекает Млечный путь там, где туманность скрывает от нас сердце нашей галактики; и бродя по склону горы, я спросил, неужели, во всем этом великолепии, наша жизнь может быть бессмысленным случаем, наша боль и смерть не имеют смысла.

Было ужасно холодно и я забрел в начало вновь вскрытого коридора Древних, чтобы найти укрытие. Или может быть, что-то позвало меня? У меня был фонарик, и я, почти как слепой, обнаружил, что забираюсь все глубже и глубже в неисследованные залы.

Вы должны понимать, что сама чудесная работа Древних не разрушалась, только отдельные

места, после миллионов лет землетрясений и обвалов. Однажды мы, раскопав очередной завал, нашли лабиринт, не похожий на другие. Имея скудное оборудование и мало людей, нам понадобилась бы целая жизнь, чтобы составить карту всего комплекса.

Влекомый не знаю чем, я вышел туда, где люди еще не были. Куском мела, который я оторвал от булыжника, я отмечал свой путь; но это было последнее мерцание обычного человеческого чувства во мне, когда километр за километром я приближался к своему воплощению.

Я нашел что-то в комнате, где откуда-то сверху холодно светил свет. Мне показалось, что предмет состоит большей частью из энергии, а не из материи. Перед предметом лежал обруч, который я сейчас ношу на голове. Я надел его и… Нет слов, нет мыслей для того, что пришло…

После трех дней и ночей я поднялся на поверхность, и во мне жил Карунф Древний.

Костистое чучело человека - полковник Матту Лууксон, ответил на приветствие Чандербана Десаи отдав честь, отказался от освежительных напитков и присел на кончик кресла, словно не хотел подвергать свою форму осквернению земной цивилизацией. Тем не менее, Компаньон

Арены говорил достаточно вежливо с Верховным Комиссионером Земной Империи.

- Мне сообщили о вашем решении вчера. Я ценю, что вы приняли меня по первой просьбе, при такой занятости, как ваша.

- Я был бы нерадив в отношении своих обязанностей, если бы не оказал честь представителю целой нации, - ответил Десаи. Он затянулся сигаретой, перед тем, как добавить: - Дело такой важности не терпит отлагательства.

- Орден, к которому я имею честь принадлежать, не прощает спешки, - заявил Матту. - Кроме того, вы понимаете, сэр, что моя миссия ознакомительная. Ни вы, ни мы не осмелимся раскрыть все свои карты прежде, чем узнаем ситуацию и друг друга поближе.

Десаи заметил, что нервно стучит мундштуком по краю пепельницы и заставил себя остановиться.

- Мы могли бы обсудить наши проблемы до видеосвязи, - он мягко указывал на то, что чувствует себя неважно.

- Нет, сэр, личная встреча всегда лучше. Не все Можно выразить словами. Ваш электронный образ и вид вашего офиса ничего бы не сказал нам о царящих здесь настроениях.

- Понимаю. И именно поэтому вы привезли сюда своих людей?

- Да. Они проведут здесь несколько дней, походят по городу, наберутся опыта и впечатлений, чтобы доложить нашему совету, помочь нам оценить необходимость последующих контактов.

Десаи нахмурил брови.

- Вы не боитесь, что их могут подкупить? Мысль о злачных местах в Нова Рома показалась

ему ужасно смешной и он подавил смешок. Матту нахмурился.

"То ли в гневе, то ли сосредоточившись на проблеме? Как я могу читать мысли на чужом лице?" - думал Десаи.

- Лучше я попытаюсь начать объяснение с основ, Комиссионер, - сказал Матту тщательно выбирая каждое слово. - Очевидно, у вас создалось впечатление, что я здесь, чтобы протестовать против обысков в нашей общине, и выработать взаимоприемлемые гарантии от подобных инцидентов в будущем. Это лишь Малая часть миссии.

Очевидно, ваше окружение полагает, что наша страна полна мятежным духом, несмотря на тот факт, что Оркан не поддержал восстание Мак-Кормака. Подозрения оскорбительны. Мы

живем отдельно, весь наш нравственный облик отличается от вашего!

"Проехался по земному прагматизму, - думал Десаи. - Намекает на упадок земной культуры".

- Являясь хранителем закона и порядка, - сказал Десаи вслух, - я верю вам, и рад любой возможности познакомиться с представителями каждого, пусть и небольшого народа этого мира.

Землянин, занимающий пост, соответствующий посту Матту, обязательно бы ухмыльнулся. Полковник оставался невозмутимым:

- Большое количество контактов должно уменьшить недоверие. Но это была бы недостаточная причина для изменения устоявшихся обычаев и политики.

Правда состоит в том, что Компаньоны Арены и общество, которому они служат, не так строги и ни так замкнуты, как о них повсюду принято считать. Наша изоляция никогда не была абсолютной, примите в расчет торговые караваны и молодых людей, которые годами отсутствуют, работая или учась в других провинциях. Причина подобного мнения о нас в тех обстоятельствах, которые сохраняли нас в обособлении и в человеческой инерции.

Но времена изменяются. Если мы, оркан-

цы, не хотим отставать от жизни, мы должны адаптироваться к внешнему миру. В процессе адаптации мы можем улучшить свою судьбу. Хотя нас не засосало материальное богатство, а мы действительно думаем, что было бы гибельно приобретать слишком много, все же мы не ценим бедность, Комиссионер; и не боимся новых идей. Мы лишь полагаем, что и наши собственные идеи имеют право на существование, и распространяем их среди людей, которые могут принять наши мысли и верования.

Сигарета Десаи зашипела и погасла. Он выбросил дурно пахнущий окурок и взял новую.

- Тогда вы заинтересованы в расширении торговых отношений, - сказал он.

- Да, - ответил Матту. - Сейчас мы можем предложить больше товаров, чем мы обычно реализуем. Я думаю не просто о природных ресурсах, а о рабочей силе и интеллекте, если бы больше нашей молодежи могло получать необходимое современное образование.

- И, хм-м-м, туризм на вашей территории.

- Да, - рявкнул Матту. Очевидно как личности, эта мысль была ему не по вкусу. - Чтобы развить индустрию, потребуется время, которое у нас есть, но кажется, которого нет у вас. Северяне

никогда не были заинтересованы… хотя я должен признать, что Компаньоны никогда и не делали никаких предложений. Мы сейчас вынашиваем надежду, что Империя могла бы помочь нам.

- Субсидии?

- Они могут быть невелики и кратковременны. Взамен, Империя получит не просто нашу дружбу, но и наше влияние, так как орканцы все дальше и все чаще путешествуют по Аэнеасу. Вы стоите перед лицом власти северян, которая в целом, противостоит вам, и маловероятно, что вы одолеете ее. Не мог бы Оркан своим влиянием помочь трансформировать систему власти на всем Аэнеасе?

- Вероятно. Но в каком направлении?

- Едва ли сейчас можно сказать конкретно. Ведь мы можем решить, что изоляция лучше. Я повторяю, что моя миссия является не более чем предварительным исследованием - для обеих сторон, Комиссионер.

Чандербан Десаи, который имел в своем распоряжении легионы Империи, посмотрел в глаза незнакомца, и Чандербан Десаи почувствовал оттенок страха.

Молодой лейтенант с горы Кронос открыто позвонил Татьяне Тэйн, чтобы спросить, не мо-

жет ли он навестить ее, чтобы познакомиться с человеком, который лучше всех знает Ивара Фридериксона.

- Умоляю, поймите, уважаемая леди, мы действительно ценим его. Однако косвенно, он был причиной значительных неприятностей для нас. И мне показалось, что вы могли бы посоветовать, как нам лучше убедить власти, что мы не состоим в союзе с ним.

- Не думаю, что смогу вам помочь, - ответила Татьяна, слегка удивляясь его неуклюжей откровенности.

Когда лейтенант вошел в квартиру Татьяны, подтянутый, в новенькой форме, он предложил ей в знак признательности кулон ручной работы из своей страны. Рисунок был настолько мелким, что Татьяне пришлось поднести кулон поближе к глазам и она прочла выгравированный вопрос:

"За нами шпионят?"

Сердце ее забилось. После мгновенного замешательства она покачала головой и поняла, что жест был слишком самоуверенным. Не имеет значения. Время от времени Стюарт приглашал техника, который проверял, не поставили ли земляне подслушивающих устройств. Зато вполне возможно, что само

подполье делало это... Лейтенант извлек из туники конверт и с поклоном вручил ей.

- Почитайте, - сказал он, - но мне приказано проследить и уничтожить его.

Лейтенант уселся в кресло. Взгляд его напряженно следил за действиями Татьяны. Но она вскоре перестала замечать его. Лишь после того, как она в третий раз прочла письмо Ивара, Татьяна чисто механически отдала письмо гостю, чтобы он мог выполнить полученные указания. После его ухода Татьяна еще раз мысленно перечитала письмо.

Вслед за ласковыми обращениями, которые никого не касались, шло краткое описание его путешествий. Главное - это его последняя встреча.

"...пророк, хотя он отрицает буквальное священное вдохновение, мне интересно, какая здесь,разница? Его история является современным апокалипсисом.

Я не знаю, могу ли верить всему, что он говорил. Его спокойная уверенность порождена глубокой убежденностью, но я не претендую на глубокое знание людей. Меня можно и обмануть. Чего действительно нельзя отрицать, так это то, что при определенных условиях он может читать мои мысли лучше, чем любой человек-телепат, о кото-

ром я когда-либо слышал, лучше, чем смогли бы самые высокоодаренные люди. Или даже, представители другой расы? Меня всегда обучали, что телепатия не является универсальным языком, недостаточно почувствовать излучения субъекта, вы должны узнать, что означает для него каждый образ; а образы, конечно, у всех индивидуумов разные. Еще более разные в различных культурах и в громадной степени - у каждого вида. И до наших дней этот феномен не слишком хорошо понят. Я лучше просто передам тебе собственный рассказ Яана, хотя мои несколько слов не смогут передать ничего из того подавляющего впечатления, которое он производит.

Он говорит, что после того как нашел какой-то остаток культуры Древних, о котором я упоминал, он надел "корону" на голову. Я полагаю, что это было вполне естественно. Она саморегулируемая, украшена, и может быть радиоуправляема. Во всяком случае, произошло что-то неописуемое. Небеса и ад в одном месте. Сначала в основном ад - из-за страха, непонимания; позднее - небеса. А сейчас, говорит Яан, ни одно слово не несет добра, нет таких слов для того, чтобы описать, что он испытывает, кем он является.

В научных терминах все выглядит следующим

образом: Давным-давно Старшие, или Древние, как они называют себя здесь, имели базу на Аэнеасе, такую, как на многих других планетах. Это была не просто исследовательская база. Она служили огромной цели, о которой я скажу позже. Верно то предположение, что они действительно были причиной эволюции дидоанцев - лишь один эксперимент среди многих, с целью создания большего разума, большего сознания, по всему космосу.

Наконец, они ушли, но оставили одного, которому Яан дал имя Карунф, хотя он говорит, что это имя просто для удобства восприятия нашим ограниченным разумом. Первоначально остался не Карунф, и этот первоначальный был не индивидуальность, как ты или я, но часть - осколок? - элемент? - часть славной общности, слабый намек на которую являют собой дидоанцы. То, что сделал Карунф, было по сути сканированием его (ее?) личности, нейрон за нейроном и записью ее каким-то невообразимым способом.

Извини, дорогая, я решил не употреблять местоимение он/она, которое годится для Соседей, но слишком уничижительно для Древних. Я скажу "он", потому что более привычен к этому; но, конечно, можно с таким же успехом сказать "она".

Когда Яан надел обруч, аппарат заработал, и заложенный образец был наложен на его нервную систему.

Ты можешь представить себе связанные с этим трудности. Какое ничтожное маленькое слово, "трудность"! У Яана человеческий мозг, человеческое тело; а вероятней всего, Старшие надеялись что их сокровище найдет дидоанец. Яан не может сделать ничего, для чего его собственный организм не приспособлен. Первоначальный Карунф мог, может быть, одновременно решать в уме тысячу дифференциальных урав-

нений, в долю секунды, но Карунф, использующий примитивный мозг Яана, не может. Ты улавливаешь мысль?

Тем не менее, Старшие понимали, что дидоанцы могут не быть первыми, кто войдет в ту комнату. Они встроили в систему определенную гибкость. Более того, все организмы имеют потенциал, который обычно не используется. Позволь мне привести один неуклюжий пример. Ты играешь в шахматы, рисуешь картины, управляешь самолетом и анализируешь языки. Но предположим, что ты родилась в мире, где никто не изобрел шахматы, краску, воздушную машину или семантический анализ. Понимаешь? Или

подумай, как простая физическая и умственная подготовка могут выявить способности почти у каждого?

Через три дня обработки, в течение которых он вообще не мог ни думать, ни действовать, к Яану вернулся контроль над его разумом и телом. Но в нем уже жил и разум Карунфа. Сначала это были две различных личности, существующие в одном мозгу. Это и сейчас так, но Яан все больше и больше интегрируется в этот чужой огромный интеллект. Он говорит, что, в конце концов, они станут одним, больше Карунфом, чем Яаном, и он очень этому рад.

Да, о чем он проповедует? Что хотят Старшие? Почему они делали и что они сделали?

И снова, невозможно выразить это несколькими словами. Я попытаюсь, но знаю, что мне не удастся. Может быть, твое воображение сможет заполнить пробелы. У тебя же хорошая голова, любимая.

Древние, Старшие, Строители, Высшие, Старые Шен, как только мы их не называем - а Яан не дает им отдельного имени, он говорит, что это было бы хуже для понимания, чем просто "Карунф", - появились триллионы лет тому назад, возле центра галактики, где звезды старше и

ближе друг к другу. Мы же находимся вдали на тонком ободе спиральной руки. В то время, не было еще многих звезд, элементы тяжелее гелия, были редки, планет пригодных для жизни было мало. Старшие ушли в космос и нашли, что он более пуст, чем мы могли мечтать, мы, которые имеем больше населенных миров вокруг, чем кто-нибудь рассчитывал. Они ушли внутрь себя, они преднамеренно заставили себя продолжать развивать разум, поколение за поколением, потому что им не с кем было поговорить. Как бы я хотел, иметь возможность выслать тебе записи объяснения Яана!

Потом что-то произошло. Он говорит, что еще не совсем способен понять, что. Что-то вроде раскола расы, растянувшегося на миллионы лет. Расхождение во взглядах. Не на две идеологии, а на два различных способа восприятия мира, оценки реальности, две различных цели, которые предписаны вселенной. Нельзя сказать, что одна хороша, другая дурна; мы можем только сказать, что они непримиримы. Назови их Янь и Инь, но не пытайся сказать, что есть что.

Если говорить чрезвычайно упрощенно, то Первые видят цель существования в созидании, в превосходстве материального, унификации

разума не только в этой галактике, но и во всей вселенной: так чтобы финальное крушение не было бы концом, а было бы началом. В то время как Другие стремятся к мистической общности с энергией, наивысшим смыслом считают Познание, признавая неизбежность конца вселенной.

Яану очень нравится изречение землян, которое, по-моему, очень подходит к Первым Старшим: бороться и искать, найти и не сдаваться. Другие же… Я даже не могу найти слова, которое также точно бы их охарактеризовало. Во всяком случае, не Судьба, потому что это подразумевало бы подчинение Божьей воле, а Другие вообще отрицают Бога. И не "нигилизм", который, мне кажется, подразумевает стремление к хаосу. Но то, за что выступают Другие, так чуждо хаосу… Скорее всего, я все равно буду неточен, но я бы сказал, что они верят в подъем, падение и бесконечное исчезновение. Отсюда единственным смыслом, который должна иметь жизнь, является гармония с этой кривой.

Яан говорит, что если разумная жизнь следует путем Первых, то, в конце концов, создает Бога, сама становится Творцом.

Следуя этой цели Старшие не только внимательно следили за появлением и развитием

разума на новых планетах, но и сами разносили его, как, например, с дидоанцами. При этом им еще надо было противостоять Другим.

Это не война в нашем понимании, это совсем другой уровень. Хотя и война тоже.

Попробую еще одну аналогию. Допустим, ты пытаешься принять какое-то жизненно-важное решение, которое определит все твое будущее. Ты анализируешь, рассуждаешь, пытаешься подавить эмоции. Все это, на первый взгляд, происходит в твоем уме. Работает только мозг.

На самом деле это не так. Нездоровое тело может породить нездоровое мышление. Если в этот момент твои белые кровяные тельца ведут напряженную борьбу с чужими микробами, то исход этой борьбы может очень сильно повлиять на происходящее у тебя в голове. Может быть даже решающим образом.

Любые действия разумной жизни могут оказать влияние на всю вселенную. И даже наш небольшой кусочек галактики может оказаться поворотным пунктом. Ты же знаешь как все взаимосвязано в этом мире. И эти взаимосвязи и взаимодействия все множатся и множатся.

И любая разумная раса рано или поздно приходит к такому же выбору, как и Древние. Перед

таким выбором и мы. Раздвигать ли стены своего мира устремляясь в бесконечность или искать самый гармоничный, самый красивый благородный путь в ничто, к забвению.

Существа, которые неизмеримо выше нас имеют два противоположных пути восприятия реальности. Какой выберем мы?

Избежать этого выбора мы не можем. Мы можем принимать власть, ограничения, инструкции, мы можем создавать компромиссы; мы можем прожить свою личную жизнь в безопасности; и это победа для Других в известном нам космосе, потому что именно сейчас случилось так, что хомо сапиенс является ведущим видом в этой части вселенной. Или мы можем рискнуть, бороться за свободу и, - если завоюем ее - поищем Старших, которые возвратятся и поднимут нас, как своих собственных детей, к тому большему, чем мы никогда не были раньше.

Бот, что говорит Яан, Таня, дорогая. Я просто не знаю…"

Она заглянула себе в душу и поняла: А я уже знаю.

Номи жила со своими детьми в двухкомнатной квартире в дальнем конце серой аллеи. Их окружала нищета и бедность. Но воздух здесь

был свеж, так как даже самые бедные орканцы были приучены к чистоте, а когда было мало воды для мытья, ветер быстро уносил любые дурные запахи. Бедняки не были попрошайками; Компаньоны принимали участие в судьбе остро нуждающихся и давали им работу, которую те были в состоянии сделать. Но оборванные фигуры наполняли этот район суматохой: ревущие и хнычущие дети; женщины, перегруженные кувшинами и корзинами; мужчины, занимающиеся своим ремеслом; дневной рабочий, погонщик мула, извозчик, мусорщик, ремесленник, мясник, кожевник, священник, менестрель, продавец, расхваливающий или спорящий о цене своего товара. Среди разбитых коричневых стен, на запутанных дорогах, изрытых камнями, жесткой, как железо, земле, Ивар чувствовал себя в большем одиночестве, чем посреди пустыни.

Мать пророка не удерживала сына около себя и видела его теперь изредка и урывками. На вопрос Ивара о Яане она ответила, что его нет, но пригласила в дом и угостила чаем. Ивар чувствовал себя немного виноватым, поскольку заранее был уверен, что Яана нет дома. Наверняка он сейчас где-то ходит и беседует с учениками. Не столько обучая их, сколько проверяя на них свое понима-

ние наследия Древних. Объясняя другим, и сам лучше разбираешься в проблеме.

"Я же должен сначала все понять сам, разобраться в себе и уяснить, кто же такой Яан, прежде чем смогу взять на себя те обязательства, которые он от меня требует. А кто лучше может помочь понять его, чем эта женщина?"

Она была одна, молодые были на работе или в школе. Поэтому внутри хижины было тихо, если закрыть дверь и отгородиться от уличного шума. Солнечный свет косо падал через узкие окна. Мало кто из орканцев мог позволить себе витрилл. Комната была холодная, затемненная, тесная, но очень опрятная и прибранная. Ткацкий станок Номи занимал один угол, на не законченном куске ткани виднелся тонкий рисунок в приглушенных тонах. Напротив станка располагался набор примитивной кухонной утвари. Кровати для нее и старшего сына занимали большую часть остающегося пространства. В середине комнаты стоял стол из досок, окруженный скамейками. Туда она и посадила своего гостя. Пища лежала на высоких полках или свисала с крюков - немного сушеного мяса, больше сушеных овощей и сухарей - они наполняли воздух ароматом. Сзади, за открытой дверью, была видна вторая

комната, занятая в основном койками.

Номи, мягко двигаясь по земляному полу, приготовила свежего чаю, налила и села напротив Ивара, шурша юбками. В молодости она была красива и до сих пор была красива, хотя и измождена тяжелым трудом. Более всего на ее худом лице выделялись чудесные серые глаза. Такие же получил от нее в наследство Яан. Грубое синее одеяние, капюшон, который в этом патриархальном обществе надевали на головы вдовы, на ней не выглядели унижающими достоинства; в ней было слишком много внутренней гордости, чтобы нуждаться в тщеславии.

Они беседовали ни о чем, пока она готовила горький орканский чай. Номи знала, кто он: Яан сказал, что не держит от нее секретов, потому что она может сохранить в тайне все, что он скажет. Сейчас Ивар извинился:

- Я не хотел отрывать вас от работы. Номи улыбнулась:

- Приятно прерваться, Первенец.

- Но вы… от нее зависит ваша жизнь. Если вы предпочитаете продолжать…

Она усмехнулась:

- Прошу, не лишайте меня повода для безделья.

- О-о, понятно. - Ивар не любил вмешиваться

в чужую жизнь, это шло вразрез со всем его воспитанием, но он должен был как-то продолжить откровенную беседу. - Мне кажется… что вы не особенно богаты. Я имею в виду, что Яан давно не делает обувь… как это с ним случилось.

- Нет. Он выбрал цель выше. - Казалось, что она сама удивилась неадекватности этой фразы.

- М-м, мне говорили, что он никогда не просит плату. Разве это не затрудняет вам жизнь?

Она покачала головой.

- Два его младших брата уже могут брать временную работу, они могли бы работать и целый день, но я не хочу этого; они должны получить хоть какое-нибудь образование. А… последователи Яана помогают нам. Мало кто из них может много дать, так, немного пищи, бесплатно выполненный заказ. Но такие дары возвышают.

Ее легкость исчезла. Она нахмурилась над чашкой и продолжала с некоторым трудом.

- Сначала, для меня было совсем не просто принимать эти дары. Мы всегда зарабатывали на жизнь сами, как мои родители и Гилеба, с тех пор как поженились. Но то, что делает Яан, так жизненно важно, что… Да, то что мы принимаем, это крохотная, но жертва.

- Значит, вы действительно поверили в Ка-

рунфа?

Она подняла на него глаза, а он опустил свои, когда она ответила:

- Разве могу я не верить своему собственному хорошему сыну?

- О, да, конечно, моя леди, - ответил он. - Я прошу у вас прощения, если показался… Послушайте, я здесь чужой, я знаю его всего несколько дней и… Вы понимаете? Вы наверняка знаете что-то, что позволяет вам решать, не является ли он жертвой заблуждения. У меня пока таких оснований нет.

Номи сочувственно улыбнулась, протянула через стол руку и похлопала его по плечу.

- Это так, Первенец. Вы действительно, имеете право спрашивать. Я рада, что в вас он нашел достойного товарища, в котором сильно нуждается.

"Неужели?"

Вероятно она прочла на его лице сомнения, так как продолжила тихим голосом, не глядя собеседнику в глаза.

- Почему я должна удивляться, что вы сомневаетесь? Я тоже сомневалась. Когда он исчез на те три страшных дня, и пришел домой совершенно полностью изменившийся… Да, я подумала, что у него в голове лопнул какой-то сосуд, и плакала о

моем добром, трудолюбивом первом сыне, который так мало получил от жизни.

Потом я стала понимать, что он стал выделяться среди людей, как ни один человек раньше во всем пространстве и времени. Но это не принесло радости, Первенец. Вероятнее всего он должен будет умереть. На днях я видела во сне, что он снова Яан-сапожник, женился на девушке, о которой я привыкла думать как о его невесте, и они положили мне в руки своего первого ребенка. Я проснулась, смеясь... - Пальцы Ивара сильно сжали чашку. - Но этому не суждено сбыться.

Ивар не знал, что ему следовало сказать дальше. Но их прервали и это спасло его. В дверь постучал Робхар, самый младший ученик.

- Я подумал, что вы могли бы быть здесь, сэр - сказал мальчик, переводя дыхание. - Карунф скоро придет. - Он быстро вытащил конверт. - Для вас.

- А? Что это? - уставился на него Ивар.

- Вернулась миссия из Нова Рома, сэр, - сказал Робхар, все еще тяжело дыша от волнения. - Они привезли вам письмо. Посланник передал его Карунфу, но он сказал, чтобы я доставил его прямо вам.

На письме было написано - Харазу Хайронссону.

Ивар вскрыл конверт. В конце нескольких страниц шла смелая подпись: Таня. В своем письме к ней он предупредил ее, как к нему обращаться в ответе.

- Прошу меня простить, - пробормотал он и сел, сосредоточившись на письме.

Потом Ивар на некоторое время притих, уйдя в себя. Затем извинился, сказал, что должен идти, обещал скоро связаться с Яаном и поспешно ушел. Ему следовало серьезно подумать.

Никому среди Компаньонов, кроме нескольких офицеров высокого ранга, не было сказано, кто такой Ивар. Они обращались к нему, как к Харазу, когда их могли услышать другие. Ивар показывался по возможности редко, обедал в покоях Командующего с Яковом, спал он в комнате рядом, выбирал для своих прогулок дальние залы, рампы и выходы. В этом огромном строении, больше половины было незаселенным, и он не мог вызвать чьего-нибудь подозрения. Сотрудники знали, что их шеф держит у себя кого-то особого, но были слишком дисциплинированы, чтобы шептаться об этом.

Таким образом, они с Яковом почти невидимыми прошли в помещение, используемое в качестве гаража. Яан уже пришел, откликнув-

шись на просьбу, переданную с посыльным. Часовой отдал честь, когда троица забралась в аэрокар. Несомненно, в голове у часового происходило многое, но он будет держать язык за зубами. Главная дверь отошла в сторону. Старые руки Якова умело прошлись по консоли. Машина плавно двинулась вперед, вышла на открытое пространство, поднялась вверх на километр и медленно направилась на юг.

Ветер усилился, когда день склонился к вечеру. Он завывал вокруг вздрагивающего корпуса машины. На стальной поверхности моря Оркуса бесились белые барашки волн. Волны яростно штурмовали берег и отступали, оставляя после себя частицы соли.

Яков перевел управление на автопилот, повернулся кругом на своем сидении и внимательно посмотрел на двух людей, сидевших перед ним.

- Очень хорошо, у нас есть место встречи, которую вы хотели, Первенец, - сказал он. - А сейчас не скажите ли вы зачем?

У Ивара по всему телу побежали мурашки. Он метнул взгляд на мягкое выражение лица Яана, вспомнил, что за этим стоит, и снова впился взглядом в бегущий по воде за самолетом отблеск габаритных огней.

"Предполагается, что я должен сотрудничать с ними?" - безнадежно думал он.

Но для этой задачи нет больше никого другого. Никого в целой бескрайней вселенной. Чтобы противостоять одиночеству, Ивар лелеял мысль о том, что они могут оказаться его истинными товарищами в деле освобождения.

- Я боюсь возможных шпионов, подслушивающих устройств, - сказал Ивар.

- Но не в моей части Арены, - резко ответил Яков. - Бы знаете, как часто и тщательно мы проверяем помещения.

- Но у землян много возможностей, у них ресурсы всей Империи. У них может быть шпион, о котором мы даже не подозреваем. Например, телепат. - Ивар заставил себя повернуться спиной к Яану. - Вы читаете мысли.

- В определенных пределах, - предупредил пророк. - Я уже объяснял.

"Да. Он привел меня в сердце горы и показал машину… устройство… что бы это ни было, которая содержала код Карунфа. Он не позволил мне ни к чему прикасаться, за что его нельзя упрекать. Но внутренне я был только рад, что имел уважительную причину не делать этого. И там он читал мои мысли. Я проверял его всеми способами, которые

мог себе представить, а он точно говорил мне, о чем я думаю, а также некоторые вещи, о которых я и не знал, что думаю.

Вероятно, ему бы и не понадобилась телепатия, чтобы увидеть как все мои чувства взбунтовались. Яан улыбнулся и сказал Ивару.

- Не бойтесь. У меня лишь человеческая нервная система, а она не такая уж исключительная, ,у нашего вида бывает и получше. Сам по себе, я не могу резонировать лучше, чем вы, Первенец. - И холодно добавил: - Для Карунфа это ужасно, подобно глухоте и слепоте. Но он терпит, принимая существующее положение вещей. Но здесь, внизу - слава Древним! - здесь действует его прежняя оболочка. С ее помощью можно перекодировать мозговые центры. Здесь Карунф-Яан становиться тем, чем он должен быть, и чем он будет вновь, когда его народ вернется и даст нам то тело, которого мы заслуживаем.

Во всяком случае, я мог поверить в некоторые способности Яана. Телекинез и телепатия находятся за пределами возможностей земной науки, но я читал об экспериментах в прошлых эрах, когда земная наука была более прогрессивна, чем сейчас. Подобная технология не совсем уж недоступна способностям людей, это вопрос

скорее технического развития, а не чистых исследований.

Конечно, это все мелочи, по сравнению с записью и переносом на представителя другого вида целой личности".

- Хорошо, - сказал Ивар, - если вы, используя артефакт в действительности не предназначенный для вашего организма, читаете мысли в радиусе примерно сотни метров - тогда существо, природно одаренное телепатией, должно делать это лучше!

- На территории Оркана нет представителей других рас, - сказал Яков.

- За исключением Эранната, - возразил Ивар. Напряглись ли черты белобородого? Сморщился ли Яан?

- Ах, да, - согласился Командующий. - Временное исключение. Никаких ксенофонтов нет на Арене или в городе.

- Могут быть человеческие мутанты, могут быть генетически созданные, - пожал плечами Ивар. - Или может не быть вовсе никаких телепатов; может быть какое-то устройство, которые ваши детекторы не регистрируют. Я повторяю, вероятно вы и я не оцениваем, какое разнообразие должно существовать на тысячах планет

Империи. Никто не может за этим уследить. - Он вздохнул. - Ладно, назовите меня параноиком. Назовите эту поездку излишней. Вероятно, вы будете правы. Однако остается факт, что я должен решить, что же делать - вопрос, затрагивающий не просто меня, но судьбу моего общества - и я чувствую себя спокойнее, обсуждая его вне любого воображаемого наблюдения.

"Такого, как устройство внутри горы Кронос.

Если оно действует, я надеюсь, что ему не удастся засечь мои мысли в последние несколько часов. Иначе мои неожиданные подозрения, полученные из письма Тани, могли бы меня выдать".

Яан проницательно спросил:

- Не взвинтило ли вас возвращение нашей Нова Ромской миссии?

Ивар кивнул с излишней энергичностью.

- Послание, которое вы получили от возлюбленной?

- Я уничтожил его, - признал Ивар. Если бы его попросили показать его содержание, этого нельзя было бы избежать. - Из-за сведений личного характера.

Они не удивились, большинство людей поступили бы именно так.

- Однако вы можете догадаться, что она обсуждала эти вопросы с освободительным движением. Мое письмо и разговор с вашим эмиссаром убедили ее в том, что наши и ваши интересы в деле избавления от ига Империи совпадают.

- И сейчас вы желаете дальнейших подробностей, - сказал Яков.

Ивар снова кивнул.

- Я бы хотел понять… Тем более, что вероятнее всего Комиссионер Десаи откликнется на ваш план… Это будет означать, что сюда придут земляне, чтобы обсуждать и воплощать планы экономического роста этого региона. Что это несет для нашего освобождения?

- Я думал, что объяснил, - терпеливо сказал Яан. - Это план Карунфа. Поэтому он долгосрочный, как и должен быть; что до надежд, которые на него возлагаются, то они касаются оружия! Давайте копить силы, пока не наступит наше время, иначе Империя раздавит нас, как блоху ногтем.

План Карунфа. Аэрокар пересек море и сельскохозяйственные угодья, окаймлявшие южный берег, и летел теперь над настоящей пустыней. Выветренные остроконечные скалы поднимались над испепеленными дюнами; пыль поднималась и вихрилась; Ивар заметил вы-

сохшие кости океанского монстра, ненадолго открытые ветром.

- Идея неплохая… шанс тут действительно есть… однако слишком все тонко… Может ли представитель совершенно отличного от людей вида так хорошо постичь наш характер? - заволновался Ивар.

- Поймите, во мне он получеловек, - ответил Яан. - и… у него на вооружении многомиллионная история. Люди же не более уникальны, чем другие софонты. Карунф находит среди рас общие черты, которых мы не видим.

- Я тоже стал беспокоиться, - вздохнул Яков.

- Я жажду увидеть нас свободными, но едва ли проживу так долго. И все же, Карунф прав. Мы должны подготовить всех аэнеанцев с тем, чтобы, когда наступит день, мы поднялись все вместе.

- Расширение торговли является средством в этом направлении, - уверил Яан. - Оно должно заставить орканцев путешествовать по всей планете, встречаться с другими представителями Аэнеаса, в которых живет вера и огонь. О-о, наши агенты не собираются проповедовать, они не будут знать ни о чем, кроме того, что должны совершать практические сделки и делать необходимые приготовления. Но они неизбежно будут

вступать в контакты, а это разбудит интерес, и их будут слушать и северяне, и речной народ, и тинеранцы и кто бы там ни был. Кто же не захочет послушать новости из далеких краев.

- Я слышал это несколько раз, - ответил Ивар,

- и все таки не совсем понимаю. Послушайте, вы ведь не ожидаете, что произойдет массовое обращение в веру орканцев, не так ли? Говорю вам, что это невозможно. Наши культуры слишком сильны своими особенными священными привязанностями - традиционными религиями, язычеством, служением предкам, и всяким другим.

- Конечно, - мягко сказал Яан. - Но разве вы не можете понять, Первенец, что в счет идет само их убеждение? Орканцы своим примером и заповедями заставят каждого аэнеанца удвоить свои особые надежды. И ничего в моем послании не противоречит никакому основному принципу веры молодых. Возвращение Древних укрепит наши надежды независимо от того, какую бы форму они не приняли.

- Я знаю, знаю. Простите, я продолжаю быть скептически настроенным. Но не обращайте внимания. Я не думаю, что это может принести какой-нибудь вред, и, как вы говорите, мешало

бы сохранять живым дух сопротивления. А что касается меня? Что по вашим расчетам должен делать я тем временем?

- Б недалеком будущем наступит время, - сказал Яков, - вы поднимете знамя независимости. Сначала нам надо подготовиться; мы не должны рисковать тем, что вас сразу же схватят враги. Вполне вероятно, вы должны будете провести несколько лет на другой планете, ведя партизанскую войну на Дидо, например, или посещать иностранные дворы и вести переговоры об их поддержке.

Ивар собрался с силами и прервал:

- Как Иттри?

- Ну... да. - Яан даже не заметил своего мимолетного колебания. - Да, мы могли бы получить помощь от Владений, но не сейчас, пока вы представляете маленькую группу, стоящую вне закона, а позднее, когда наше дело будет выглядеть более многообещающим. - Он наклонился вперед. - Если говорить откровенно, то ваша роль, в самом начале, будет ролью овода. Вы будете отвлекать Империю от того, чтобы она не заметила ничего опасного для себя во влиянии орканцев, путешествующих по Аэнеасу. Вы не можете надеяться на совершение чего-то большего, по

крайней мере, в первые несколько лет.

- Не знаю, - сказал Ивар с упрямством, достойным лучшего применения. - Мы могли бы получить помощь у Иттри скорее, может быть, совсем скоро. Из тех намеков, которые делал Эраннат... - Он выпрямился на своем сиденье. - Почему бы не отправиться и не поговорить с ним прямо сейчас?

Яан смотрел в сторону. Яков сказал:

- Боюсь, что в данный момент это нецелесообразно, Первенец.

- Как знать? Где он? Яков стал суровее.

- Вы сами беспокоитесь о том, что еще может пустить в ход враг. То, чего вы не знаете, вы не можете разгласить. Я должен просить вашего терпения в этом деле.

Внутри Ивара все дрогнуло, словно ветер подул между ребрами. Интересно, насколько ему удалось сымитировать согласие и покорность.

- Хорошо.

- Нам лучше отправиться назад, - сказал Яков. - Близится ночь.

Яков развернулся сам и развернул аэрокар. В кабине стало темнее, так как буря усилилась. Ивару это помогло скрыть выражение лица. А внешний шум помог заглушить стук его сердца.

Он медленно сказал:

- Вы знаете, Яан, есть одна вещь, о которой, по-моему, вы никогда говорили. Как выглядит раса Карунфа?

- Это не имеет значения, - ответил пророк. - Они являются больше мозгом, чем телом. В действительности, их общность включает многочисленные различные виды. Подумайте о Дидо. В конце концов, все расы будут принадлежать одному виду.

- Хм-м. Однако не могу удержаться от любопытства. Давайте изложим это так. Как выглядело тело, которое действительно лежало под сканнером?

- Ну…

- Давайте же. Может быть ваши орканцы так не привычны к образам, что не настаивают на описании. Уверяю вас, компаньон, другие аэнеанцы совершенно не такие. Они наверняка спросят. Почему бы не рассказать мне?

- Ах-хм-ах, - что-то невнятно пробормотал Яан. Казалось, он немного смущен, словно сознание, наложенное поверх него, не очень хорошо работает на большом расстоянии от излучений подземного сосуда. - Да. Он… мужчина… представитель двуполого теплокровного вида… не

млекопитающее; потомок орнитоидов... во многом похож на людей, но красивый, намного более утонченный чем мы и похож на скульптуру. Тонкие черты, расположенные под острыми углами; голос звучит, как музыка. Нет. - Яан прервался. - Больше я ничего не могу сказать, и в конце концов, это не имеет значения.

- Вы уже сказали достаточно много, - подытожил Ивар.

Все оставшееся время спутники молчали. Когда самолет двигался вниз к Арене, Первенец заговорил:

- Пожалуй, я хотел бы побыть один и подумать. Я привык к пространству и одиночеству, если мне следует принять важное решение. Не одолжите ли мне этот самолет. Я слетаю в спокойное место, приземлюсь, посмотрю на луны и звезды... Вернусь к

утру и дам вам знать, как обстоят у меня дела. Можно?

Ивар хорошо продумал и мысленно отрепетировал свою речь. Яков не возражал. Яан высказал движением плеча свое сочувствие.

- Конечно, - сказал пророк. - Да пусть пребудут с вами храбрость и мудрость, дорогой друг.

Когда они покинули машину, Ивар быстро

поднялся и взял курс через надвигающуюся грозу, стремясь умчаться как можно быстрее и как можно дальше. Страх перед возможным преследованием наступал ему на пятки.

А в голове у него стучало:

"Они тоже подвержены ошибкам. Я застал их врасплох. Яан явно не был готов к тому, что я попробую его обмануть, несмотря на все его способности".

После захода солнца холодный ветер наполнил воздух вокруг гор мелким песком. Тусклый диск малой луны не давал света, звезд тоже не было видно. Не светились окна в деревнях и фермах, разбросанных по горам. Видимость ограничивалась несколькими метрами.

Посадка по приборам, решил Ивар, ему на руку. Он может приземлиться невидимым. При других обстоятельствах ему пришлось бы парковать машину за горной грядой или гротом в нескольких километрах от цели и прокрадываться дальше пешком. В действительности, у него был скудный выбор. Идти через пустыню без элементарного компаса, значит наверняка заблудиться. Но бродить около Арены - возбуждать подозрения часовых. Как ни крути, и то и другое плохо.

И, конечно, Ивар очень не хотел быть высле-

женным, пойманным и с позором возвращенным в свои покои. Но страх прошел, волнение смыло голод и жажду и Ивар занялся подготовкой к длинному путешествию. Он надел плащ и спрыгнул на землю.

Ветер гудел и завывал, как потерянная душа. Он нес с собой зябкую дрожь и запах железа. На зубах скрипел песок. Ивар натянул ночную маску и направился вперед.

С минуту Ивар беспокоился, как бы не уйти в сторону от маршрута, несмотря на план местности.

Но затем он запнулся носком об осколок скалы, который упала с кучи, наваленной на новых раскопках. Перед ним был свободный проход по горе к туннелю, по которому его водил Яан.

Пока он стоял у входа, Ивар не включал фонарь, который взял из оборудования кара. Только после того, когда он вошел внутрь, Ивар включил фонарь, и нащупал люк.

Дверь, сделанная людьми скорее для защиты от непогоды, чем от охотников за реликвиями, была без замка и легко открылась. Закрыв ее за собой, Ивар остался стоять в полной тишине. Неподвижный, холодный мрак прерывался лишь тусклым лучом от фонаря. Ивару казалось, что он дышит

слишком громко. Пальцы нервно нащупывали тяжелый нож, который Ивар носил с тех пор, как ушел из Винохума. Нож был его единственным оружием. Более серьезное оружие привлекло бы излишнее внимание, а Ивар не мог себе этого позволить.

"Что я там найду?

Вероятно, ничего. Я смогу поближе рассмотреть машину Карунфа, но у меня нет инструментов, чтобы открыть ее и исследовать. Если бы найти еще что-нибудь... Но коридоры образуют сумасшедший лабиринт...

Там не менее, если и стоит что-либо искать, то только в районе последних раскопок. Может по свежим следам я обнаружу что-то интересное, скрытое от остальных людей и учеников пророка".

Ивар медленно продвигался вперед. Его шаги гулко отдавались от сводов, хранивших тишину веками.

"Почему я это делаю? Потому что мерсейцы могут иметь к этому отношение? А это плохо, если они причастны. Таня была счастлива после того, как она услышала об этом. Она думает, что Ройдгунат мог бы действительно прийти к нам на помощь, и надеется, что я могу каким-то образом

войти в контакт с их агентом".

Но Иттри тоже могла бы помочь. В таком случае, почему вожди Оркана не хотят позволить мне увидеться с Эраннатом? Отговорки их звучат неубедительно.

А что, если Древние работают посредством мерсейцев? Но тогда, почему они обманули Яана? Может быть, он не должен был знать?

Я должен выяснить правду или я потеряю право вести свой народ, если такое право у меня когда-либо было".

Ивар шагнул в темноту.

На глубине одного километра Ивар остановился. Он оказался около комнаты канонизации Яана. Фонарик скользнул по металлической эмблеме, затем снова вернулся на пол туннеля.

За последнее время сюда было сделано немало визитов, поэтому вековая пыль была потревожена. Ивар прошел по проходу. Предмет в комнате последний раз блеснул в свете фонаря и скрылся из вида. Спутником Ивара осталось только слабое пятно света. Он продвигался медленно, осторожно. Тишина была почти абсолютной. Бух-бух, стучало сердце, бух-бух, бух-бух.

Открыв очередную дверь, Ивар обнаружил нечто странное. Он не удивился бы если бы об-

наружил чьи-то следы. Кроме Яана, кое-кто из офицеров Компаньонов, которых пророк приводил сюда, отваживался ходить и дальше. Нет, Ивара остановило другое - аккуратно убранная пыль по всему коридору.

Ивар постоял несколько минут, собираясь с мыслями. Когда он двинулся дальше, в правой руке у него был нож.

Поворот, еще поворот. По логике здесь следовало остановиться. Дальше начинался лабиринт, пройти по которому можно было бы только после тщательных исследований. Но ученых пустят сюда еще очень не скоро. Ивар заметил, что метла, или что там еще было, прошлось мимо всех входов в лабиринт. Что ж, резонно. Иначе сразу бы стало ясно, в какой из них вели следы, которые хотели скрыть. А прятали явно не обычные следы, каких тут было немало, а какие-то особенные, странные…

Ивар прошел в каждый из коридоров и обнаружил, что следы уборки заканчивались через несколько шагов в двух из них. Дальше была вековая пыль. В третьем подметали несколько дальше, а потом шли цепочки следов. Две пары следов были оставлены

людьми, одна - иттрианцем. Возвращались

только люди. Но поверх старых были еще одни следы, более свежие.

Это были следы существа, которое ходило на лапах, похожих на птичьи.

И снова Ивар замер. Его слегка знобило.

"Может быть, мне следует повернуться и убежать? Куда я побегу? А Эраннат..."

Это заставило его решиться. Какой аэнеанец оставит друга? Если иттрианин еще жив.

Ивар призадумался. На его пути было две двери. Он посветил в них, но увидел только пустые, причудливой формы, комнаты.

Затем пол резко уходил вниз, и коридор опять повернул. Впереди, из-под арки в правой стене забрезжил тусклый желтый свет.

Ивар не позволил себе испугаться, выключил фонарь и проскользнул к таинственному месту. Приготовившись к прыжку, он заглянул за край.

Еще одна комната, на этот раз гексогональная и с высоким куполом, уходила на семь метров в скалу. Посередине комнаты стоял массивный стальной стол, к которому были припаяны круглый светильник, переносное гигиеническое устройство, и цепь метровой длины. На столе стоял пластиковый стакан и сосуд с водой. Прямо на полу лежал матрас, единственное удобство

среди разноцветной жесткости.

- Эраннат! - крикнул Ивар.

Иттрианин сгорбившись сидел на матрасе. Его перья потускнели и поникли, голова превратилась в изможденный череп. Цепь заканчивалась браслетом, который охватывал его левое запястье.

Ивар вошел. Иттрианин стряхнул с себя дрему и узнал его. Гребень его встал, желтые глаза загорелись.

- Привет, - выдохнул он.

Ивар встал на колени, чтобы обнять его.

- Что они сделали? - закричал человек. - Почему? Бог мой, эти ублюдки…

Эраннат встряхнулся. Голос его звучал хрипло, но в нем звенела сила.

- Нет времени для сантиментов. Что привело вас сюда? За вами не следили?

- Я с-с-стал подозревать, - Ивар встал на ноги, потер колени, приходя в себя. Пленник был слишком уверен в опасности. Это можно было видеть по каждому колебанию его перьев. А кто мог лучше знать, какие опасности живут в этой могиле? Никогда еще раньше мозг Ивара не работал так быстро.

- Нет, - сказал он, - Я не думаю, что они меня

подозревают в подобном поступке. Я улетел под предлогом желания побыть одному, вернулся назад и приземлился под прикрытием песчаной бури. Меня заставило задуматься письмо от моей девушки. Она узнала о тайном агенте Мерсеи, который находится на Аэнеасе. Телепат какого-то мощного вида. Его описание соответствовало описанию Яаном Карунфа. Вот тогда я подумал, что может быть здесь разыгрывается какой-то жестокий фарс. Яан, видимо, что-то почувствовал и пытался узнать, что мне написали, но письмо я уничтожил, а потом старался держаться подальше от Арены. До того как все посмотрю сам

- Вы хорошо сделали. - Эраннат провел когтями по руке Ивара; человек знал, что это знак благодарности. - Будьте осторожны. Айчарайч где-то здесь. Будем надеяться, что он спит, и будет спать, пока вы не уйдете.

- Пока мы не уйдем.

Эраннат хохотнул. Цепь зазвенела. Он не стал даже спрашивать, как предполагается разрезать ее.

- Я принесу инструменты, - сказал Ивар.

- Нет. Слишком ненадежно. Вы должны бежать и унести сообщение. При этом если вы сумеете прояснить ситуацию, вероятно, меня могут

освободить, не причинив вреда. Айчарайч не мстителен. Я верю ему, когда он говорит, что сожалеет о том, что вынужден пытать меня.

Пытать? Следов пыток не видно… Конечно. Держать короля неба на цепи, заживо погребенным, изо дня в день без солнца, звезд, ветра. Было бы менее жестоким держать его над медленным огнем. Ивар подавил ярость.

Эраннат заметил это и предупредил.

- Бы даже гнева не можете себе позволить. Послушайте. Айчарайч разговаривал со мной без утайки. Я думаю ему, должно быть, одиноко здесь взаперти, не имея ничего, кроме манипуляций и эпизодической возможности подержать за ниточки свою марионетку - пророка. А возможно ему нужны разговоры со мной, он вызывает в моем сознании ассоциации и, таким образом, читает больше моих мыслей? Бот почему меня оставили здесь живым. Он хочет высосать из меня информацию.

- Кто он? - прошептал Ивар.

- Житель планеты, которую он называет Черионом, где-то в Мерсейском Ройдгунате. Это старая-старая цивилизация, некогда широко распространенная и могучая… Да, он говорит, что чериониты были Строителями, Древними. Он не

сказал, что их заставило уйти. Он признается, что сейчас их мало, а те способности, которые они имеют, целиком порождены их разумом.

- Они не супер-дидоанцы, ... интеллекты, объединяющие галактику как верит Яан?

- Нет. И у них нет философского конфликта между собой по поводу окончательной судьбы сознания. Эти истории просто выгодны для целей Айчарайча. - Эраннат сгорбился над своими крылатыми лапами. Голова его выдавалась вперед на фоне перламутра и теней.

- Послушайте, - сказал он. - У нас осталось лишь кроха времени. Не перебивайте, если только я не буду выражаться непонятно. Слушайте. И запоминайте.

Слова вырывались резко, как порывы осеннего ветра:

- На Черионе они сохраняют остатки технологии, которыми они не поделились со своими хозяевами мерсейцами - если мерсейцы действительно их хозяева, а не орудия. Я размышляю над этим. Однако мы не должны сейчас об этом задумываться. Как Можно предположить, технология эта способна преобразовать разум. Потому они являются превосходнейшими телепатами, более одаренными, чем представляет наука, из-

вестная нам.

Существует какое-то окончательное качество ума, которое идет глубже, чем язык. На близком расстоянии Айчарайч может читать мысли любого существа - любую речь любого вид, так он утверждает - само собой разумеется, что это преувеличение. Я подозреваю, что то, что он делает - почти молниеносно анализирует образец, определяет универсализм логики и смысла, а отсюда идет к реконструкции всей умственной конфигурации… Как если бы его нервная система включала не только чувствительность к излучению других, но и органичный семантический компьютер, фантастически превосходящий все, что техническая цивилизация когда-либо построила.

Не в этом дело! Эти способности привели черионских ученых к необходимости сосредоточиться на технологии и нейрологии. Их наука окостенела за миллионы лет, как вся их цивилизация окостенела, отступая, умирая… Вероятно, Айчарайч один старается воздействовать на действительность, стараясь остановить вымирание своего народа. Я не знаю. Что я действительно знаю, так это то, что он служит офицером разведывательных служб Ройдгуната с разъездными

миссиями. Сюда входит и то, чтобы подогревать беспорядок в Империи, как только возможно.

Во время режима Снелунда он рыскал в секторе Альфа Круцио. Это было нетрудно. Ошибки в управлении уже повсюду привели к распущенности и неразберихе. Конфликт вокруг Джиханната подводил к этому кризису, а Мерсее нужны были горячие точки на границе с Землей.

Айчарайч тайно высадился на Аэнеасе и рыскал в округе. Он нашел несколько планет, на которых готовились восстания. Он нашел источник напряжения, способный разорвать Империю. Потому что все народы здесь, со всеми их различиями, глубоко религиозны. Дать им общую веру, миссионерское дело, и они могут стать фанатиками.

- Нет, - Ивар не мог сдержать протест.

- Айчарайч так думает. Он потратил очень много времени и энергии на ваш мир, однако, этот его ценный дар мог бы служить ему везде.

- Но одна планета против нескольких миллионов…

- Культ бы распространился. Он говорит о воинственных религиях вашего прошлого - ислам, так кажется, называется одна из них? - религии, которые выводят неизвестные племена к мировому господству и стряхивают старые доминионы к

своим корням в течение одного поколения.

Я должен торопиться. Он нашел, что самое подходящее место для первой искры здесь, где Древние свили гнездо в центре каждого сознания. В Яане, мечтателе, чья жизнь и обстоятельства по случайности соединились, чтобы стать правдоподобным человеческим образцом, он нашел самый подходящий легковоспламеняющийся материал.

Он не может сам ввести мысль в мозг, который не рожден, чтобы воспринять ее. Но у него есть машина, которая может. В этом нет ничего фантастического. Человеческие, иттрианские или мерсейские инженеры могли бы разработать подобное приспособление, если бы у них был достаточный стимул.

Айчарайч, другое дело. Телепатия различных видов присуща эволюции на его планете. Вы помните вонючек, которых держат тинеранцы? Я спрашивал и он подтвердил, что они выходцы с Черионa. Несомненно, эффект их воздействия на человека подсказал ему этот план.

Айчарайч позвал Яана вниз, туда, где обитал в лабиринтах. Он дал ему наркотики и… думал над ним… лишь ему известным способом, используя машину… пока не внедрил в Яана набор

фальшивых понятий, памяти, и идеологию, сопровождающую их. Затем он выпустил свою жертву.

- Искусственная шизофрения. Раздвоение личности. Человека вздравом уме заставили слушать голоса. - Ивар вздрогнул.

У Эранната была более жесткая душа; или, может быть, он просто успел свыкнуться с этим фактом в своей тюрьме? Он продолжал:

- Айчарайч удалился, так как у него было много других злых умыслов, которые он должен осуществить. То, что он сделал на Аэнеасе могло бы и не принести плодов. В случае провала он не терял ничего, кроме своего времени.

Недавно он вернулся и нашел, что опыт оказался успешным. Яан завоевывал сторонников по всему Оркану. Слухи о новом послании распространились по всей планете от новоявленных апостолов, всегда готовых на все, что может питать веру. А у вас сейчас все ждут слово надежды.

События должны направляться с мастерством и терпением или движение ни к чему не придет. Вместо революции и крестового похода возникнет еще одна секта. Айчарайч устроился, чтобы наблюдать, замышлять, чаще внушать Яану с

помощью своего проектора мысли - откровение Карунфа.

Вдруг иттрианин задохнулся и зашипел. Его свободная лапа рассекла воздух. Ивар подскочил и обернулся.

В дверном проеме, как на картине, на фоне беспросветной тьмы стояла очень похожая на человека фигура. Высокий, стройный, в сером одеянии, он был даже красив, вот только ноги его заканчивались птичьими лапами с когтями. Кожа отсвечивала золотом, гребень, который располагался на совсем голой голове, стоял, отливая синим цветом, глаза были сочно бронзовые. Лицо было очень худым, превосходной формы. В одной тонкой руке он наготове держал бластер.

- Приветствую, - с улыбкой почти пропел Айчарайч.

- Бы проснулись и почувствовали, - проскрипел Эраннат.

- Нет, - сказал Айчарайч. - Мои сны не мешают мне слушать. Потом я с интересом ждал развития вашего разговора.

- И что теперь? - спросил Ивар.

- Так ведь это зависит от вас, Первенец, - ответил Айчарайч с неизменной мягкостью. - Могу я с полной откровенностью поприветствовать вас?

- Вы… работаете на Мерсею.

Бластер не дрогнул и слова текли плавно:

- Правильно. Бы возражаете? Ваше желание - свобода. Желание Ройдгуната - чтобы вы ее получили. Так обстоят дела.

- П-п-предательство, убийство, пытка, вторжение в разум человека…

- Существование всегда имеет огорчительные необходимости. Не будьте чрезмерно горды, Первенец. Вы, если сможете, готовы начать революцию, где погибнут миллионы, еще миллионы будут искалечены, будут голодать, преследоваться, подвержены горю. Не так ли? Я лишь помогаю вам. Разве это ужасно? Какое счастье потерял Яан, которое не восполнило бы его потерю в тысячекратном размере?

- А как насчет Эранната?

- Не обращайте на него внимания, - прохрипел иттрианин человеку. - Подумайте, почему Мерсея хочет, чтобы Империя зашаталась и рухнула? Не ради свободы Аэнеаса. Нет, чтобы пожирать нашу пищу.

- Следовало ожидать, что Эраннат заговорит в этом духе. - В голосе Айчарайча слышались следы насмешки. - В конце концов, он служит Империи.

- Что? - Ивар застыл там, где стоял. - Он?

Нет!

- Кто еще по логике вещей мог предать вас на реке, как только удостоверился в том, кто вы такой?

У него не было средств предотвратить ваш побег, так уж случилось. Поэтому его задачей было сопровождать вас, в надежде что позже появится возможность отправить другое послание, а тем временем собирать подробную информацию о местных движениях сопротивления. По той же самой причине он еще раньше помог вам убежать из деревни, когда у него были только догадки относительно вашей личности.

Я знал его цель - я не вечно скрывался под землей, я ездил взад и вперед по миру. Отдавал Яану приказы, который передавал их Якову. - Айчарайч вздохнул. - Это было отвратительно, то что пришлось сделать с Эраннатом. Но мой долг был извлечь все, что он знает.

- Эраннат, - умолял Ивар. - Это неправда! Иттрианин поднял голову и сказал надменно.

- Правду вы должны найти в себе, Ивар Фридериксон. Что вы намерены делать. Стать еще одной марионеткой Айчарайча или бороться за жизнь своего народа?

- У вас есть выбор! - пробормотал черионит. - Я вам не желаю зла. Тем не менее, я тоже на войне и не могу прекратить свою деятельность. Или вы присоединитесь к нам полностью и по доброй воле, или умрете.

"Как я могу сказать, чего я хочу?" - Сквозь страх и муку Ивар чувствовал на себе пустой взгляд Айчарайча. За ним, должно быть, сконцентрирован интеллект, наблюдающий, ищущий, читающий. - "Он узнает, что я собираюсь делать до того, как я сам буду это знать". - Его нож упал на пол. Почему бы не сдаться? Для Аэнеаса это может быть правильно... и не важно, что говорит Эраннат. И все же...

Все взорвалось. Иттрианин схватил нож. Балансируя на одном огромном крыле, он другим закрыл Ивара, опрокинув человека назад и прикрыв своим телом.

Айчарайчу должно быть, было неважно, что происходит в голове охотника. Он выстрелил. Луч сверкнул ослепительной вспышкой. Ивар увидел слепящую синеву, почувствовал запах озона и разорванной спаленной плоти. Смерть проскочила мимо.

Эраннат рванулся вперед. Сзади осталась его кисть на цепи, Эраннат отрезал себе лапу в за-

пястье.

Второй залп бластера разорвал Эранната на части. Но здоровое крыло успело нанести удар. Отброшенный назад к стене, оглушенный, Айчарайч осел. Бластер выпал из его рук.

Ивар подхватил оружие. Эраннат шевелился. Кровь хлестала из-под почерневших перьев. Глаза закрылись. В груди у него свистело и булькало.

Ивар опустился на колени, чтобы поддержать друга. Глаза Эранната еще могли видеть.

- Так бог… преследует меня… я бы хотел, чтобы это было под небесами, - закашлял Эраннат. - Эян хаа-харр, Хлирталя.

Свет золотистых глаз потух навсегда.

Боковым зрением Ивар заметил движение и поднял бластер. Айчарайч пришел в себя и направился к выходу.

Вместе с биением сердца Ивар готов был завыть: остановись, мы союзники! Минутного колебания было достаточно, чтобы Айчарайч исчез. И тогда Ивар понял, что увидел черионит: никакого союза не могло быть.

"Я должен выбраться, иначе Эраннат… Все… пойдет прахом". Ивар вскочил на ноги и побежал. За ним тянулся кровавый след.

Со смутным удивлением Ивар заметил, что в какой-то момент проверил оружие. Его луч наискось прорезал тоннель.

"Не могу печалиться. Не могу бояться. Ничего не могу делать, только бежать и думать.

Айчарайч впереди меня? Он оставил следы в обоих направлениях. Нет, уверен, он не впереди. Он понимает, что я направляюсь на поверхность. Я обог нал бы его. Поэтому он направляется в свое логово. Из него есть выход наверх? Вероятно, нет. А даже, если есть, разве он откроет его? Это бы спутало всю его игру. Нет, он будет следовать за мной, используя свою адскую машину, чтобы внушить подсознательные действия Яану".

Показалась комната откровения. Ивар остановился и потратил минуту, посылая пламя на адскую машину внутри. Он не мог сказать, разрушил ее или нет, но очень хотел надеяться на это.

Вперед из дверей. Вниз по склону горы, через густую пыль к ветру, который не довелось ощутить Эраннату перед смертью. К аэрокару. Взлет.

Буря завывала и швыряла песок.

Ивар прорвался сквозь пелену облаков и уверенно лег на курс. Сияли неисчислимые звезды. Впереди высились высоты Илиона; внизу мерцал и гремел Линн.

Это наш мир. Ни один иноземец не будет строить его будущее.

Сигнал на экране радара заставил его обернуться. Сзади появились две чужие машины. Неужели Айчарайч послал погоню? У Ивара созрело решение, оно жило в нем все последние часы, а может скрыто созревало в нем всю жизнь. Он включил радио.

Имперцы построили несколько станций спутниковой связи. Если он назовет себя и вызовет военный эскорт, то вероятно, получит его - через несколько минут.

Таня, думал он, я лечу домой.

Звон раздавался из колокольной башни Университета. Мелодия была старой, но, а сегодня она звучала мирно.

Или Чандербан Десаи намеренно обманывал себя? Он не был уверен в наступлении мира и размышлял о том, могли бы он или любой другой человек когда-либо быть уверены.

Конечно, молодой человек и молодая женщина, которые сидели бок о бок, смотрели на него с настороженностью, которая все еще могла маскировать враждебность.

- Я прошу извинения, что вторгся к вам так скоро после вашего воссоединения, - сказал Десаи. Он

прибыл три минуты назад. - Я пробуду недолго. Бы сможете снова наладить свою личную жизнь. Но я подумал, что несколько объяснений и заверений с моей стороны могли бы помочь вам.

- Не такая большая беда - полчаса в вашей компании. Особенно после десяти дней под замком, в полном одиночестве, - резко бросил Ивар.

- Я сожалею о вашем задержании, Первенец. Это неприятно. Мы действительно вынуждены были изолировать вас на некоторое время. Несомненно, вы понимаете, что мы должны были проверить ваши сведения. Мы вынуждены были позаботиться и о вашей безопасности. Это потребовало времени. Без сотрудничества Проссера Тэйн это заняло бы еще больше времени.

- Безопасность… угу…

Ивар перевел упрямый взгляд с Десаи на Татьяну.

- Террористы из самозваного движения освобождения, - заявил Десаи, а голос его звучал тверже, чем ему хотелось, - уже уничтожили ряд аэнеанцев, которые поддерживали правительство. Ваше возвращение к нам, разоблачение вами заговора, который мог бы действительно отторгнуть сектор от Империи - все это могло бы толкнуть их на очередное убийство.

Ивар некоторое время сидел молча. Звон за окном затих. Наконец, он спросил Татьяну:

- Что ты сделала?

Она сжала его руку сильнее.

- Я убеждала их. Я никогда не называла имен… Комиссионер Десаи и его офицеры никогда не спрашивали у меня никаких имен… но я разговаривала с лидерами, я была посредником. Будет всеобщая амнистия.

- За последние проступки, - напомнил Комиссионер. - Но мы не можем позволить еще что-либо подобное. Я надеюсь на вашу помощь в предотвращении дальнейшего террора. - Он помолчал. - Если Аэнеас должен снова установить законность и спокойствие, вы, Первенец, должны возглавить это движение.

- Из-за того чем я являюсь или был? - резко сказал Ивар.

Десаи кивнул.

- Люди будут внимать вам, говорящему о примирении, больше, чем кому-либо другому. Особенно после того, как ваша история стала достоянием гласности, или ее большая часть, что тоже мудро.

- Почему не вся?

- Разведка Флота, вероятно, захочет сохранить

некоторые детали в секрете. Незачем раскрывать все наши карты противнику. И, м-м-м, несколько высокопоставленных офицеров просто не захотели выставляться на посмешище из-за своего головотяпства.

- Бы, например? Десаи улыбнулся.

- Между нами, я имел в виду таких лиц, как губернатор сектора Муратора. Я не являюсь достаточно важным лицом, чтобы вызвать сенсацию. И на Ллинтавре будут благодарны. Начиная с этого времени, я могу рассчитывать на полную свободу действий в Вергилианской Системе. Я провожу твердую политику, использую непосредственные консультации с представителями каждого общества Аэнеаса. Постепенно правление полностью перейдет в их руки.

- Хм. Включая орканцев?

- Да. Командующий Яков был потрясен, когда узнал правду, а он жесткий человек и верит только в благополучие своего народа. Он согласен, что Империя лучше всех может помочь им выйти из создавшихся трудностей.

Ивар переживал все заново. Татьяна наблюдала за ним. На ее ресницах блестели слезы. Она, должно быть, ощущала ту же самую боль. Наконец, он спросил:

- А Яан?

- Сам пророк? - ответил Десаи. - Он знает только, что по какой-то причине вы убежали. Он думает, что вас засекли - а затем силы Империи еще раз обыскали гору Кронос, более тщательно. И шефы Компаньонов не возражали. Вероятно, вы можете посоветовать мне рассказать ему правду до того, как будет сделано публичное заявление.

Ивар спросил холодно:

- Что относительно Айчарайча?

- Он исчез, как и его чертова машина. Конечно, мы охотимся за ним. - Десаи скорчил гримасу. - Но боюсь, что не добьемся успеха. Так или иначе, этот злостный негодяй уберется с планеты. Но, по крайней мере, он не уничтожил нас.

Ивар отпустил руку девушки, словно сейчас ни она, ни что-либо другое не могли согреть его. Из-под упавшей пряди светлых волос взгляд его отливал синевой зимы.

- Вы действительно полагаете, что он смог бы?

- Второе пришествие, которое он изобретал, думаю могло бы, - ответил Десаи ровным тихим голосом. - Мы не можем быть уверены. Возможно Айчарайч знает нас лучше, но мы знаем себя. Но… смута случается из-за неблагополучного существования человека. Священная война, которую

нельзя остановить и которая уносит королевства и империи, хотя первых солдат революции бывает мало и они обычно ни куда не годятся.

Но вы видите, что их число растет. Населения целых планет присоединяются к восставшим. В действительности, человек никогда не хотел удобного Бога, разумного или доброго. Он хотел веру, дело, которое обещает все, но, главным образом, требует всего.

- Как мошки на пламя свечи…

- Я все больше убеждаюсь, что во вверенном мне округе Аэнеас, несмотря на обилие разных народов, есть одна общая черта - все они верят в какую-то легенду о могучих и мудрых предках. И никто не хочет признать, что эти предки могли быть такими же ограниченными, как мы.

Аэнеас шел в фарватере борьбы за политические цели. Последовавшее поражение повернуло жителей и их энергию назад к абстрактным вещам. И тогда Айчарайч изобрел для них учение, которое мог бы в одинаковой степени принять и самый преданный верующий, и самый закаленный ученый.

Я не думаю, что прилив этой Святой войны мог бы быть остановлен военными мерами. Концом ее была бы гуманность, а друзья гуман-

ности распадаются на две сферы. Нет, больше, чем на две, так как существуют противоречия в вере, которые, как я полагаю, были внесены туда преднамеренно. Например, является ли Бог Создателем или Созданным.

Ереси, преследования, восстания… Государства, изувеченные и хаотичные, ненавидящие друг друга больше, чем пришельцев.

Десаи сделал вдох прежде, чем закончить:

- Таких, как Мерсея. А это то, что и нужно Мерсее, сначала натравить нас друг против друга, а затем победить и покорить.

Ивар сжал кулаки.

- Действительно? - спросил он.

- Действительно, - сказал Десаи. - О-о, я знаю, как часто мерсейская угроза была полезна для политиков, промышленников, военных лордов и бюрократов Империи. Это не означает, что угроза нереальна. Я знаю, как пропаганда чернила мерсейцев, когда они, согласно.своим и многим нашим понятиям, являются вполне приличным народом. Это не означает, что их лидеры не рискнут установлением Длинной Ночи после завоевания превосходства.

Первенец, если вы хотите быть достойным того, чтобы руководить своим миром, вы должны

лишиться приятных иллюзий. И не верьте мне на слово. Изучайте. Спрашивайте. Идите и смотрите сами. Опирайтесь на личные размышления. Но всегда следуйте правде, чтобы ни происходило.

- Как тот иттрианин? - пробормотала Татьяна.

- Нет, все Владения Иттри, - сказал ей Десаи. - Эраннат был моим агентом, это так. Но он был также и агентом Владений. Они посылали его по предварительной договоренности, потому что сам факт, что он иностранец, его отличительная внешность и кажущаяся беспристрастность, могли помочь ему узнать то, что не могли земляне.

- Зачем иттрианам это было нужно? - спросил Ивар с вызовом. - Чтобы мы не вели с ними войну и не отняли часть их территории?

- Ну это все в далеком прошлом, вы понимаете. Эта территория давно ассимилирована нами. Подобная политическая платформа является идиотизмом. Земля никогда не пыталась захватить саму Иттри или какие-то ее колонии. Каковы бы ни были ошибки Империи, а их много, она признает определенные пределы, до которых может поступать мудро.

Мерсея нет.

Естественно, Эраннат ничего не знал об Айчарайче, когда прибыл сюда. Но он знал, что Аэнеас

является ключевой планетой этого сектора, и ожидал, что Мерсея работает где-то в подполье. Так как Земля и Иттри имеют много общих интересов - мир, стабильность, сдерживание ненасытного агрессора - он оказывал помощь, какую смог.

Десаи откашлялся.

- Простите, - сказал он. - Я не намеревался произносить такую длинную речь. Для меня она тоже оказалась сюрпризом. Я никакой не оратор, просто прославленный бюрократ. Но это дело, от которого зависят жизни миллиардов людей.

- Бы нашли его тело? - спросил Ивар бесцветным голосом.

- Да, - сказал Десаи. - Его роль - другое дело, мы не можем предать это гласности: слишком разоблачительная и слишком вызывающая. Фактически, мы вынуждены сыграть на руку Мерсее из-за страха потрясти хрупкий мир. Однако, тело Эранната отправилось домой на корабле Империи с почетным караулом.

- Это хорошо, - сказал Ивар, немного подумав.

- У вас есть какие-нибудь планы в отношении бедного Яана? - спросила Татьяна.

- Мы предоставим ему психиатрическую помощь, чтобы избавить от псевдодвойника, - по-

обещал Десаи. - Мне сказали, что это возможно.

- А если он откажется?

- Тогда он может доставить неприятности - потому что его движение не вымрет так быстро, если он сам не осудит его. Мы хотим оставить Яана в

покое. Вы можете не поверить этому, но я не одобряю использование людей.

Взгляд Десаи вернулся к Ивару.

- Как вас, Первенец, - сказал он. - Вас не будут принуждать. Никто не будет давить на вас. Хотя я предупреждаю, что работа с моей администрацией за реставрацию Аэнеаса в Империи будет тяжелой и неблагодарной. Она будет стоить вам друзей и долгих лет жизни, которую вы могли бы провести более приятно. И будет боль, когда вы должны будете принимать трудное решение или пойти на непопулярный компромисс. Я могу только надеяться, что вы будете с нами.

Десаи поднялся.

- Я думаю, что на этом ситуацию в данное время можно считать урегулированной, - сказал он. - Вы двое заработали право на личную жизнь. Пожалуйста, подумайте об этом, и, пожалуйста, навестите меня, когда пожелаете. А сейчас, доброго вам дня, Проссер Тэйн, Первенец Фридериксон.

- Верховный Комиссионер Земной Империи раскланялся. - Благодарю вас.

Ивар и Татьяна медленно поднялись, что бы пожать ему руку. И они сразу, словно возвысились над этим невысоким человеком.

- Я думаю, мы поможем, - сказал Ивар. - Аэнеас должен пережить Империю.

Татьяна воспользовалась этим:

- Сэр, я подозреваю, что мы обязаны вам большим, чем кто-либо может это признать, и меньше всего вы.

Когда Десаи закрыл за собой дверь, он услышал, как мышонок запел.

Яан до рассвета отправился в поход. Один.

Улицы еще были окутаны ночью, и он часто спотыкался. Но когда он вышел на пристань, о которую билось море, утреннее небо улыбнулось ему. Перед мерцающим пространством моря город был каменной грудой, заколдованной лунным сиянием.

Лучше всего Яан знал небо. Звезды толпились в темноте, которая сама казалась объятой огнем, пока не таяли скопом в катаракте Млечного пути. Самыми величественными были Круцио Альфа и Бета. Но он знал намного больше звезд, друзей жизненных странствий. Звезды свысока посмат-

ривали на неудавшегося пророка, мерцали и вращались. Ливиния была внизу, а Креуза спешила наверх. Низко над песчаными равнинами висела Дидо, утренняя звезда.

За исключением шума далеких водопадов, здесь было совсем тихо и смертельно холодно.

- Взирай на то, что реально и вечно, - сказал Карунф.

- Позволь мне остаться одному, - ответил Яан. - Ты фантом.

- Ты не веришь в это. Мы не верим.

- Тогда почему твоя комната сейчас пуста, а я одинок в своей голове?

- Другие победили - выиграли даже не битву, схватку в стремлении жизни стать Богом. Ты не одинок.

- Что нам следует делать?

- Отвергайте их вероломство. Провозглашайте правду.

- Но тебя со мной нет! Ты просто воспоминание, которое можно забыть или стереть.

- О-о, да, - сказал Карунф с ужасным презрением. - Они могут стереть мои следы; они могут также выхолостить тебя, если я позволю. Иди, стань домашним; снова делай свою обувь. А эти звезды будут продолжать светить.

- Наше дело в этом поколении, на этой планете, сломлено, - взмолился Яан. - Мы оба знаем об этом. Что нам остается делать? Только ходить несчастными, осмеянными, оскорбленными?

- Мы можем поддержать правду и умереть за нее.

- Правду? Где доказательства что ты реален, Карунф?

- Пустота, которую я оставил после себя, Яан. И это, думал он, действительно будет так. Бороться бесполезно... бесполезно... бесполезно...

пока смерть не даст ему покоя.

- Храни меня, - настаивал Карунф, - и мы умрем только раз, и это будет во имя последних солнц.

Яан обратился к своим ученикам. Помогите мне. Никто не ответил, за исключением Карунфа.

Небо засияло белизной на востоке, и Вергилий принес ясный Аэнеаский рассвет. Мир просыпался. Птицы захлопали крыльями и запели, радуясь солнцу. Над Ареной поднялись знамена и трубы возвестили начало нового дня.

Яан думал:

"Я сам хозяин своей жизни. И я могу наполнить свою жизнь содержанием. Я пойду искать помощи у людей".

Он никогда раньше не знал, как крут путь вверх.

Я молю тебя небом высоким,
Ветерком молодым над травой,
Чтоб остался мой взор одиноким.
Пусть свободен и дух будет мой.

Киплинг

THE DAY OF THEIR RETURN © 1974 by Poul Anderson